R 1/618

ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

У

РУССКАГО НАРОДА

въ зависимости отъ природы, климата и этнографическихъ особенностей.

Печатано по распоряженію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, Д. № 39.
1877.

Извлечено изъ журнала «*Труды*» Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества (Т. II. В. III и IV и Т. III В. I 1877 г.).

ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

у русскаго народа въ зависимости отъ природы, климата и этнографическихъ условій.

Литература того времени, когда подготовлялось дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, коснулась впервые одной изъ такихъ особенностей въ бытѣ русскаго народа, которая съ самаго возникновенія Русскаго государства и до настоящаго времени осталась неизмѣнною, несмотря на удѣльныя междоусобія, на иго монгольское, на смуты годовъ междуцарствія и на измѣненія, послѣдовавшія въ Россіи со временъ Петра Великаго; эту особенность не могло стереть крѣпостное право; на ея уничтоженіе не повліяли ни добровольные выходы крестьянъ на новыя земли, ни принудительныя на нихъ выселенія; сохранилась она во всей чистотѣ и въ тѣхъ русскихъ колоніяхъ, которыя возникали въ пустынныхъ степяхъ и горахъ Сибири, и даже въ тѣхъ поселеніяхъ, которыя составлялись изъ выходцевъ со всѣхъ концовъ обширной русской земли, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія закона; мало этого, она-же являлась основою всего строя жизни въ станицахъ и укрѣпленіяхъ, возникавшихъ на окраинахъ государства для защиты границъ отъ вторженія непріятелей. Особенность эта—есть *своеобразная форма владѣнія землею,* гдѣ право пользованія землею какого либо селенія считается принадлежащимъ каждому изъ коренныхъ (приписанныхъ къ сельскому обществу) жи-

телей, а право отвода каждому изъ нихъ соотвѣтственнаго участка этой земли для пользованія принадлежитъ міру, т.-е. обществу, или, говоря иначе, всѣмъ взрослымъ жителямъ селенія. У насъ принято называть эту форму землевладѣнія различными терминами: «мірское землевладѣніе», «общественное землевладѣніе» и всего чаще «общинное».

Исторія наша полна примѣрами и свидѣтельствами тому, что русское высшее общество всѣхъ временъ знало о существованіи у народа такой формы землевладѣнія, а правительство, относясь къ ней какъ къ факту повсемѣстно существующему, въ большей части своихъ распоряженій отправлялось отъ этого факта какъ основанія. Но критическаго отношенія къ этому факту въ русской наукѣ и литературѣ не проявлялось до конца пятидесятыхъ годовъ, т. е. до возникновенія у насъ работъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Поднятый въ это время вопросъ о значеніи существующей у крестьянъ формы землевладѣнія, о вліяніи ея на земледѣліе и общественную жизнь крестьянства былъ обсуждаемъ преимущественно *теоретически*. Окончивъ это обсужденіе, литература тѣхъ годовъ замолчала, предоставивъ послѣдующему времени перевести вопросъ о мірскомъ землевладѣніи въ новый фазисъ его развитія—*поставить его на практическую почву*, т.-е. изслѣдовать всѣ формы этого землевладѣнія, условія, имѣющія прямое или косвенное на него вліяніе, опредѣлить его ближайшія вліянія на разныя стороны народнаго быта и проч., уяснить, однимъ словомъ, въ русскомъ землевладѣніи все то, что не могло быть извѣстно въ тотъ періодъ времени, когда вопросъ о немъ былъ поднятъ впервые.

Нѣсколько годовъ прошло съ тѣхъ поръ, но какихъ годовъ? Продолжалось въ это время теченіе громаднѣйшаго дѣла—устройства быта освобожденныхъ крестьянъ; рождались и входили въ жизнь земскія учрежденія; измѣнялся въ корнѣ порядокъ суда, отправленія повинности военной службы; переработывались, однимъ словомъ, сверху до-низу всѣ существовавшія прежде отношенія не только между классами общества, но такъ-сказать отношенія между отцомъ и сыномъ въ каждой семьѣ, между однимъ человѣкомъ и другимъ. Каждая новая реформа возбуждала тьму новыхъ вопро-

совъ. Жизнь требовала ежеминутно какого либо по нимъ рѣшенія. Всѣ умы захвачены были на это дѣло.

Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ долженъ былъ пройдти не одинъ годъ времени для того, чтобы вопросъ о мірскомъ землевладѣніи могъ предстать въ новомъ фазисѣ развитія; и вотъ только въ послѣдніе года начали являться въ періодической печати — то сообщенія, касающіяся различныхъ сторонъ жизни крестьянской общины, то отрывочныя свѣдѣнія о существующихъ въ ней порядкахъ. Внѣ этой печати только двѣ вышедшія въ послѣднее время на русскомъ языкѣ книги содержатъ нѣсколько данныхъ изъ практики общиннаго землевладѣнія: это трудъ Посникова «Общинное землевладѣніе» и Якушкина «Обычное право» *). Такимъ образомъ въ настоящее время мы знаемъ о мірскомъ землевладѣніи весьма немного сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда у насъ заговорили о немъ впервые. Между тѣмъ, практика жизни, освоившись, на сколько возможно въ небольшой сравнительно промежутокъ времени, съ реформами настоящаго царствованія, начинаетъ поднимать новые вопросы, трогающіе тою или другою стороною эту форму землевладѣнія. Вопросы эти выходятъ главнымъ образомъ изъ двухъ стремленій: одно изъ нихъ возникшее съ отмѣны крѣпостнаго труда — обезпечить крупныя имѣнія работниками; другое — помочь горю крестьянства, хозяйствующаго первобытнымъ способомъ на малоземельныхъ и истощенныхъ надѣлахъ. Различныя исканія въ сферѣ этихъ стремленій создали цѣлый рядъ мнѣній, имѣющихъ въ виду удовлетвореніе настоятельной потребности — поднятія уровня сельскаго хозяйства въ Россіи.

Нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній формулировались очень опредѣленно въ формѣ цѣлыхъ проектовъ различныхъ ре-

---

*) Вышедшія въ концѣ 1876 г. «Землевладѣніе и земледѣліе» — кн. Васильчикова и «Очеркъ исторіи сельской общины на Сѣверѣ Россіи» — Соколовскаго (въ № 1 «Знанія» 1877 г.) не содержатъ практическихъ подробностей *о настоящихъ, нынѣ существующихъ* порядкахъ землевладѣнія у крестьянъ. Находящіяся у г. Соколовскаго данныя касаются болѣе проявленія общинныхъ порядковъ въ промысловой жизни крестьянъ Сѣверной Россіи.

формъ; другія являлись въ формѣ заявленій и докладовъ, предлагавшихся на разсмотрѣніе земскихъ собраній и сельско-хозяйственныхъ обществъ и съѣздовъ; третьи только высказывались въ видѣ замѣтокъ на страницахъ періодической печати. Сущность значительной части всѣхъ этихъ мнѣній можно выразить такъ:

1) *Прибавка земли* къ крестьянскимъ надѣламъ, *безъ всякаго измѣненія* существующей формы владѣнія землею.

2) *Увеличеніе надѣловъ посредствомъ выселенія* изъ густонаселенныхъ мѣстностей въ малонаселенныя на земли государственныя извѣстной части крестьянъ—тоже *безъ измѣненія* формы владѣнія землею.

3) Введеніе *долгосрочныхъ передѣловъ* общинной земли.

4) Прямое *уничтоженіе общиннаго землевладѣнія* и введеніе *участковаго* на общемъ правѣ наслѣдованія, или на правѣ маіоратномъ.

5) *Выселеніе* хозяевъ изъ деревень *на участки* доставшейся имъ по передѣлу общинной земли.

6) Введеніе *хуторскаго* хозяйства въ имѣніяхъ помѣщичьихъ.

7) *Дозволеніе* желающимъ *выходить изъ общины и переселяться въ малонаселенныя* мѣстности *для снятія* тамъ въ *аренду земель у помѣщиковъ.*

Самая характерная черта *большинства* этихъ, назовемъ ихъ—*проектами*, заключается въ измѣненіи существующей у крестьянъ формы землевладѣнія, такъ какъ только первые два проекта оставляютъ общину, а затѣмъ, введеніе долгосрочныхъ передѣловъ должно разсматривать уже какъ противуобщинную реформу, потому что она расшатываетъ общинныя понятія и привычки, созидая наклонность къ инаго рода владѣнію, насаждая мысль о томъ, что заботиться о хорошей обработкѣ земли нужно только въ виду близкихъ личныхъ интересовъ; такимъ образомъ реформа эта есть не что иное, какъ переходная ступень къ участковому владѣнію. Остальные проекты или прямо отрицаютъ общину, или построены на основаніяхъ съ ней несовмѣстныхъ. По цѣлямъ своимъ, одни изъ этихъ проектовъ служатъ исключительно пользамъ крестьянства, другіе имѣютъ въ виду обезпеченіе владѣльческихъ хозяйствъ достаточнымъ контингентомъ ра-

бочихъ. Развитіе въ Россіи сельскаго хозяйства ставится первыми двумя проектами въ зависимость отъ увеличенія крестьянской земли (Bauerland); третьимъ и четвертымъ — въ зависимость отъ причинъ, такъ-сказать, нравственныхъ, отъ взгляда на извѣстный участокъ земли не какъ на временно принадлежащій данному лицу, а какъ на неотъемлемое его *личное* достояніе; и пятымъ — въ зависимость отъ сокращенія того времени, которое затрачивается на переходы для работъ на участокъ, на вывозку на него удобренія и проч.

Послѣдніе два проекта, имѣющіе цѣлью прямо интересы помѣщичьихъ хозяйствъ, предполагаютъ достигнуть этой цѣли ничѣмъ инымъ, какъ только обезпеченіемъ имѣній рабочею силою; поэтому ясно, что они должны хлопотать о постановкѣ земледѣльческаго класса въ такое положеніе, при которомъ земледѣльцы имѣли-бы время и желаніе обработывать чужія земли или въ качествѣ арендаторовъ или работниковъ-батраковъ. А такъ какъ существующее общинное землевладѣніе есть одно изъ препятствій образованію ничѣмъ необезпеченныхъ людей, то понятно, что всѣ эти проекты не могутъ наклоняться въ пользу общины, а вслѣдствіе этого они и склонны всегда говорить въ пользу той группы проектовъ, которая стоитъ за участковое владѣніе; въ силу этого въ проектахъ обезпеченія помѣщиковъ работниками легко встрѣтить доводы и инсинуаціи или прямо о вредѣ общины, или о невыгодности хозяйства на участкахъ, удаленныхъ отъ мѣста жительства ихъ хозяевъ. Становясь чрезъ это родственными группѣ проектовъ, ратующихъ за участковую собственность, проекты обезпеченія помѣщиковъ работниками, подкупаютъ кромѣ того много въ свою пользу тѣмъ, что кажутся стоящими за интересы общіе всему государству; одинъ-же изъ нихъ, именно основывающій возможность увеличить количество работниковъ въ многоземельныхъ мѣстностяхъ посредствомъ выселеній желающихъ изъ малоземельныхъ, легко можетъ пользоваться и доводами проектовъ той группы, которая, стоя за общину, видитъ поправимость крестьянскаго хозяйства только въ увеличеніи количества надѣловъ, потому что разрѣженіе населенія въ данной мѣстности даетъ возможность увеличить надѣлы.

Такимъ образомъ, каждый ознакомившійся со всѣми проектами получаетъ массу впечатлѣній отъ доводовъ въ пользу слѣдующихъ двухъ положеній: а) дурное положеніе современнаго крестьянскаго хозяйства происходитъ отъ недостатка крестьянскихъ надѣловъ, а потому необходимо увеличеніе ихъ хотя-бы при посредствѣ разрѣженія населенія, и б) крестьянское хозяйство будетъ поправлено, если будутъ уничтожены передѣлы общинной земли, другими словами, введено участковое владѣніе.

Положенія эти крѣпко засѣдаютъ въ памяти еще и потому, что они легко соединимы въ одно: «значительный земельный надѣлъ и принадлежность его лицу, имъ пользующемуся на правахъ личной собственности, могутъ упрочить благополучіе крестьянства».

А такой выводъ, послѣ долгаго труда разсмотрѣнія тонкостей всѣхъ проектовъ, склоненъ, конечно, удовлетворить каждаго разсуждающаго о судьбахъ нашего сельскаго хозяйства, удовлетворить на столько, что нужны уже какія либо особыя, рѣзкія данныя, для пробужденія въ немъ вновь критической способности и для вывода его изъ лабиринта такого рода доводовъ, которые въ одно и то же время служатъ и проектамъ преслѣдующимъ пользы крестьянства, и проектамъ, направленнымъ исключительно къ выгодамъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, а также составляютъ и часть аргументаціи защитниковъ общиннаго землевладѣнія, поющихъ, какъ мы видѣли выше, по нѣкоторымъ предметамъ въ унисонъ съ его противниками.

Дайте намъ возможность *запахивать какъ можно болѣе земли* и найдите для осуществленія этого *какъ можно болѣе рабочихъ*, тогда мы будемъ въ силахъ вводить улучшенное хозяйство въ нашихъ имѣніяхъ—это говоритъ разумъ однихъ проектовъ; *прибавьте крестьянамъ земли*—и тогда поднимется ихъ хозяйство, и, кто знаетъ, можетъ быть, можно будетъ тогда подумать и о возможности заведенія раціональнаго хозяйства и на крестьянскихъ земляхъ—это разумъ другой группы проектовъ. Такимъ образомъ тѣ и другіе стремятся къ совиданію лучшаго хозяйства посредствомъ одной и той-же мѣры—*большаго количества запахиваемаго пространства*. Наконецъ послѣдняя группа проектовъ, вы-

годная для первой и предметъ нерасположенія для второй, не видитъ спасенія *въ одной только землѣ*; разумѣ ея — въ радикальномъ *измѣненіи системы землевладѣнія.*

И, такъ, по мнѣнію всѣхъ проектовъ (общинныхъ и противуобщинныхъ), есть двѣ возможности для вывода сельскаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ изъ настоящаго, первобытнаго его положенія: а) возможность запахиванія бо́льшаго количества земель у помѣщиковъ и крестьянъ, т.-е. говоря иначе — увеличенія у тѣхъ и другихъ земель приносящихъ доходъ, обработываемыхъ земель, и б) уничтоженіе у крестьянъ общиннаго землевладѣнія. Фактъ существованія такого рода проектовъ — весьма многознаменателенъ; мы имѣемъ, кажется, полное основаніе видѣть въ этихъ проектахъ если не проявленіе настроенія общественнаго мнѣнія, то, во всякомъ случаѣ, взгляды и мнѣнія, преобладающіе въ средѣ нашихъ сельскихъ хозяевъ. Придавая такое значеніе проектамъ и имѣя въ виду, что большинство ихъ идетъ противъ существованія общины, а незначительная ихъ часть, отстаивающая общину, защищаетъ ее отчасти тѣми-же доводами, которые въ остальныхъ проектахъ служатъ орудіемъ ее побивающимъ, мы склонны заключить, что вѣра въ нее сильно поколебалась въ русскомъ обществѣ. Между тѣмъ общество это не заботится о томъ, чтобъ изучить какъ слѣдуетъ эту прожившую съ русскимъ народомъ цѣлую тысячу лѣтъ форму землевладѣнія и имѣетъ о ней только одни теоретическія представленія. Оно упускаетъ изъ виду, что уничтоженіе общиннаго землевладѣнія будетъ составлять собою громадный историческій переворотъ, результатъ котораго, конечно, темень, потому что если намъ неизвѣстна въ надлежащей ясности вся практическая сторона общиннаго землевладѣнія со всѣми деталями его, то это значитъ, что у насъ нѣтъ достовѣрныхъ фактовъ для какихъ бы то ни было рѣшительныхъ сужденій объ этомъ предметѣ, а тѣмъ болѣе о послѣдствіяхъ оставленія этой формы землевладѣнія или уничтоженія ея. Но для чего нуженъ этотъ громадный переворотъ въ жизни *громадной массы* еще неграмотнаго пока крестьянскаго населенія Россіи? Выше мы видѣли, что будто-бы онъ необходимъ только для одной цѣли — для развитія сельскаго хозяйства въ

Россіи. Но дѣйствительно-ли отмѣна общиннаго землевладѣнія приведетъ къ этой цѣли, безусловно-ли вѣрно то основное положеніе, на которомъ построены проекты, положеніе утверждающее, что для поступательнаго движенія впередъ сельскаго хозяйства необходимы: для помѣщиковъ возможность запахивать больше земли, для крестьянъ—личная собственность? Неужели, кромѣ этихъ, никакія другія причины не обусловливаютъ развитія сельскаго хозяйства? Вотъ вопросъ, надъ которымъ слѣдуетъ задуматься. Какимъ образомъ ни въ одномъ изъ проектовъ не проглядываетъ мысли *о связи сельскаго хозяйства* у даннаго народа *съ чѣмъ либо иным, кромѣ земли и обрабатывающихъ ее рукъ?* Между тѣмъ, существуетъ много разнаго рода вліяній, дѣйствующихъ на положеніе сельскаго хозяйства. Вліянія эти могутъ быть сведены къ тремъ подраздѣленіямъ: а) историческія, б) природы и климата и в) степени развитія разныхъ сторонъ экономической жизни народа.

Но и неудивительно, что у насъ мало придается значенія этимъ вліяніямъ, потому что интелигентный нашъ классъ развивался доселѣ весьма своеобразнымъ образомъ, заимствуя всякаго рода познанія у западной Европы и упуская при этомъ ближайшее изученіе своего отечества. Поэтому намъ хорошо извѣстны исторія, географія, этнографія народовъ западныхъ государствъ, разработанныя тамъ до совершенства, но они едва тронуты у насъ, а слѣдовательно и данныя этихъ областей знанія касающіяся Россіи не вполнѣ намъ знакомы; незнаніе-же ихъ ведетъ не къ чему иному, какъ къ безсознательному игнорированію ихъ при обсужденіи какого либо чисто русскаго дѣла. Этимъ, конечно, объясняется и легкость, съ которою мы уже не первый десятокъ лѣтъ нашей сознательной жизни руководимся всецѣло только примѣрами западной Европы, пересаживаемъ, не долго думая, ея учрежденія на свою почву, и мало творимъ сами изъ своего собственнаго. Конечно, такое положеніе дѣлъ рано или поздно должно кончиться и начало этого конца мы уже начинаемъ видѣть въ увеличивающемся годъ отъ году стремленіи къ изученію родной страны. У насъ есть уже теперь отчасти данныя относительно климата, географіи, этнографіи, статистики Россіи, благодаря которымъ и начинаетъ у

пасъ расти мало-по-малу идея о томъ, что не все существующее на западѣ пригодно и намъ; а такъ какъ эта идея крайне существенна въ приложеніи къ сельско-хозяйственой дѣятельности, прямо и непосредственно соприкасающейся съ природою, то ясно, что знать *особенности русской природы* крайне важно и необходимо, а *судить безъ посредства ихъ* о той или другой системѣ сельскаго хозяйства крайне опасно. Но имѣлось-ли все это въ виду при составленіи выше очерченныхъ проектовъ? Самый вѣроятнѣйшій отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ отрицательный, потому что во 1-хъ у насъ знанія о природѣ и климатѣ Россіи и ея этнографіи еще весьма молоды и, во 2-хъ, если-бы вліяніямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣйствительно придано было должное значеніе при составленіи проектовъ, то неужели эти вліянія *не проглянули-бы* ни въ одномъ изъ проектовъ въ качествѣ хотя-бы одного *изъ краеугольныхъ камней* всего зданія проекта, и не выразились-бы вслѣдствіе сего въ сущности проекта? А между тѣмъ, разсматривая сущность всѣхъ безъ исключенія проектовъ, мы нашли только, что они хотятъ *лишь земли да рабочихъ рукъ.*

И такъ необходимо признать, что всѣ перечисленные нами выше проекты по улучшенію сельскаго хозяйства построены только на положеніи, что «для поступательнаго движенія впередъ сельскаго хозяйства въ Россіи нужны земля и обрабатывающія ее руки», что вопросовъ о *связи, существующей между землей и условіями природы, климата, нравовъ народа, степени численности его на занимаемомъ имъ пространствѣ, степени развитія разныхъ родовъ промышленности* (въ особенности обрабатывающей сырыя произведенія земледѣлія, безъ чего хозяйство можетъ быть только хищническое) не положено въ основу этихъ проектовъ; если-же они и принимались при составленіи ихъ въ соображеніе, то *не какъ основныя, а какъ побочныя вліянія*, не касающіяся ни сущности, ни характера проекта, а только *видоизмѣняющія его несущественныя частности.* Такъ, наприм., выгодна для землевладѣльцевъ густонаселенныхъ мѣстностей какая либо мѣра, влекущая за собой увеличеніе количества свободныхъ рукъ—является проектъ о созданіи участковаго владѣнія; выгодно для имѣ-

ній малонаселенныхъ мѣстностей выселеніе хорошихъ работниковъ изъ густонаселенныхъ — является проектъ о разселеніи; проектъ этотъ идетъ, конечно, противъ общины и хлопочетъ объ ея уничтоженіи, потому что община склонна не выпускать изъ себя хорошихъ работниковъ; а проектъ, защищающій общину и полагающій, что вся альфа и омега дѣла сельскаго хозяйства—въ *землѣ*, протягиваетъ руку послѣднему проекту, предлагая только разрѣшить выселеніе изъ общины, не уничтожая ея, и, такимъ образомъ, дать остающимся на мѣстѣ хозяевамъ возможность имѣть большіе надѣлы; представляется затѣмъ вѣрующему въ одну только *землю и землю* выгоднымъ, чтобъ участки не дробились въ будущемъ при переходѣ по наслѣдству, и вотъ поводъ явиться проекту о маіоратномъ правѣ наслѣдованія участками общинной земли, безъ всякой справки съ правами, которыхъ скоро не измѣнишь, и съ исторіей русскаго народа, безъ соображенія, наконецъ, о томъ, что право маіоратное укладывается очень хорошо въ одно цѣлое съ какою-то *теоретическою общиною*, или съ общиною, существующею гдѣ либо въ иной землѣ, но никакъ не съ общиннымъ землевладѣніемъ русскаго крестьянства, гдѣ каждый взрослый человѣкъ разсматривается имѣющимъ право на надѣлъ, гдѣ право это закрѣплено закономъ, надѣляющимъ землею не семьи, а души.

Вслѣдствіе этого необходимо взглянуть на упущенныя изъ виду, при проектированіи реформъ въ существующемъ крестьянскомъ землевладѣніи, вліянія, въ связи съ тѣми явленіями русской народной жизни, которыя имѣютъ мѣсто въ области экономической жизни народа и преимущественно въ его сельско-хозяйственной дѣятельности; при чемъ сами собою должны будутъ встать и выяснiться и вопросы о степени примѣнимости къ этой жизни проектовъ измѣненія настоящаго status-quo землевладѣнія нашего народа.

I.

Въ числѣ различныхъ системъ извлеченія дохода изъ земли посредствомъ отдачи ея въ чужое пользованіе есть одна извѣстная чуть-ли не всему міру. Идея ея крайне проста и несложна и можетъ быть выражена вся въ такихъ, немногихъ словахъ: съёмщикъ участка, поселившійся на немъ, имѣетъ всегда его передъ глазами и подъ руками, а потому ему удобно обрабатывать свой участокъ. Кажется, что сама истина такъ и свѣтитъ въ этихъ словахъ, въ особенности если взять въ разсчетъ огромное число фактовъ совпаденія основанной на этой идеѣ системы хозяйства съ блестящимъ его развитіемъ. Это совпаденіе мы видимъ преимущественно на западѣ Европы; а затѣмъ, бросая взглядъ на свое отечество, замѣчаемъ, что только оно, съ его первобытнымъ хозяйствомъ, почти не знаетъ такъ-называемой системы фермерства, а общинные порядки у русскаго земледѣльческаго класса ставятъ сильную преграду къ распространенію у насъ этой системы. Въ виду всего этого представляется крайне соблазнительнымъ прійдти къ заключенію, что стоитъ только устранить эту единственную преграду, или парализировать ея дѣйствіе какою либо частною мѣрою, и тогда обширныя земли нашихъ помѣщичьихъ имѣній легко покроются фермерскими хозяйствами.

Такъ представилось это дѣло «Московскому Обществу сельскаго хозяйства», и оно, рѣшивъ въ принципѣ начать пропаганду о заведеніи въ Россіи фермерскихъ хозяйствъ на владѣльческихъ земляхъ, пожелало справиться только съ условіями существованія собственно русскихъ фермерскихъ хозяйствъ, или какъ общество назвало ихъ «хуторовъ». Для исполненія этого дѣла общество образовало коммисію. Коммисія составила рядъ вопросовъ и разослала ихъ земствамъ, обществамъ, разнымъ учрежденіямъ и проч., прося отвѣтовъ. Знало-ли общество, что такого рода хозяйства существуютъ у насъ только въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и затѣмъ въ весьма ограниченномъ числѣ въ сосѣднихъ съ Балтійскими и сѣверо-западныхъ, и что, затѣмъ, не наберется ихъ и десятка въ другихъ частяхъ Россіи, да и тѣ устроены весьма

недавно членомъ общества г. Столыпинымъ? вѣроятно знало,—а потому на разсылку вопросовъ о существующихъ хуторахъ мы склонны смотрѣть какъ на первый актъ пропаганды въ пользу хуторовъ, и во всякомъ случаѣ остаемся довольны здѣсь тѣмъ, что съ перваго шага своего въ настоящемъ дѣлѣ общество вступило на путь нормальный, путь систематическаго ознакомленія Россіи съ его идеей и собранія относительно условій ея примѣненія свѣдѣній изъ практики русской жизни, каждая строка о которой, сочиненная не въ кабинетѣ, а изображающая живую дѣйствительность, должна быть оцѣниваема, по нашему мнѣнію, при скудости нашихъ знаній о родинѣ, на вѣсъ золота. Придавая такое значеніе многимъ отвѣтамъ, полученнымъ московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства на его вопросы, мы пользуемся пока однимъ изъ нихъ, дающимъ возможность установить надлежащую точку зрѣнія для оцѣнки какъ составленнаго обществомъ проекта «о хуторскомъ хозяйствѣ», такъ и другихъ, сходныхъ съ нимъ нѣкоторыми своими сторонами, проектовъ. Отвѣтъ этотъ написанъ не отъ лица единичнаго, а отъ сельско-хозяйственнаго учрежденія (онъ подписанъ — «секретаремъ Моисскаго общества сельскаго хозяйства») и знаменателенъ въ особенности тѣмъ, что составитель его, проникнутый насквозь симпатіями къ проекту хуторскаго хозяйства, отвѣчаетъ однако такими фактами и соображеніями, которыя прямо идутъ въ-разрѣзъ съ его стремленіями помочь дѣлу осуществленія проекта. Такъ, по его словамъ, хуторское хозяйство не развивается, во-первыхъ, потому что жизнь одной семьи вдали отъ другой полна неудобствъ, и именно: за всякою мелочью въ хозяйствѣ нужно ѣхать въ населенный пунктъ; въ случаѣ болѣзни, пожара и другихъ несчастій некуда обратиться за помощью; а такъ какъ, замѣтимъ и мы съ своей стороны, свѣтъ долго еще будетъ стоять не безъ лихихъ людей, то слѣдовательно одинокій хуторянинъ долго не будетъ обезпеченъ отъ покушеній на его скотъ, имущество и самую жизнь.

Итакъ, значитъ, пока народонаселеніе Донской области не придетъ въ соотвѣтствіе съ занимаемымъ ею пространствомъ, объ участковомъ владѣніи здѣсь нечего и думать. Однако же надѣлы въ этой области не прокармливаютъ крестьянъ;

близкихъ къ селеніямъ помѣщичьихъ земель, сдаваемыхъ въ аренду, достаетъ далеко не на всѣхъ. Что же дѣлаютъ эти, ничему неученые, крестьяне? Большинство ихъ, т. е. семьи, имѣющія мало воловъ, начинаютъ дѣйствовать по старой привычкѣ, принимаются слѣдовать заведенному изстари порядку землевладѣнія, гибельнаго, по мнѣнію весьма многихъ публицистовъ и практиковъ, для русскаго сельскаго хозяйства: нѣсколько семей, соединясь, составляютъ артель, снимаютъ сообща участки въ 200—400 десят. и выселяются туда на лѣто для обработки земли. Благодаря этому *скучиванью* на одномъ мѣстѣ хотя и незначительнаго числа людей, достигается на первый разъ *безопасность* жизни, имущества, скота и возможность добыть воду, т.-е. вырыть общими силами колодезь; такимъ образомъ человѣкъ здѣсь созидаетъ на первый разъ своимъ разумомъ такого рода условія, при которыхъ является *хотя какая либо возможность заняться земледѣліемъ*, а не сидѣть сложа руки, или ходить по заработкамъ, мало приносящимъ пользы, а между тѣмъ много берущимъ и времени и силъ и вносящимъ разладъ въ его родную семью. Но такъ какъ скучилось еще *не много людей*, то жизнь ихъ далеко не красна: люди живутъ здѣсь, по показанію г. секретаря міусскаго сельско-хозяйственнаго общества, въ земляпкахъ, въ которыхъ весною и осенью невыносимо; скотъ держится въ жалкихъ загонахъ; ночью отдыхать приходится не всѣмъ, потому что надобно сторожить животныхъ. А такъ какъ люди могутъ болѣть, земледѣльческія-же орудія ломаться, медиковъ-же, кузнецовъ, слесарей въ хуторахъ не полагается, то ясно, что главныя потребности этой земледѣльческой артели, т.-е. здоровье работниковъ и исправность орудій производства—далеко не обезпечены; а поразмысливъ дальше и взявъ въ разсчетъ то обстоятельство, что земледѣльческая промышленность только съ виду проста, а на самомъ дѣлѣ вещь очень сложная, необходимо прійдти къ заключенію, что, при малочисленности скучившихся семей, они не въ силахъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ какъ самаго земледѣльческаго дѣла, такъ и вообще всѣмъ потребностямъ человѣка въ его здоровомъ и больномъ состояніи. У американскаго фермера одинъ рабочій, воздѣлывающій землю «*исполу*», управляется, по разсказу г.

Самолевскаго, изучавшаго недавно въ Соед. Шт. Сѣв.-Америки сельское хозяйство, съ 10-тью десятинами; но тамъ трудъ его облегчается машинами; онъ не отвлекается отъ чисто земледѣльческихъ работъ разными побочными работами, потому что фермы располагаются непремѣнно около городка (уединенныхъ земледѣльческихъ фермъ нѣтъ), гдѣ есть все служащее потребностямъ земледѣльческаго производства: плотники, столяры, кузнецы, торговцы, заводчики, обдѣлывающіе сырые продукты и снабжающіе фермы удобреніемъ *). Англійская средняя ферма въ 26 десят. воздѣлывается семью человѣками, изъ которыхъ четверо наемные рабочіе и трое члены семьи, участвующіе въ работахъ; кромѣ того, здѣсь подъ руками ремесленники, торговцы, медики, а время и трудъ рабочихъ тоже сокращены машинами. Въ Германіи на 100 дес. приходится рабочихъ, вмѣстѣ съ хозяевами, не сидящими сложа руки, до 20 человѣкъ **). По разсчету одного изъ нашихъ ветерановъ-практиковъ, хозяйствовавшаго въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, знакомаго съ хозяйствомъ Америки и другихъ странъ, намъ, для обработки нашей сельскохозяйственной нивы, нужно рабочихъ въ 7-мь разъ болѣе того ихъ количества, которымъ располагаемъ мы нынѣ ***). На сколько верстъ отстоитъ большинство нашихъ деревень отъ городовъ, много ли селъ расположено у насъ близъ какихъ-либо промышленныхъ заведеній, много ли этихъ послѣднихъ, каковы пути сообщенія между селами и городами, каково отношеніе пространства земли къ населенію? Изъ отвѣтовъ на всѣ эти вопросы составляется картина, совсѣмъ противуположная тѣмъ, которыя рисуются при взглядѣ не только на маленькую Англію, но и на обширныя земли Сѣв.-Амер. Соед. Штатовъ, населенныя и обработываемыя пока только мѣстами, около сплавныхъ рѣкъ и желѣзныхъ дорогъ и представляющія пустыни во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ.

---

*) Докл. г. Самолевскаго Петербургскому Собранію сел. хозяевъ въ декабрѣ 1875 года.

**) Журн. «Сел. Хоз. и Лѣсов.», декабрь 1873 г. и февраль 1874 г., ст. А. Ермолова «Вѣнская всемірная выставка».

***) «Труды Императорскаго Вольнаго Экоком. Общ.», декабрь 1874 и февр. 1875 г., ст. Н. Рудиева «Отвѣты народной хозяйки».

Итакъ, если въ *настоящее* или *близко-будущее время* разселеніе русскаго люда въ такомъ порядкѣ, въ какомъ разселились американцы, т.-е. расположеніе крестьянскихъ участковъ около небольшихъ городковъ, *есть одна утопія*, или-же, если созданіе на громадномъ пространствѣ русской земли огромнаго количества фермеровъ, владѣющихъ 20—30-тью десятинами и приличными капиталами, и, притомъ, разсѣяніе между фермами громаднѣйшаго количества такихъ пунктовъ, на которыхъ будутъ жить разнаго рода люди, служащіе потребностямъ земледѣлія, *есть тоже утопія*, то хлопотать о развитіи у насъ хуторскаго хозяйства представляется дѣломъ совершенно напраснымъ. У насъ нельзя вести въ-одиночку никакого хозяйства, а тѣмъ болѣе улучшеннаго, требующаго, кромѣ работниковъ и машинъ, значительнаго контингента промышленниковъ и ремесленниковъ, служащихъ пользамъ земледѣлія,—таковы, напримѣръ, ремесленники, которые чинятъ сломанныя машины, заводчики, отдающіе отбросы ихъ производства на удобреніе полей, и проч., и проч. Если содержать подлѣ себя этихъ людей едва могутъ большая деревня и крупное помѣщичье имѣніе, то мыслимо ли это для хуторовъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ, удаленныхъ отъ города или большаго промышленнаго селенія на значительныя разстоянія, трудно проходимыя во время зимнихъ вьюгъ и морозовъ, весеннихъ и осеннихъ распутицъ.

Вліяніе условій природы, климата, отношенія пространства земли къ населенію дѣйствуетъ весьма замѣтно не на однихъ только мелкихъ землевладѣльцевъ, но и на крупныхъ. Такъ, въ силу этихъ условій наши помѣщики, во многихъ мѣстностяхъ Россіи, вынуждены держаться такой системы хозяйства, отличительные признаки которой весьма своеобразны и совершенно несходны съ признаками аренды и личнаго найма. Мы говоримъ здѣсь объ *испольной системѣ*, необходимость которой, напримѣръ, для валдайскаго уѣзда, такъ объясняется въ нашей спеціальной по сельскому хозяйству «Земледѣльческой Газетѣ»: положеніе уѣзда между двумя столицами, близость желѣзныхъ дорогъ, водяныхъ путей сообщенія влекутъ не только мужчинъ, но и женщинъ къ выходу на болѣе или менѣе прибыльные зара-

ботки; является такимъ образомъ недостатокъ рабочихъ рукъ, слѣдовательно невозможность помѣщику обрабатывать землю личнымъ наймомъ, а отсюда необходимость держаться испольной системы *). Мы сказали выше, что существенные признаки этой системы крайне своеобразны. Дѣйствительно, самый договоръ о *взятіи* земли «исполу» не можетъ быть приравненъ ни къ арендѣ, ни къ личному найму. При арендѣ собственникъ отдаетъ свое имущество — землю во владѣніе и пользованіе другаго лица за выговоренное *впередъ* вознагражденіе, которое и получаетъ въ назначенный срокъ, несмотря на то, принесла-ли земля какой-либо доходъ арендатору. При испольной же обработкѣ нѣтъ и рѣчи о полученіи собственникомъ въ данный срокъ опредѣленнаго вознагражденія, такъ какъ выговаривается только половина *будущаго урожая*. При анализѣ договора аренды можно говорить, что здѣсь лицо, прилагающее свой трудъ къ землѣ, вознаграждается произведеніями этой земли; а лицо, отдающее свою землю для извлеченія изъ нея дохода, вознаграждаетъ себя арендною платою; о *владѣніи* собственникомъ землею, о пользованіи имъ ея произведеніями — урожаемъ, до окончанія срока аренды нѣтъ здѣсь и рѣчи. При разложеніи на части договора о *взятіи* земли «исполу» оказывается, что трудъ испольщика вознаграждается изъ произведеній земли, добытыхъ при посредствѣ его труда, а собственникъ этой земли беретъ вознагражденіе — то-же изъ произведеній тойже земли, добытыхъ при посредствѣ труда того же испольщика, т.-е. относительно полученія вознагражденія оба лица представляются въ тождественныхъ условіяхъ, разсматриваются до времени окончательнаго раздѣла урожая, какъ *общіе пользователи имъ*; право на вещь — «*стоящій на корню хлѣбъ*» представляется *принадлежащимъ собственнику земли и испольщику, чего нѣтъ при арендѣ*». Эта своеобразность отношеній между двумя лицами при испольной системѣ, неукладывающаяся подъ понятія, возникающія при арендѣ, и составляетъ, вѣроятно, причину того, что въ практикѣ часто испольную систему приравниваютъ къ *личному найму*, дѣлая такимъ образомъ коренной промахъ, внося большую путаницу понятій, такъ какъ

*) № 30 «Земледѣльч. Газета» 1875 г.

объектъ личнаго найма есть «трудъ», а въ испольной системѣ, какъ договорѣ чисто имущественномъ, объектъ договора—«овещь»—*земля*. При личномъ наймѣ работнику не передается *права владѣнія* на землю, которая обработывается сегодня однимъ наемщикомъ, завтра другимъ и т. д.; не передается ему и *права пользованія* продуктомъ земли, и единственнымъ владѣльцемъ и пользователемъ ея состоитъ собственникъ *).

Второй своеобразный признакъ испольной системы есть то, что земля снимается исполу обыкновенно сосѣдями земле-владѣльца, снимается почти постоянно цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, которое и хозяйничаетъ ею или сообща, или посредствомъ раздѣла на участки, поступая, однимъ словомъ, здѣсь такъ, какъ поступаетъ оно со своею общинною землею.

При часто случающемся въ нашей сельскохозяйственной практикѣ соединеніи этихъ двухъ своеобразныхъ признаковъ «испольщины», она дѣлается весьма сходною съ такого рода договорами, примѣры которыхъ находимъ въ Ирлан-

---

*) У насъ часто смѣшивается понятіе, выражаемое словомъ *«собственность»*—съ понятіемъ, которое должно разумѣть подъ словомъ *«владѣніе»*, а вслѣдствіе этого зачастую употребляется вмѣсто перваго слова второе; между тѣмъ, *право собственности* есть сложное право, состоящее изъ трехъ правъ: *владѣнія*, *пользованія* и *распоряженія*, изъ которыхъ самое существенное послѣднее, т.-е. право уничтожить вещь, продать, подарить, вообще говоря, *отчуждать отъ себя*. Каждое изъ этихъ правъ можетъ находиться въ однѣхъ и разныхъ рукахъ, но собственникомъ будетъ признаваться то лицо, у котораго осталось право распоряженія. Въ отношеніи хозяйства землею, т.-е. извлеченія изъ нея ея произведеній—имѣетъ важное значеніе *право владѣнія* ею—держаніе ея въ своихъ рукахъ, при которомъ только и возможно производство различныхъ операцій съ землею. Это именно право и передается собственникомъ земли «испольщику» и такимъ образомъ *испольщикъ* существенно отличается отъ *наемнаго работника*. При обработкѣ земли наймомъ, собственникъ не дѣлится съ рабочимъ ни однимъ изъ правъ, входящихъ въ кругъ права собственности, поручая наемнику только производство отдѣльныхъ работъ; поэтому при наймѣ одинъ и тѣ же операціи по воздѣлыванію земли могутъ быть начаты одними работниками, продолжаемы другими, окончены третьими; при испольной же системѣ существенно производство всѣхъ операцій по обработкѣ земли однимъ и тѣмъ же испольщикомъ.

діи; договоры этого рода на языкѣ западныхъ экономистовъ называются обыкновенно земледѣльческими коопераціями. Такъ, въ Ирландіи владѣльцы нѣкоторыхъ имѣній, желая, заохотить рабочихъ къ болѣе выгодному для нихъ труду, договариваются съ ними объ обработкѣ полей за полученіе прибыли изъ урожая.

Въ нашей земледѣльческой общинѣ нѣтъ понятія о *единоличной собственности* на землю; собственникомъ ея признается юридическое лицо — «община», каждый членъ которой разсматривается какъ лицо, имѣющее право только *владѣть* и *пользоваться* извѣстною частью общей земли.

Осуществленіе этихъ правъ въ дѣйствительности производится, обыкновенно, въ разныхъ формахъ и между ними есть такія, которыя характеризуются тѣми же признаками, которые отличаютъ испольную систему отъ другихъ системъ хозяйства. Такъ, напримѣръ, общинники иногда пользуются сообща общинными лугами и, по снятіи съ нихъ сѣна, дѣлятся имъ поровну; иногда снимаютъ они «исполу» землю у частнаго землевладѣльца или казны цѣлымъ обществомъ. Здѣсь, до снятія хлѣба съ корня, онъ представляется принадлежащимъ и обществу съемщиковъ, и собственнику земли, т.-е. является тоже отношеніе, какъ и при отдачѣ помѣщикомъ участка исполу отдѣльной личности. Нелишнимъ будетъ при этомъ замѣтить, что, по мнѣнію многихъ нашихъ ученыхъ писателей, «въ общинномъ владѣніи можетъ находиться недвижимое имущество, принадлежащее или *не принадлежащее* на правахъ собственности» (см. «Недѣля», № 3—5, 1876 г., ст. Кавелина, стр. 130).

Такимъ образомъ, общинная и испольная системы, отличаясь существенно одна отъ другой, имѣютъ, однако, нѣкоторые общіе имъ признаки такого именно рода, что относительно ихъ можно сказать, что они плодъ извѣстныхъ обыкновеній народа, произведеніе привычки его предпринимать и производить извѣстныя дѣла въ извѣстной формѣ, а потому, говоря собственно о происхожденіи «испольщины», нужно сказать, что практикованіе ея у насъ вынуждается не только извѣстнымъ положеніемъ землевладѣльческаго класса, нерасполагающаго въ настоящее время оборотнымъ ка-

питаломъ, но и привычками народа, воспитавшагося въ практикѣ общиннаго землевладѣнія, начало которому, какъ мы выше видѣли, можно отчасти искать въ условіяхъ мѣстной природы, климата, отношеній пространства земли къ населенію; условія эти заставляютъ людей *кучиться* и *вмѣстѣ трудиться* надъ обработкой земли, такъ какъ дѣйствіе въ этомъ дѣлѣ *порознь* крайне нецѣлесообразно среди нашей суровой природы и обширныхъ нашихъ полей, степей и лѣсовъ *).

Наконецъ, есть у насъ еще одна форма производства сельскохозяйственныхъ работъ, происхожденіе которой обу-

---

*) Говоря о различіяхъ испольной системы отъ аренды и сближая первую съ общиною, мы не сочли удобнымъ помянуть въ текстѣ о *практическомъ различіи* платежа за пользованіе землею при арендѣ деньгами, а при испольщинѣ урожаемъ. Не сдѣлали мы этого упоминанія собственно затѣмъ, чтобы не осложнять пока дѣла введеніемъ, при разсмотрѣніи его, данныхъ не всѣми еще признанныхъ, а потому и нуждающихся въ продолжительномъ о нихъ трактатѣ. Между тѣмъ, различіе это, на наши глаза, волей-неволей обращаетъ на себя вниманіе, и пройдти его молча мы считаемъ невозможнымъ. А потому скажемъ о немъ нѣсколько словъ: продукты земледѣлія суть большею частью предметы, идущіе непосредственно въ пищу, а потому намъ кажется довольно существеннымъ вопросъ: получаетъ ли нашъ крестьянинъ за обработку чужой земли *хлѣбъ или деньги?* Хлѣбомъ онъ можетъ тотчасъ же удовлетворить самую главную потребность жизни— быть сытымъ; на деньги же ему еще нужно будетъ покупать хлѣбъ и слѣдовательно стать въ извѣстную зависимость отъ рынка, т.-е. отъ различныхъ сложныхъ условій, наклоняющихся иногда совершенно не въ пользу покупателя. Правда, деньги иногда бываютъ крайне нужны нашему крестьянству, но когда въ данной мѣстности у него нѣтъ ни хлѣба, ни денегъ, то въ этомъ случаѣ для правительства или земства легко тотчасъ же отсрочить взиманіе налоговъ, но не такъ-то легко доставить ему предметы пищи. Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, въ настоящее время въ большей части мѣстностей Россіи условія таковы, что крестьянству нашему все-таки выгоднѣе быть продавцемъ хлѣба, нежели его покупателемъ. А что касается до того, какъ этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ при предположеніи наступленія цвѣтущаго положенія сельскаго хозяйства, то здѣсь повода къ спорамъ по нему уже не представляется, потому что давно всѣмъ извѣстно *азбучное правило:* производители хлѣба производятъ его не за тѣмъ чтобъ покупать его для *поддержанія своей жизни*, а за *тѣмъ чтобы выменивать* его на другія, менѣе важныя, потребности жизни.

словлено тѣми же почти условіями, которыя дали начало общинѣ —это *«помочь»*. Самое ея названіе, затѣмъ производство работы на ней всѣми сообща и, наконецъ, отсутствіе платы за работу — достаточно свидѣтельствуютъ, что это не личный наемъ хозяиномъ работниковъ, а дѣйствительная помощь сосѣдей сосѣду, вполнѣ вытекающая изъ общиннаго склада жизни. Правда, нѣкоторые россіяне, потерявшіе всякій нюхъ въ отношеніи всего, что дѣлается въ русской землѣ, склонны допускать дисгармонирующее съ обстоятельствами окружающими помочь, объясненіе ея какъ личнаго найма, при которомъ хозяинъ платитъ работникамъ не деньгами, а угощеніемъ и водкою; но вся нелѣпость такого объясненія очевидна уже изъ одного того, что часто расходы на пиръ, даваемый хозяиномъ, собирающимъ помочь, превышаютъ стоимость работы наймомъ, и это не только при полевыхъ работахъ, но и при предпринятіи другихъ какихъ либо дѣлъ, неимѣющихъ съ обработкой земли никакой связи, напримѣръ, при вывозкѣ лѣсу на постройку избы *). Угощеніе на помочи хотя и считается въ сельскомъ быту необходимостью, но причина, дѣлающая необходимымъ угощеніе та же самая, которая вызываетъ устройство пировъ на свадьбахъ, крестинахъ, именинахъ. Тутъ дѣйствуетъ именно тонкое чувство приличія, потребность соблюсти стародавній обычай, совершить *одинъ изъ необходимыхъ обрядовъ крестьянской общественной жизни.*

Отрицая, такимъ образомъ, въ «помочи» всякую тѣнь «найма», мы перейдемъ теперь къ указаніямъ на данныя, поддерживающія до настоящаго времени ея обширную въ нашемъ сельскохозяйственномъ быту практику.

Короткое наше лѣто и значительныя по пространству (сравнительно съ государствами западной Европы) земли **)

---

*) См. «Труды» И. В. Э. Общества, сентябрь 1874 г.: «Замѣтки о крестьян. избахъ во Владимір. губ.» свящ. І. Бѣлина.

**) Въ Англіи средняя величина арендаторскаго участка 26 дес. Въ Германіи болѣе половины всѣхъ культивированныхъ земель приходится на долю средней поземельной собственности при размѣрахъ отъ 7 до 70

и малое, тоже сравнительно, количество народонаселенія производятъ часто у насъ потребность торопиться уборкой хлѣбовъ и травъ и сдѣлать въ одинъ день то, что при другихъ условіяхъ климата и населенности могло бы быть сдѣлано въ болѣе продолжительное время. Часто бываетъ такъ: на однихъ участкахъ даннаго селенія хлѣбъ вызрѣетъ совершенно, на другихъ же время зрѣлости его еще не наступило *). Промедлить владѣльцамъ первыхъ участковъ жатвою значитъ дать колосьямъ осыпаться — и вотъ каждый изъ нихъ созываетъ помочь, въ которой охотно принимаютъ участіе всѣ остальные владѣльцы участковъ, разсчитывающіе въ свое время тоже воспользоваться помочью **).

Сравнивъ всѣ эти отдѣльныя системы производства сельскохозяйственныхъ работъ — общинную, испольную и помочь,

---

дес. («Журн. Сел. Хоз. и Лѣс.» № 12, 1873 г. и № 2, 1874 г.). Мелкіе участки въ Германіи отъ ½ до 3 дес. находятся преимущественно на западѣ по Рейну, гдѣ общій характеръ мѣстной промышленности направленъ преимущественно на воздѣлываніе *высокодоходныхъ растеній* — винограда и проч.

*) Причина этому низменное, или болѣе высокое положеніе участковъ, болѣе ранній и болѣе поздній посѣвъ и проч.

**) Конечно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне крайне обѣднѣли, «помочью» пользуются только помѣщики, кулаки и вообще, такъ сказать, крупные землевладѣльцы и арендаторы. Но гдѣ крестьянство находится болѣе или менѣе въ лучшемъ положеніи, тамъ «помочь» служитъ и интересамъ мелкаго землевладѣнія. Во всякомъ случаѣ можно сказать что происхожденіе помочи идетъ прямо изъ общиннаго склада жизни русскаго крестьянства; что если она мало практикуется раззорившимся крестьянствомъ, то причина этому лежитъ только въ одномъ отсутствіи у владѣльца крайне небольшаго, или незапаханнаго по бѣдности средствъ надѣла, повода собирать «помочь». А что при случаѣ каждый крестьянинъ склоненъ ею пользоваться, это видно изъ приведеннаго въ текстѣ примѣра вывозки лѣса на избу не наймомъ, а помочью. «Помочь» сохранилась даже въ Малороссіи, вмѣстѣ съ другими общинными обычаями. Указываемъ на превосходныя статьи «Недѣли» 1876 года, подъ названіемъ: «Южно-русскія артели» Ф. Щ—на, помѣщенныя въ №№ 27, 34—35, 41, 43, 44—45. Приведенные барономъ Розеномъ въ запискахъ его, печатавшихся въ 1876 году въ «Отеч. Запискахъ», факты касающіеся сельскаго хозяйства въ Сибири, которымъ тамъ занимался и самъ авторъ, заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, указанія на весьма сильную распространенность «помочи» и въ этой отдаленной странѣ.

мы видимъ, что всѣ онѣ имѣютъ одинаковые существенные признаки; различіе между ними только формальное, и является оно лишь вслѣдствіе тѣхъ разнообразныхъ условій, въ которыхъ прилагается работа людей, привыкшихъ дѣйствовать на основаніи общиннаго начала. Это начало, развившееся вмѣстѣ съ общинной системой и постоянно ей присущее, направляетъ, складываетъ — въ подобную своей форму дѣйствія людей даже и тогда, когда они вступаютъ въ какой-нибудь договоръ съ лицомъ постороннимъ общинѣ, напримѣръ, снимаютъ землю у помѣщика или казны; оно же направляетъ ихъ на оказаніе безвозмездной помощи, просящему ея сосѣду ихъ, или другъ другу при жатвѣ нивы и кошеніи луга. Такимъ образомъ, всѣ онѣ родственны между собою и представляются произведеніемъ единыхъ условій природы, климата, географическаго положенія страны, отношеній пространства земли къ населенію.

Вышеизложенныя данныя, взятыя изъ практики современнаго русскаго сельскаго хозяйства, даютъ отчасти намекъ на то, *гдѣ и какими путями искать объясненія* одного страннаго явленія, замѣченнаго лицами, интересующимися бытомъ нашего крестьянства. Явленіе это заключается именно въ томъ, что крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей, получившіе въ собственность земельные надѣлы, хлопочутъ объ уничтоженіи личнаго владѣнія и *о переходѣ къ общинному*, а переселяемые на новыя земли крестьяне *заводятъ* не участковое, а тоже *общинное землевладѣніе*, не смотря на то, что къ послѣднему ихъ ничто не обязываетъ.

Такъ въ Ярославской губерніи, говоритъ г. Якушкинъ въ своемъ «Обычномъ правѣ», съ 1861 года по ноябрь мѣсяцъ 1874 года «внесено въ казну 679 лицами выкупной ссуды за 1,900 надѣловъ, но только 11 домохозяевъ потребовали выдѣла изъ общиннаго владѣнія 39-ти принадлежащихъ имъ надѣловъ и выдачи на нихъ данныхъ. Изъ 12,850 душъ крестьянъ, выкупившихся до 1861 г. на волю отъ помѣщиковъ по особымъ съ ними договорамъ, только одинъ домохозяинъ заявилъ желаніе выдѣлить свой участокъ къ одному мѣсту, между тѣмъ какъ на основаніи договоровъ и самаго закона (808 ст. IX том. св. зак.) крестьяне обязаны

были, въ теченіе опредѣленнаго срока, давно уже истекшаго, раздѣлить всю землю на отдѣльные участки, по числу домохозяевъ и перейдти отъ общиннаго землевладѣнія къ владѣнію землею на правахъ личной собственности. Затѣмъ «въ нѣкоторыхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на казенной землѣ, были составлены нѣсколько лѣтъ тому назадъ приговоры о раздѣлѣ общинной земли на подворные участки. Цѣлью этихъ приговоровъ было уничтоженіе круговой поруки, такъ какъ при подворномъ владѣніи ея нѣтъ. Круговая порука была у нихъ уничтожена, но земля не раздѣлена на участки до настоящаго времени и общинное владѣніе осталось у нихъ попрежнему»....

Кавелинъ, упоминая объ этихъ данныхъ въ помѣщенной въ №№ 3—5 и 6—7 «Недѣли» 1876 г. статьѣ: «Общинное владѣніе», добавляетъ съ своей стороны: «Въ Самарской губерніи нѣкоторые крестьяне, поселенные на казенныхъ земляхъ, испросили себѣ въ пятидесятыхъ годахъ разрѣшеніе раздѣлить участковыя свои земли по душамъ. Въ Спасскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, крестьяне села Ижевскаго, поступившіе въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ и раздѣлившіе сначала свои земли на участки, потомъ выпросили себѣ право перейти къ общинному владѣнію. Въ Бессарабіи существуютъ такъ называемыя резешскія вотчины, которыя сначала принадлежали нѣсколькимъ владѣльцамъ, переходили потомъ къ потомкамъ ихъ мужскаго и женскаго пола по равной части, а съ дальнѣйшимъ размноженіемъ уже не дѣлились, а оставались въ общинномъ владѣніи. Только для облегченія пользованія, отъ времени до времени производятся раздѣлы этихъ земель по взаимному соглашенію всѣхъ собственниковъ. Передѣлы между родами производятся каждыя 10—15 лѣтъ, а между членами одного рода—каждые два или три года».

Г. Девель въ Собраніи петерб. сельскихъ хозяевъ 2 марта 1876 г. заявлялъ, что «въ Тамбовской губерніи до 1861 года большинство государственныхъ крестьянъ пользовалось формой подворнаго владѣнія. Во время освобожденія они поголовно возстали противъ него и уставныя грамоты

были введены на правахъ общиннаго землевладѣнія. Подворная форма была введена въ Парголовской волости, но крестьяне заявили, что они не знаютъ, какъ отъ нея избавиться, потому что земля разбита на мелкіе клочки, что вызываетъ постоянныя дрязги, потравы».

Въ Московскомъ уѣздѣ, какъ это видно изъ изданнаго въ 1877 году москов. земствомъ «Сборника статист. свѣдѣній» *), изъ числа всѣхъ крестьянъ уѣзда *воспользовались правомъ выдѣла земли въ собственность только пять обществъ московскихъ ямщиковъ*, имѣвшихъ надѣлы свои на земляхъ, отчасти лежащихъ въ чертѣ Камеръ-коллежскаго вала Москвы, и *одно подгородное общество — с. Богородскаго*, любимаго мѣстопребыванія московскихъ дачниковъ. Къ настоящему времени изъ числа этихъ крестьянъ, получившихъ земельные надѣлы въ собственность, осталось весьма немного при своихъ земляхъ; земли остальныхъ уже перешли въ руки горожанъ. Тѣ же общества ямщиковъ, у которыхъ небольшое количество земли уцѣлѣло, благодаря общему пользованію, *нынѣ порѣшили никогда не дѣлить эту землю.*

Вообще, въ бытѣ нашего народа не объяснено еще множество явленій; поэтому намъ нисколько не показалось страннымъ прочитать въ упомянутой статьѣ Кавелина слѣдующія слова: «Трудно, не имѣя точныхъ данныхъ, рѣшить, чѣмъ мотивируется предрасположеніе нашего простаго народа къ общинному владѣнію, даже когда земля принадлежитъ отдѣльнымъ семьямъ на вотчинномъ правѣ? Даже нѣмцы, поселенные на Волгѣ, замѣнили у себя, какъ извѣстно, участковое владѣніе общиннымъ. Вопросъ во всякомъ случаѣ заслуживалъ бы подробнаго изслѣдованія, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей; быть можетъ, оно раскрыло бы намъ такія стороны общиннаго владѣнія, которыя мы теперь совершенно упускаемъ изъ виду»....

Мы уже сказали выше, что именно даетъ намекъ на путь рѣшенія этого самаго вопроса, и прибавимъ здѣсь къ ска-

---

*) Отдѣлъ хоз. статист. т. 1.

занному нѣсколько данныхъ, изъ которыхъ каждая говоритъ, что врядъ ли этотъ путь будетъ ошибочный.

Вліянія природы производятъ въ жизни людей иногда такія явленія, которыя не проявились бы въ дѣйствительности ни по чьему приказу. Суровый нашъ климатъ, огромнѣйшіе степи, лѣса, болота, тундры, дѣйствуя на сравнительно малочисленное населеніе наше, сильно даютъ знать себя не только во время трескучихъ зимнихъ морозовъ и вьюгъ, но и среди весны и лѣта.

Борьба съ этими суровыми условіями природы не подъ силу одному человѣку; и вотъ, какъ мы выше видѣли, люди стараются *кучиться*.

И кучатся они не только при занятіяхъ земледѣліемъ, но можно сказать утвердительно, при занятіи какимъ бы то ни было дѣломъ. Очень мало у насъ такихъ ремесленныхъ и промышленныхъ производствъ, гдѣ большинство ремесленниковъ и промышленниковъ не были бы соединены въ артели. Они и на промыселъ идутъ обществомъ, работаютъ обществомъ, возвращаются домой тоже всѣ вмѣстѣ. Кто бывалъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи, въ Сибирскихъ тайгахъ, тотъ очень хорошо знаетъ, что въ этихъ мѣстностяхъ почти невозможно одолѣть уже однѣхъ трудностей путей сообщенія одному человѣку. Мало этого, русскій солдатъ, еще такъ не давно служившій 25 лѣтъ, выправленный и измѣненный до того, что въ немъ не осталось даже подобія его прежняго внѣшняго образа, и тотъ при казарменной жизни своей, гдѣ все размѣрено, взвѣшено и опредѣлено заранѣе до самой мелочи, не обходится безъ артели. Можно изумляться, какъ артель—это дитя самоуправленія —нашла мѣсто для себя въ жизни, текущей подъ желѣзною дисциплиною.

Обратите затѣмъ вниманіе на общее довольство предпринимателей различныхъ производствъ промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ качествомъ артельныхъ работъ. Есть много людей, нерасположенныхъ къ общинному землевладѣнію, но и они громко выражаютъ похвалу работамъ артелей. Прочтите, напр., художественное описаніе Печерскимъ

быта артелей, отправившихся на рубку деревьевъ въ лѣса, и вы навѣрное вмѣстѣ съ авторомъ будете восхищены существующимъ у нихъ строгимъ порядкомъ въ жизни и въ отправленіи самаго дѣла, контролемъ за равномѣрностію работы, исключающимъ всякую возможность относиться небрежно къ дѣлу; изумлены вы будете также царствующею въ этихъ артеляхъ осмысленною строгою дисциплиною. Но такъ любовно относящійся къ этимъ общиннымъ порядкамъ авторъ «Лѣсовъ» громитъ (конечно только разсужденіями, а не фактами) общинное землевладѣніе и видитъ въ немъ препятствіе къ развитію благосостоянія крестьянства. Въ нашихъ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ журналахъ можно найдти очень много замѣтокъ, корреспонденцій, статей, заключающихъ въ себѣ описаніе нѣкоторыхъ частныхъ хозяйствъ, и прочесть въ нихъ множество похвальныхъ отзывовъ о качествѣ работы артельщиковъ, вмѣстѣ съ упоминаніемъ о томъ, что хотя наемъ работниковъ артельно стоитъ и дороже, чѣмъ наемъ одиночныхъ, но первые работаютъ исправнѣе, аккуратнѣе; поэтому для такого рода сельскохозяйственныхъ работъ, гдѣ необходимо, чтобъ онѣ были произведены отчетливо, хозяева предпочитаютъ имѣть дѣло съ артелью.

Итакъ, русскій народъ кучится въ артели вездѣ и повсюду и, скучившись, проявляетъ только хорошія наклонности своей природы. Доселѣ не было еще враговъ русскихъ промысловыхъ и ремесленныхъ артелей, и только раздавались голоса противъ *артели земледѣльческой*, противъ возможности соединенія всѣхъ мелкихъ участковъ цѣлаго селенія въ одинъ для обработки его сообща всѣми членами сельскаго общества. Голоса эти утверждали и продолжаютъ утверждать, что общинные начала и порядки тормозятъ развитіе сельскаго хозяйства крестьянъ. Но, прислушиваясь къ этимъ голосамъ, мы въ то же время не будемъ забывать и вышеприведеннаго факта, имѣющаго въ нашихъ глазахъ громадное значеніе— факта «признанія землевладѣльцами-сельскими хозяевами выгодности производить сельско-хозяйственныя работы наемными артелями работниковъ и свидѣтельства этихъ хозяевъ о томъ, что «артели работаютъ несравненно лучше, нежели одиночные работники».

Затѣмъ, мы имѣемъ рѣдкій фактъ выгодности приложенія къ сельскому хозяйству артельнаго начала въ Тускинской волости, Олонецкой губерніи, гдѣ 800 челов. крестьянъ два года рыли сообща канавы для осушенія болотъ, два года выжигали торфъ и добились своей цѣли; въ продолженіе трехъ лѣтъ они снимали съ осушенныхъ мѣстностей прекрасные урожаи хлѣба, а затѣмъ начали снимать съ нихъ отличное сѣно. Фактъ этотъ былъ разсказанъ въ Отечественныхъ Запискахъ» прошлыхъ годовъ *) и упоминаніе о немъ можно встрѣтить у Посникова въ его «Общинномъ землевладѣніи». Кромѣ того въ этой же книгѣ, а равно и въ трудѣ Якушкина «Обычное право», приведено еще нѣсколько подобныхъ предпріятій крестьянъ-общинниковъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи. «Въ Угодичской волости Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, говоритъ г. Якушкинъ, во владѣніи государственныхъ крестьянъ села Якимовскаго съ деревнями, находилось обширное покосное болото. Для осушенія его крестьяне прорыли канавы длиною около пяти верстъ. Работа эта была произведена самими крестьянами; какъ велика ея цѣнность — можно судить потому, что за одну очистку этой канавы они заплатили впослѣдствіи 720 руб. Сборъ сѣна на осушенномъ болотѣ увеличился, по показанію крестьянъ, вдвое. Въ Копринской волости, Рыбинскаго уѣзда, земля находится во владѣніи 51 селенія (3,000 душъ). Здѣсь постоянно тратятся значительныя суммы на улучшеніе общиннаго хозяйства. Такъ, въ селѣ Копринѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, употреблено 200 рублей на осушеніе 30 десятинъ болота подъ пашню и подъ посѣвъ клевера. Въ послѣднее время тамъ вновь распахано 11 десятинъ, на что израсходовано до 460 руб. Работы эти были произведены по приговору крестьянъ села Коприна, въ которомъ считается по 10 ревизіи 137 душъ. Подобныя осушенія болотъ и распашки есть въ каждомъ селеніи этой волости. Гораздо менѣе улучшеній встрѣчается въ мелкихъ обществахъ».

---

*) «Отеч. Зап.» 1874 г. № 2 «Сельская община въ Олонецкой губерніи»— Ал. Л—шъ. Стр. 234.

На что же указываютъ факты подобнаго рода? Конечно на то, что, подъ вліяніемъ привычки къ производству всякихъ дѣлъ артелями, нашему крестьянству легко даются такія предпріятія, которыя на западѣ, какъ напримѣръ въ Англіи и Германіи, производились и производятся, какъ это выяснено изслѣдованіемъ г. Посникова*), только по иниціативѣ правительства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже на его средства, а въ большинствѣ съ помощію его давленія на частныхъ землевладѣльцевъ, неохотно соединявшихся, не смотря на свое сравнительно высшее умственное развитіе, для выполненія полезнаго для всѣхъ ихъ предпріятія.

Итакъ, соединеніе въ артель для производства разнообразныхъ сельскохозяйственныхъ работъ увѣнчивается въ практикѣ русскаго сельскаго хозяйства блистательнымъ успѣхомъ.

А такъ какъ соединеніе это получаетъ, какъ мы выше видѣли, главнѣйшее свое начало въ условіяхъ природы, то слѣдовательно условія нашей своеобразной природы требуютъ, чтобъ и на *фабрикѣ полученія изъ земли продуктовъ ея производства* велось дѣло артельнымъ порядкомъ.

Но правильное теченіе дѣлъ на этой послѣдней фабрикѣ было нарушаемо у насъ, какъ извѣстно, господствомъ крѣпостнаго права. Этотъ бичъ общинныхъ порядковъ и правовъ хотя и не могъ совершенно искоренить ихъ, но во всякомъ случаѣ вліяніе его должно было задерживать естественное развитіе порядковъ общиннаго землевладѣнія, порядковъ, вышедшихъ изъ условій природы и климата. Кто знаетъ, если бы у насъ не было крѣпостнаго права, то можетъ быть и сельско-хозяйственная промышленность велась бы теперь у насъ столь же благоустроенно, на сколько благоустроенно ведется артелями всякая другая промышленность, развивавшаяся внѣ помѣщичьяго вмѣшательства—свободно. Крѣпостное право губительно дѣйствовало на общину уже однимъ тѣмъ, что оно постоянно выводило сельскую общину изъ равновѣсія, отличая по произволу нѣкоторыхъ изъ обще-

*) См. диссерт. его на степень магистра Полит. Экон. «Общинное землевладѣніе».

ственниковъ, давая изъ числа ихъ въ начальники всѣмъ остальнымъ людей, услужившихъ только барину, набирая многочисленныя дворни, и проч., и проч.

Право это, по сущности своей, не могло существовать, не тая въ себѣ безнравственнаго принципа Рима—divide et impera. Но и этотъ грозный и могучій врагъ не въ силахъ былъ совладать съ вліяніями природы на дѣйствія человѣка, и по отмѣнѣ крѣпостнаго права сами помѣщики тотчасъ преклонились передъ ея велѣніями: испольная система, признанная нами за кровную сестру общины, практикуемая нашимъ владѣльческимъ классомъ, а также заявленное неоднократно людьми изъ этого класса признаніе, что *рабочая артель лучше и добросовѣстнѣе работаетъ на ихъ земляхъ, чѣмъ одиночные батраки*, — есть самое лучшее свидѣтельство въ пользу *безсознательнаго повиновенія* тѣмъ условіямъ, начало которыхъ лежитъ въ русской природѣ.

Но въ нашей сельскохозяйственной практикѣ есть много еще такихъ обычаевъ и пріемовъ, которые кажется съ перваго взгляда не подойдутъ подъ такое объясненіе. Такъ напримѣръ крестьяне иногда дѣйствуютъ артелью въ такого рода предпріятіяхъ или работахъ, гдѣ рѣшительно нѣтъ къ этому никакого повода, т.-е. въ окружающихъ ихъ условіяхъ природы и климата не содержится ничего вынуждающаго къ дѣйствію сообща.

Такъ, напримѣръ, П. А. Малышевъ, описывая (въ Журн. сел. хоз. и лѣсов. май 1875 г. стр. 64 и слѣд.) хозяйство въ одномъ частномъ имѣніи Симбирской губерніи, разсказываетъ подробно процессъ снятія въ аренду крестьянами земель у помѣщика. Изъ разсказа этого видно, что сначала каждый крестьянинъ отдѣльно заявляетъ управляющему о количествѣ десятинъ, которыя онъ желаетъ снять; когда же начинается дѣло отвода самой земли, то прибывшіе на мѣсто съемщики представляютъ изъ себя уже нѣчто цѣлое, смотрятъ на арендованную каждымъ изъ нихъ землю, какъ на принадлежащую всѣмъ имъ сообща и начинаютъ дѣлить ее между собою по особой довольно остроумной системѣ, обращающей на себя вниманіе еще тѣмъ, что она ведетъ къ полученію каждымъ изъ нихъ участковъ одинаковаго *качества*. Вотъ эта система:

Каждый изъ арендаторовъ беретъ у управляющаго при заявленіи желанія снять землю столько ярлыковъ, сколько онъ пожелалъ взять десятинъ. По прибытіи на мѣсто отвода, берутся три шапки, предназначаемыя для складыванія въ нихъ каждымъ арендаторомъ ярлыковъ, въ такомъ порядкѣ: имѣющій три ярлыка кладетъ въ каждую по одному; имѣющій два кладетъ по одному въ двѣ крайнихъ, имѣющій одинъ ярлыкъ—въ среднюю. Предполагается, что первая крайняя шапка представляетъ десятины хорошаго качества, средняя—средняго, а послѣдняя крайняя—плохого. Затѣмъ всѣ арендаторы вмѣстѣ съ управляющимъ отправляются по полю и останавливаются по порядку передъ каждою десятиною. Управляющій спрашиваетъ, къ какому сорту земли они причисляютъ эту десятину, и затѣмъ, смотря по отвѣту, вынимается ярлыкъ изъ соотвѣтственной шапки, и чье имя написано на немъ, тому и достается эта десятина.

Спрашивается: для кого и для чего понадобилось выдумать такую систему и исполнять всю соединенную съ нею процедуру? Съ помѣщикомъ каждый вступалъ въ договоръ отдѣльно, хозяйничать на землѣ каждый намѣревается отдѣльно, разсчитываться урожаемъ съ помѣщикомъ тоже отдѣльно, и вышло бы дѣло гораздо проще, когда бы каждому указалъ управляющій участокъ, а тотъ бы взялъ его. Вопросъ этотъ очень хорошо разрѣшается при сопоставленіи приведеннаго факта съ данными относительно передѣловъ общинныхъ участковъ, собранными въ Саратовской губерніи В. Т—ъ и помѣщенными въ № 43 «Еженед.» 1875 г.

Изъ данныхъ этихъ оказывается, что передѣлы полей производятся въ каждомъ обществѣ на различные сроки: изъ 278 обществъ, о которыхъ доставлены свѣдѣнія, не передѣляются вовсе со времени полученія надѣловъ (1862 г.) только *23* общества; затѣмъ передѣляются отъ ревизіи до ревизіи—*38*; черезъ 10 лѣтъ—*11*; черезъ 8 лѣтъ—*2*; черезъ 6 лѣтъ—*20*; черезъ 5 лѣтъ—*21*; черезъ 3 года—*13*; черезъ 2 года—*22*; ежегодно—128. Порядокъ раздѣла вездѣ таковъ: каждое поле дѣлится *по качеству* на нѣсколько участковъ по числу душъ—первоначально на сотни, а потомъ на десятки: сотни и десятки раздѣляются по жеребьямъ, такъ что въ двухъ поляхъ можетъ достаться до шести заго-

новъ. Между раздѣлившимися допускается обмѣнъ загоновъ; при передѣлахъ на долгіе сроки получающіе землю худшаго качества вознаграждаются количествомъ.

Причины, вызывающія передѣлы—*желаніе достигнуть уравнительнаго распредѣленія земли по ея качеству и постоянныя измѣненія въ составѣ семействъ.*

Сопоставляя эти порядки Саратовской губерніи при раздѣлѣ общинной земли съ порядками Симбирской при снятіи земель въ аренду у помѣщика, видимъ одну и ту же характерную черту: и тутъ и тамъ дѣлится земля по извѣстной системѣ, для того, чтобы всѣмъ владѣть участками *одинаковаго качества, но не количества;* качество здѣсь играетъ первостепенную роль: каждый членъ общества смотритъ только за тѣмъ, чтобы ему достался участокъ равный другимъ по качеству; опредѣленіе же количества предоставляется и тутъ и тамъ усмотрѣнію каждаго общественника. Предполагается, что каждый возьметъ себѣ столько десятинъ, сколько онъ можетъ обработать, сообразуясь съ числомъ работниковъ въ семьѣ. Несоразмѣрнаго съ своими силами участка никто брать не пожелаетъ, потому что за землю нужно платить.

Количество получаетъ цѣну въ глазахъ общества только при раздѣлахъ на *долгіе сроки;* здѣсь получившіе земли худшаго качества вознаграждаются количествомъ. На такого рода сроки передѣляется не очень много обществъ въ Саратовской губерніи и, по всей вѣроятности, только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ по зажиточности семей, или можетъ быть по особымъ мѣстнымъ условіямъ не представляется тягостнымъ отбывать съ участка повинности даже въ случаѣ выбытія изъ семьи работника; такъ, В. Т—ъ между прочимъ упоминаетъ, что земля отбирается при несостоятельности къ уплатѣ повинностей и что нѣкоторыя общества допускаютъ отказъ отъ земли въ случаѣ убыли душъ въ семействѣ; ясное дѣло, что землю не отберутъ въ первомъ случаѣ и не возьмутъ во второмъ при общей бѣдности, когда никому не будетъ выгоднымъ, вступая во владѣніе ею, платить лежащіе на ней налоги *).

*) Когда эта статья уже была нами вполнѣ написана, вышло въ свѣтъ изданіе московскаго губ. земства: «*Сборникъ статистическихъ свѣдѣній*

Такимъ образомъ основная цѣль передѣловъ заключается въ возможной уравнительности по качеству. Но для чего именно въ нашей общинѣ нужно было такое уравненіе по качеству и оставленіе безъ вниманія уравненія по количеству?

Задавая этотъ вопросъ, мы близимся къ самой сути дѣла, къ искомому нами неизвѣстному, т.-е. къ причинѣ, обусловившей необходимость уравненія по качеству и отвѣтъ на этотъ вопросъ теперь, послѣ всего вышеизложеннаго, простъ:

по Московск. губ.» (отд. хозяйств. статистики т. I 1877 г.) составленный по порученію моск. губ. зем. управы В. Орловымъ). Въ книгѣ этой находится между прочимъ много свѣдѣній, собранныхъ относительно *переѣловъ полей.* Признавая вообще этотъ матеріалъ крайне драгоцѣннымъ по рѣдкости его въ нашей литературѣ, мы кромѣ того находимъ въ немъ данныя для подтвержденія высказанныхъ нами въ текстѣ *предположеній* относительно существованія *причинъ, управляющихъ передѣлами,* а поэтому и считаемъ необходимымъ дополнить все сказанное нами въ текстѣ данными изъ «Сборника» московскаго земства. Нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ *прямо* говорятъ за то, что *передѣлы на долгіе и короткіе сроки* не есть плодъ какой то будто бы безурядицы въ бытѣ русскаго народа, а основаніе ихъ лежитъ въ дѣйствительно разумной причинѣ и что существованіе ихъ при особыхъ условіяхъ настоящаго быта частію устранимыхъ въ будущемъ, частію невозможныхъ къ устраненію, отнюдь не разрушаетъ *общаго благосостоянія* и не подрываетъ *сельскаго хозяйства,* а наоборотъ, оказываетъ совершенно противное вліяніе. Пользуясь означенными данными, постараемся очертить здѣсь вкратцѣ условія, вызывающія передѣлы въ Московскомъ уѣздѣ и причины различныхъ сроковъ этихъ передѣловъ. Если извѣстное селеніе подѣлитъ разъ землю на извѣстный продолжительный срокъ и каждый домохозяинъ получитъ сообразно своимъ силамъ участокъ равномѣрный со всѣми другими *по качеству,* то эта равномѣрность большею частію долго не держится. Наступаютъ обыкновенно такого рода измѣненія: одного изъ домохозяевъ берутъ напримѣръ въ солдаты, другой умираетъ, оставляя малолѣтнихъ дѣтей; у третьяго падаетъ корова, крадется лошадь людьми или съѣдается волками; четвертаго постигаетъ другое какое либо несчастіе. Послѣдствіемъ каждаго изъ этихъ несчастій является невозможность хорошо воздѣлать участокъ, или какъ напр. въ случаѣ смерти единственнаго работника въ семьѣ, полное оставленіе земли безъ обработки. Послѣдствіе это имѣетъ мѣсто въ первый годъ послѣ несчастія.

Что-же будетъ далѣе? Хозяева участковъ обѣднѣвшіе питаютъ конечно надежду оправиться на будущій годъ. Но эта надежда, конечно, сбывается весьма рѣдко; участки-же вдовы съ сиротами и солдатки не идутъ съ ихъ рукъ въ аренду, потому что позапущенная земля не даетъ хорошаго сбору. И вотъ чрезъ нѣсколько времени всѣ эти участки *несча-*

вспомнимъ, для чего люди скучились? Для того, что одному нельзя ничего подѣлать въ дѣлѣ воздѣлыванія земли; каждый, слѣдовательно, сходится съ другими за тѣмъ, чтобы: во 1-хъ, ему можно было быть цѣлымъ и невредимымъ среди условій нашей природы, и во 2-хъ, чтобы добыть каждому столько произведеній земли, сколько онъ можетъ добыть.

Взять въ этихъ цѣляхъ много земли, но земли худой, дѣло невыгоднос, потому что времени за большимъ участкомъ нужно потратить много, а получить придется съ него мень-

---

стливыхъ владѣльцевъ оказываются въ положеніи такъ называемыхъ *залужалыхъ* земель, т.-е. крайне упадшихъ въ цѣнѣ вслѣдствіе ихъ запущенности и обращенныхъ подъ траву. Этой «залужалой» земли уже никто изъ однодеревенцевъ не возьметъ въ аренду, потому что потребуется много затратъ на приведеніе ея въ такое положеніе, при которомъ она окупила бы лежащіе на ней налоги и дала бы доходъ. По если бы и нашелся съемщикъ такой земли, то деньги за нее онъ долженъ уплачивать старостѣ въ счетъ лежащихъ на ея владѣльцѣ недоимокъ. Поэтому владѣльцы подобныхъ участковъ предпочитаютъ запускать на нихъ траву, за которую деньги идутъ въ ихъ собственныя руки. *По обществу крайне невыгодно допускать образованіе такихъ «залужалыхъ» земель* и потому оно старается всегда настаивать на томъ, *чтобъ надѣлъ былъ отобранъ отъ неисправнаго хозяина какъ можно скорѣе и переданъ способному содержать его въ исправности.* Невыгода эта понятна, п. ч., во-первыхъ, за землю или за подать, лежащую на ней, приходится отвѣчать всему обществу и во-вторыхъ, каждый единичный членъ опасается, что при наступленіи условій для новаго передѣла окажется много земель плохо обработанныхъ и такимъ образомъ увеличатся шансы на полученіе худой земли вмѣсто хорошей. Вотъ эти то обстоятельства и вынуждаютъ производить время отъ времени передѣлы полей. Вслѣдствіе сего въ томъ обществѣ, гдѣ является больше условій, отъ которыхъ могутъ бѣднѣть домохозяева, выростаетъ больше и опасеній относительно образованія земель *«залужалыхъ»*, невыгодность которыхъ очевидна для бѣднаго и богатаго. Поэтому, гдѣ были эпидемическія болѣзни, гдѣ вывалывался скотъ отъ болѣзней, гдѣ заморозки, засуха, градъ, насѣкомыя раззорили домохозяевъ, гдѣ паразиты—кабакъ и кулакъ—всосались глубже въ экономическій бытъ селенія, тамъ, конечно, будетъ или много земель *«залужалыхъ»*, или *частые передѣлы*. Такимъ образомъ эти *передѣлы есть лекарство противъ извѣстнаго зла—обѣднѣнія временнаго землевладѣльца.* Будь у нашего крестьянства *личная собственность* (участковое землевладѣніе), исходъ всѣхъ перечисленныхъ несчастій былъ бы еще болѣе горькій для крестьянства, еще болѣе невыгодный для государства. Сами крестьяне Московскаго уѣзда такъ объясняютъ то положеніе, которое должно наступить въ случаѣ передачи каждому домохозяину участка его въ личную собственность: *«Только дайте намъ свободу про-*

ше, нежели съ участка меньшаго пространствомъ, но лучшаго по качеству. Поэтому стремленіе каждаго хозяина взять хорошую землю находитъ себѣ ограниченіе въ такихъ же стремленіяхъ и всѣхъ остальныхъ хозяевъ; при этомъ всѣ они сознаютъ невозможность жить не вмѣстѣ, не дѣйствовать сообща. Отсюда уже недалеко до того, чтобы установился съ теченіемъ времени обычай, ограждать благополучіе каждаго члена общины, представляемаго у насъ семьей, установленіемъ равномѣрнаго раздѣла земли по качеству.

давать землю и тогда большинство изъ насъ станетъ чуть не даромъ обывать ее, а если запрещено будетъ продавать свои участки, то не съ кого будетъ подати собирать». И неудивительно, *что не съ кого*—замѣтимъ мы отъ себя, потому что въ послѣднемъ случаѣ число *залужалыхъ* земель дойдетъ до крайняго размѣра, въ аренду ихъ брать никто не станетъ. Въ «Сборникѣ» приведенъ любопытнѣйшій фактъ:—«*гдѣ арендныя цѣны на крестьянскій надѣлъ равны или выше суммы всѣхъ платежей, причитающихся съ души—залужалыхъ полосъ нѣтъ и вся земля обрабатывается*». Залужалая же земля будетъ всегда, какъ мы выше видѣли, землею малоцѣнною, неокупающею лежащихъ на ней податей, неудобною для аренды.

Въ отвѣтахъ крестьянъ на вопросъ: «отъ чего они не переходятъ къ *подворному владѣнію*»—снова просвѣчиваетъ взглядъ крестьянъ на передѣлы, какъ *на спасительное средство* противъ обращенія огромныхъ пространствъ въ *залужалыя земли.* Крестьяне именно говорятъ: «1) Въ семьѣ остается вдова съ малолѣтками; работи иковъ нанимать не изъ чего; въ аренду отдавать невыгодно—арендная плата нерѣдко не окупаетъ платежей, лежащихъ на землѣ. 2) Домовладѣлецъ идетъ въ солдаты, молодая жена не способна вести хозяйство, а нанимать работника не по средствамъ. 3) Случайное несчастіе (падежъ, покража скота, пожаръ и т. п.)—домохозяинъ до оправки не можетъ обработывать землю.... Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ *общество беретъ землю въ свое владѣніе и отдаетъ ее многосемейному съ достаточнымъ числомъ работниковъ и вообще исправному домохозяину, возлагая на него и оплату лежащихъ на землѣ податей.* По достиженіи малолѣтками совершеннаго возраста, по окончаніи срока службы солдата-домовладѣльца, по «оправкѣ» несчастливаго домохозяина, *всѣ они при новомъ передѣлѣ* получаютъ вновь слѣдующіе имъ надѣлы. Перечисляемъ въ заключеніе особенности, при которыхъ производятся передѣлы:

1) Передѣлы *на долгіе сроки преобладаютъ въ волостяхъ, въ которыхъ земли лучше удобрены* и *имѣютъ сравнительно высокую цѣнность.* Напротивъ, *краткосрочные и безсрочные* передѣлы встрѣчаются въ волостяхъ, отличающихся *обиліемъ земель, худшею обработкою ихъ и низкою арендною платою.*

Безъ уравненія выгодъ каждаго нѣтъ общины, а безъ общины опять невозможно большинству крестьянъ средняго состоянія и приниматься, какъ это мы видѣли выше, за хозяйство.

Что необходимость уравнительности угодій сидитъ глубоко въ сознаніи нашего крестьянства, что вопросъ объ этомъ разработанъ до тонкости въ умѣ нашихъ крестьянъ—это видно уже изъ разсмотрѣнія вышеизложенныхъ глубоко обдуманныхъ и цѣлесообразныхъ системъ раздѣла; но кромѣ

---

2) Замѣчается *общее стремленіе къ удлиненію сроковъ*, на которые передѣляется земля.

3) Передѣляются полевыя и сѣнокосныя земли, при чемъ *сѣнокосныя ежегодно во всѣхъ обществахъ*. Лѣсныя пространства и выгоны не передѣляются, оставаясь *постоянно* въ общемъ пользованіи.

4) Болѣе половины всѣхъ обществъ въ уѣздѣ передѣляютъ свои земли на опредѣленные сроки, преимущественно на 10,12,15 лѣтъ. На срокъ болѣе 15-ти лѣтъ передѣляются 5 обществъ, на срокъ менѣе 10 лѣтъ—17 обществъ, отъ 1 до 2 лѣтъ—4 общества.

5) Во многихъ обществахъ пріурочиваются передѣлы ко времени ревизій.

6) Въ 39 обществахъ земля передѣляется безсрочно, смотря по надобности, при чемъ *частость передѣловъ фактически бываетъ весьма различна:* въ нѣкоторыхъ обществахъ передѣлы производятся черезъ 2—3 года, въ другихъ черезъ 4—6 лѣтъ.

7) *Усадебная земля* (имѣющая здѣсь особенную цѣнность, потому что благодаря близости къ столицѣ здѣсь выгодно заводить садовое и огородное хозяйство, которое ведется иногда отчасти при посредствѣ найма, даже при отсутствіи въ семьѣ мужчинъ) почти *никогда не передѣлятся* и обыкновенно при наступленіи обстоятельствъ, требующихъ такого передѣла, гдѣ бы въ число передѣляемыхъ земель вошли и усадебныя земли, замѣняютъ послѣднія *двойнымъ* и даже *тройнымъ* количествомъ пахатной земли. Усадебную землю стараются прирѣзать возлѣ дома, избѣгая черезполосныхъ усадебъ. Если гдѣ и происходятъ подушные передѣлы усадебъ, то они дѣлаются на болѣе продолжительные сроки, нежели передѣлы пахатной земли. Передѣлъ усадебныхъ земель бываетъ преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, *гдѣ пахатныя поля запущены*; и здѣсь они передѣляются чаще полевыхъ угодій.

Въ большинствѣ обществъ дѣлятъ землю *на число душъ мужскаго пола* въ семьѣ, въ нѣкоторыхъ-же только *по числу работниковъ, достигшихъ* 18 лѣтъ. Земля полевыхъ угодій обыкновенно дѣлится сначала на три поля, каждое поле по качеству почвы раздѣляется на нѣсколько клиньевъ, а каждый клинъ—на душевыя полосы. Въ большей части обществъ

*

того это же самое обстоятельство блистательно подтверждается еще одною системою раздѣла луговъ. Изъ разбора этой системы можно вывести прямое заключеніе, что вопросъ о равномѣрности владѣнія понимается крестьянствомъ не близоруко, т.-е. преслѣдуется обществомъ выгода не одного года, но берется въ соображеніе довольно обширный періодъ времени. Вотъ эта система: все количество луговъ начально дѣлится на 10-ть участковъ; съ каждаго изъ нихъ предоставляется снимать траву десяти человѣкамъ. Каждый участокъ отмѣчается шестомъ и называется по мѣстному *) *жеребьемъ*. Каждый десятокъ крестьянъ, пользовавшійся одинъ годъ однимъ изъ жеребьевъ, получаетъ на слѣдующій годъ уже другой жеребій по слѣдующему порядку: десятокъ крестьянъ, пользовавшійся *послѣднимъ*, крайнимъ напримѣръ на южной сторонѣ луга жеребьемъ, получаетъ *первый* т.-е. крайній на сѣверной сторонѣ луга жеребій; десятокъ-же, занимавшій первый жеребій на сѣверѣ, переводится на второй съ сѣвера, второй десятокъ отодвигается на третій жеребій, и такъ далѣе. Этотъ переводъ десятковъ производится выборными отъ каждаго десятка. Такимъ образомъ черезъ 10-ть лѣтъ тотъ десятокъ, который былъ посаженъ на сѣверный конецъ, окажется уже на южномъ. Иногда, вслѣд-

---

стараются въ избѣжаніе черезполосности отводить возможно широкія полосы.

Въ избѣжаніе частыхъ передѣловъ, для подростающихъ членовъ семей оставляютъ въ запасъ по нѣсколько душевыхъ надѣловъ (3—8), которые остаются въ общемъ пользованіи или сдаются въ аренду.

Совокупность этихъ послѣднихъ данныхъ въ связи съ тѣмъ, что выше было сказано о причинахъ передѣловъ, позволяетъ положительно сказать, что *передѣлы* есть *средство* противъ *запущенія земель*—запущенія, происходящаго отъ множества условій, враждебныхъ сельскому хозяйству; что передѣловъ почти не существуетъ тамъ, гдѣ эти *враждебныя условія* дѣйствуютъ легче и во всякомъ случаѣ не во всей ихъ совокупности и въ одно и тоже время; такъ, напримѣръ, гдѣ вдова съ сиротами и солдатка съ малолѣтками владѣютъ весьма хорошими землями, гдѣ арендныя цѣны стоятъ высоки, гдѣ чума не вывалила скотъ и проч.,— тамъ и не заводится рѣчи объ отобраніи отъ солдатки и вдовы участковъ, потому что подати на этихъ земляхъ будутъ оплачены и нечего бояться за то, что земли сдѣлаются залужалыми, т.-е. обременительными для общества.

*) Въ Ямбургскомъ уѣздѣ, Петерб. губерніи.

ствіе весенних разливовъ, цѣлый жеребій засыпается пескомъ, но это обстоятельство не прекращаетъ дѣлежа; оставшихся безъ сѣна утѣшаютъ другіе слѣдующими словами: «что же дѣлать, можетъ быть, будетъ время, когда и на нашу долю выпадетъ такая-же колея» *). Эти слова и эти порядки дѣлежа говорятъ краснорѣчиво сами за себя, прямо свидѣтельствуя, что въ основу уравнительности положенъ не узкій взглядъ, что дѣло это разсчитывается не на близкую, бросающуюся въ глаза выгоду: здѣсь общинники смотрятъ впередъ на нѣсколько лѣтъ и преслѣдуется ими цѣль возможнаго благополучія большинства личностей, составляющихъ общину **). Все это оказывается въ высшей степени соотвѣтственнымъ съ тѣмъ сознаніемъ, которое дастъ начало общинѣ, т.-е. съ сознаніемъ, что безъ скучиванья значительнаго числа людей жить и работать при условіяхъ нашей природы невозможно.

Намъ кажется, что всѣхъ этихъ фактовъ, взятыхъ въ связи со всѣмъ тѣмъ, что говорено относительно числа и значенія промышленныхъ артелей, достаточно, чтобъ рѣшиться сказать, что общинные порядки жизни, общинныя понятія,

---

*) «Еженедѣльникъ» № 26 1875 г.

**) Подобный порядокъ пользованія городскою землею разсказанъ въ «обычномъ правѣ» г. Якушкина. Говоря именно о способѣ пользованія городскою сѣнокосною землею, принадлежащею городу Мологѣ (Яросл. губерн.) г. Якушкинъ сообщаетъ: «Луга раздѣлены на 11 участковъ, по числу городскихъ сотенъ. Каждая изъ сотенъ пользуется отдѣльнымъ участкомъ, мѣняя его ежегодно на новый, въ продолженіи 11 лѣтъ. Сотня избираетъ сотельника, который распоряжается уборкою сѣна на общій счетъ. Сѣно положенное въ копны, дѣлится между горожанами, принадлежащими къ сотнѣ, по числу душъ обложенныхъ платежемъ; купеческій капиталъ считается за семь душъ. Этотъ порядокъ пользованія землею существуетъ издавна. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ губернское правленіе, завѣдывавшее городскимъ хозяйствомъ, предписало Мологской думѣ отдавать сѣнокосную землю въ аренду съ торговъ. Но распоряженіе это не имѣло никакихъ послѣдствій. Довѣренный сотни бралъ съ торговъ производившихся только для формы тотъ участокъ земли, который по заведенной очереди долженъ былъ достаться въ тотъ годъ его сотнѣ. Затѣмъ уборка сѣна и раздѣлъ его происходили обыкновеннымъ порядкомъ. Г. Потанинъ разсказываетъ въ № 6. «Древн. и нов. Рос.» подобный-же фактъ, замѣченный имъ въ г. Никольскѣ Волог. губ.

выработанныя до крайней тонкости, *составляютъ главнѣйшую массу умственныхъ представленій нашего крестьянства*, или, говоря иначе: общинными тенденціями проникнуто насквозь его мышленіе, изъ общинныхъ принциповъ составляется кодексъ его нравственности; общинные инстинкты всасываются у него съ молокомъ матери; а вслѣдствіе этого, куда не занесн его судьба, онъ проявитъ вездѣ общинныя наклонности. И если это наше заключеніе дѣйствительно безошибочно, то мы не имѣемъ никакого основанія не придти къ выводу, что этотъ *своеобразный нравственный складъ*, созданный порядками жизни, получившими, въ свою очередь, начало въ природѣ и климатѣ и другихъ условіяхъ страны, *поддерживаетъ и укрѣпляетъ въ свою очередь эти порядки*, разумные, необходимые для того, чтобъ не погибнуть въ борьбѣ съ суровой природой, порядки благословляемые исповѣдуемой религіей.

Въ пользу этого заключенія есть еще одинъ весьма сильный доводъ—это *легкость, съ которою составляются у насъ многочисленнѣйшія промышленныя и рабочія артели*, работающія въ лѣсахъ и дворцахъ, и *стройность ихъ внутренней жизни*, не заявляющей себя ни ссорами между собою, ни безпорядками внѣ. Обращая на этотъ крайне своеобразный фактъ русской жизни все вниманіе, какого онъ заслуживаетъ, слѣдуетъ задать вопросъ: гдѣ причины его, *кто водворяетъ и держитъ удивительный порядокъ въ нашихъ рабочихъ общинахъ*, громадныхъ по числу и разнообразію, бродящихъ повсюду за тридевять земель отъ роднаго села и работающихъ иногда цѣлые мѣсяцы въ мѣстностяхъ, куда разъ въ годъ заглянетъ какая-либо власть въ родѣ становаго? Въ одной, впрочемъ, статьѣ «Калужскихъ губ. вѣдомостей» настоящаго года есть описаніе мѣстныхъ артелей, подписанное И. Я. Мирославскимъ, читая которое можно видѣть *довольно цѣльный обликъ «Духа», творящаго такой дивный строй артели*. Такъ, между прочимъ, г. Мирославскій пишетъ: «Углежоги Нелюбовской волости (Лихвинскаго уѣзда) послѣ уборки хлѣба сговариваются другъ съ другомъ идти на промыселъ. Такимъ образомъ собирается артель, гдѣ каждый имѣетъ самое *всестороннее понятіе объ обычаяхъ такого рода общества* и держится за нихъ со всею

свойственною ему энергіей, а потому почитаетъ *всякія условія измѣнимыми.* Въ каждой артели находится кто-нибудь, кто обращаетъ на себя вниманіе товарищей смѣтливымъ умомъ, изворотливымъ характеромъ, а потому къ нему еще на родинѣ начинаютъ относиться всѣ, кому нужно какое либо указаніе или пособіе. Руководя другихъ, онъ скоро дѣлается *старостою артели безъ гласнаго утвержденія въ этомъ званіи, а какъ-то не замѣтно для себя и для другихъ.* Въ случаѣ неоправданія ожиданій артели онъ *падаетъ такъ-же не замѣтно, какъ возросталъ,* а на его мѣсто выдвигается другой.... Распоряжаясь дѣлами артели, староста во всѣхъ случаяхъ *молчаніе артели считаетъ за одобреніе своихъ поступковъ;* если услышитъ ропотъ, то или оправдывается, или уступаетъ артели»....

Также составляются, по словамъ Мирославскаго, и всѣ другія артели, отправляющіяся иногда въ Черноморскій край, а наниматели этихъ артелей все-таки предпочитаютъ имѣть дѣло съ такого рода обществами, нежели съ отдѣльными наемными рабочими.

Не дѣйствительно-ли было высказанное выше заключеніе, что все существо нашего крестьянина пропитано насквозь общинными тенденціями, что онъ родится съ инстинктами общинными, всасываетъ понятія общинныя съ молокомъ матери и закрѣпляетъ и развиваетъ ихъ во все продолженіе жизни; они составляютъ всю сущность его, душу его; каждое новое впечатлѣніе, имъ испытываемое, присоединяется къ группѣ какого либо общиннаго понятія; мышленіе его заключается въ перборкѣ этихъ общинныхъ понятій, заключеніе онъ выводитъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ общинной тенденціи. И вотъ понятно, почему нечего и разговаривать десятку, другому человѣкъ, собирающихся въ походъ за тысячу верстъ артелью. Каждому извѣстно до мелочи, до тонкости каждое правило, каждый обычай артельной жизни. Понятна и форма *безмолвнаго выбора и смѣны старосты.* Да и объ чемъ же тутъ разговаривать, когда каждый до мелочи знаетъ условія, которымъ долженъ удовлетворять голова артели, и каждый способенъ оцѣнить его, родясь вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ селеніи, выростая и работая вмѣстѣ; естественно, что поводъ къ разговору съ нимъ артельщиковъ возникнетъ

только тамъ, гдѣ дѣятельность артели столкнется съ болѣе или менѣе чуждыми ей условіями жизни, такъ напримѣръ, когда староста артели начнетъ договариваться объ условіяхъ подряда или вести разсчеты гдѣ-либо въ Черноморіи съ нанимателями изъ жидовъ, грековъ, армянъ, поляковъ, полурусскихъ россіянъ и проч. и проч. *).

Сказавъ все это, мы полагаемъ, что мы дали если не совсѣмъ удовлетворительный отвѣтъ на поставленный Кавелинымъ вопросъ: «чѣмъ мотивируется предрасположеніе нашего простаго народа къ общинному владѣнію, даже, когда земля принадлежитъ отдѣльнымъ семьямъ на вотчинахъ правѣ», то мы указали, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторую зависимость необъясненнаго явленія отъ вліяній психиче-

---

*) Мы уже разъ ссылались на прекрасное описаніе артельныхъ порядковъ въ романѣ Печорскаго «въ лѣсахъ». Повторяемъ вновь эту ссылку, добавляя, что изъ представляемыхъ авторомъ картинъ жизни артельщиковъ можно легко знакомиться съ тѣми пружинами, которыя держутъ порядокъ въ артели, стройность ея жизни, спорость работы. Эти-же самыя пружины можно подмѣтить въ одной въ высшей степени правдивой и художественной статьѣ іюльской книги 1876 г. *Отечеств. Записокъ*». Статья эта г. *Златовратскаго*—«*Въ артели*» заключаетъ въ себѣ разсказъ о жизни одной Петербургской артели «водовозовъ», принесшей въ столицу свои порядки изъ Тверской губерніи. Изъ разсказа можно вынести заключеніе, что основа благополучія артели, ея силы и живучести — «*артельная совѣсть*». Совѣсть эта въ высшей степени своеобразна и идетъ въ прямой разрѣзъ съ началами, на которыхъ формируется жизнь городскаго люда. Безграничная любовь къ ближнему, признаніе каждымъ за собой обязанности помогать вообще человѣку, каковъ бы онъ ни былъ, кто бы онъ ни былъ, твердое храненіе обѣтовъ артели, ограниченіе личной свободы для пользы артели—вотъ основныя черты артели петербургскихъ водовозовъ, воспитанныя въ родной деревнѣ, безъ помощи даже грамоты. Затѣмъ вотъ нѣсколько частныхъ порядковъ или правилъ, соблюдаемыхъ свято въ артели: права женщины исправляющей должность стряпки («матка») строго охраняются отъ нарушенія кѣмъ либо изъ артельщиковъ. Ухаживать за нею никто не допускается; признается даже вреднымъ для пользы артели женитьба на ней кого либо изъ членовъ артели, а простое сожительство совершенно немыслимо. Обѣденный столъ накрывается очереднымъ артельщикомъ; за обѣдомъ каждый обязанъ держать себя прилично и строго, сообразно уставамъ родной земли. Курить въ артельномъ помѣщеніи простой табакъ (махорку) запрещено. Вообще, по выраженію одного изъ артельщиковъ: «при артели во всемъ свободу нельзя имѣть».... «артель не всему мѣсто даетъ»... «въ артель идешь отъ многаго отрѣшись», «артели дѣло рабочее». Но за всѣмъ тѣмъ артель эта не педантъ, не аскетъ.

скихъ, которыя, какъ извѣстно, стоятъ въ извѣстной зависимости отъ условій природы, въ особенности-же у людей, которыхъ не коснулось образованіе.

Къ чему-же мы должны придти теперь послѣ всего сказаннаго выше, если обратиться къ вопросу о ломкѣ общинныхъ порядковъ землевладѣнія нашего крестьянства? Мы теперь уже болѣе вникли въ сущность этихъ порядковъ, глубже вошли въ ихъ область и больше ознакомились съ ея содержаніемъ—и смѣло можемъ говорить, что *ломка общинныхъ порядковъ нашего крестьянства есть война противъ своеобразныхъ условій природы, климата, географическаго положенія Россіи; ломка міросозерцанія русскаго крест-*

Такъ, когда случилось, что забредшая *на половину матки-артели* (кухня артельная) женщина оказалась на послѣднихъ часахъ беременности и ее не успѣли отправить въ родильный пріютъ, то артель не только не выразила ни словомъ, ни дѣломъ неудовольствія своего, но напротивъ, проникнутая сознаніемъ всей важности акта появленія на свѣтъ человѣка, всей великости и святости дѣла, старалась всѣми силами обезпечить счастливый исходъ родовъ; хранила тишину, вела только самые строгіе разговоры, отказалась отъ ужина, чтобъ не отрывать отъ помощи родильницѣ «матку», исправлявшую обязанность повитухи, а на другой день отказалась по той-же причинѣ и отъ обѣда. Какъ крѣпки всѣ обычаи и порядки артели, видно изъ того, что городская жизнь съ ея воззрѣніями, діаметрально противуположными артели, съ противуположными ей порядками жизни, обычаями, соблазнами, развратомъ, интригами лицъ, соперничающихъ съ дѣломъ данной артели—хотя и колеблетъ отчасти ее, но ничего не можетъ сдѣлать къ рѣшительному ея сокрушенію. Петербургская жизнь растлѣваетъ правда нѣкоторыхъ изъ членовъ артели, но, слѣдуетъ замѣтить, только такихъ, которые сами замѣчаютъ и про которыхъ въ артели говорится, что имъ здѣсь не мѣсто; растлѣніе это впрочемъ идетъ не такъ быстро, какъ это могло бы послѣдовать внѣ благотворнаго вліянія артели. Много русскихъ читателей будутъ изумлены тѣми строками настоящей статьи г. Златовратскаго, гдѣ одинъ изъ членовъ артели –простой тверской, деревенскій мужичекъ толкуетъ о причинахъ, вліяющихъ на распаденіе артели (стр. 284. «Отеч. Зап. № 6. 1876 г.). *Сколько смысла, знаній пружинъ общественнаго строя* обнаруживаетъ этотъ русскій крестьянинъ, забредшій въ столицу и заработывающій въ ней деньгу на одной изъ самыхъ черныхъ работъ. Неужели повернется послѣ этого у кого нибудь языкъ клепать на русскаго крестьянина, выносящаго изъ родной деревни всѣ основы къ такого рода сужденіямъ, клепать разныя небылицы въ родѣ его тупости, ограниченности его знаній общественной жизни, неспособности къ гражданственности и проч. и проч.

янина, его нравственныхъ понятій, наклонностей, инстинктовъ, однимъ словомъ—склада души его.

Для чего-же нужно это страшно опасное даже для всякаго противника общины дѣло? Для развитія крестьянскаго сельскаго хозяйства—отвѣчаютъ противники общины. Посмотримъ-же теперь, *каковы вообще условія для процвѣтанія у насъ сельскаго хозяйства и при общинѣ и безъ нея, т.-е. при участковомъ владѣніи?* Условія эти: очень незначительный душевой надѣлъ, большіе платежи съ него, плохія пастбища, чрезвычайно малое количество скота, первобытныя орудія производства, отсутствіе денежнаго капитала. При совѣтахъ объ обращеніи общиннаго владѣнія въ участковое имѣютъ въ виду проявленіе желанія къ болѣе лучшей обработкѣ земли, подразумѣвая здѣсь подъ обработкой конечно одно только унавоженіе, или, пожалуй, даже болѣе рачительное паханіе, потому что при современныхъ условіяхъ нѣтъ возможности допустить еще какія либо дальнѣйшія улучшенія на участкѣ въ 3, 4 и 5-ть десятинъ. Этотъ первый прогрессивный шагъ долженъ повлечь за собою, по мысли реформаторовъ, увеличеніе благосостоянія по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ явилась возможность завести лишнюю скотину и достать такимъ образомъ больше навоза. Но для лишней скотины нуженъ кормъ. Слѣдовательно, надобно заводить рѣчь о травосѣяніи, т.-е. разведеніи луговъ; положимъ, что это возможно будетъ сдѣлать при означенномъ надѣлѣ на столько, чтобъ держать хозяину одно, два лишнихъ животныхъ; но вотъ въ чемъ вопросъ: увеличитъ-ли это доходъ *трехъ-десятиннаго землевладѣльца* на столько, чтобъ онъ могъ мечтать о дѣйствительномъ улучшеніи орудій производства, а затѣмъ о прикупкѣ земли для перехода съ трехпольнаго хозяйства къ шести-польному? Для насъ, по крайней мѣрѣ, сомнительно даже и то предположеніе, что навоза, получаемаго отъ лишней коровки или лошадки, окажется достаточно на предохраненіе 3-хъ десятинъ отъ истощенія; въ особенности, если взять во вниманіе, что одно унавоженіе, безъ глубокаго вспахиванія, не спасетъ отъ послѣдствій засухъ лѣтомъ и вымочекъ весною озимей. Поэтому если не неурожаи, то недороды будутъ продолжаться во всякомъ случаѣ; вслѣдствіе чего 3-хъ десятинный собствен-

никъ часто будетъ становиться въ такое положеніе, при которомъ ему надобно будетъ продавать на сторону и молоко, и другіе продукты своего хозяйства, и такимъ образомъ отчуждать безъ пользы для земли многое изъ нея взятое. Хозяева Англіи, содержащіе много скота на своихъ фермахъ, почему-либо хлопочутъ-же о пріобрѣтеніи разнаго рода искусственныхъ удобреній; для чего нибудь находятъ-же они нужнымъ держать при имѣніи промышленныя заведенія, остатки производствъ которыхъ идутъ, какъ извѣстно, на удобреніе полей! Наука сельскаго хозяйства говоритъ, что земля не истощается только въ томъ случаѣ, когда въ нее возвращается все изъ нея взятое, т.-е. когда хлѣбъ съ нея снятый потребляется на мѣстѣ, или переработывается въ вино, пиво, остатки отъ выдѣлки которыхъ скармливаются скоту и обращаются такимъ образомъ въ навозъ; когда снятое въ имѣніи сѣно остается въ формѣ навоза дома, и когда не молоко, не сыръ везутся на базаръ, а только одна, отдѣленная отъ молока часть его — масло *).

Но положимъ, сбылись-бы всѣ иллюзіи противниковъ общины, то-есть предлагаемое ими участковое владѣніе задержало-бы на нѣсколько десятковъ лѣтъ процессъ истощенія земли! что-же окажется черезъ эти нѣсколько десятковъ лѣтъ? Окажется, конечно, тоже неказистое и далекое отъ процвѣтанія трехдесятинное хозяйство и *плюсъ* признаки

*) Не лишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что спорный вопросъ—«о необходимости удобренія для черноземной полосы Россіи «пересталъ уже быть спорнымъ. Каждая книжка журналовъ нашихъ: «Трудовъ В. Э. Общества, «Журн. Сел. Хоз. и Лѣсов.», «Журн. Моск. Общ. Сел. Хоз.» содержалъ въ себѣ данныя въ пользу необходимости удобренія нашего чернозема. Просимъ также читателей имѣть въ виду, что въ Россіи число крестьянскихъ надѣловъ свыше 5 дес. на душу, весьма не велико и что напротивъ есть весьма много надѣловъ менѣе 3 десят.; что наконецъ, эти незначительные по величинѣ надѣлы можно встрѣтить и въ тѣхъ губерніяхъ, которыя нельзя назвать населенными густо сравнительно съ ихъ пространствомъ. Вообще слово-*густонаселенная мѣстность*, когда оно употребляется въ отношеніи Россіи, далеко не выражаетъ того понятія, которое заключается въ немъ, когда рѣчь идетъ объ Англіи, Бельгіи, Германіи, Франціи. См. напримѣръ «очеркъ агрономическаго путешествія А. В. Совѣтова по центральной черноземной полосѣ» въ декабр. кн. 1876 года «Трудовъ» И. В. Э. Общества стр. 367 и 368 и *сообщеніе* его въ іюльской кн. 1877 г. стр. 293 294 и 298.

начинающагося упадка, уже безъ всякихъ задатковъ къ дальнѣйшему развитію. И опять придется публицистамъ предлагать различные проекты о разселеніи крестьянъ въ малонаселенныя губерніи или объ увеличеніи надѣловъ одной части крестьянства, посредствомъ обезземеленія другой. Положимъ, что тогда мысль о разселеніи или обезземеленіи осуществится отчасти; но къ чему приведетъ самое разселеніе еще чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, если значительнѣйшая часть произведеній новыхъ надѣловъ не будетъ потребляться и перерабатываться на мѣстѣ? Конечно къ тому, что эти надѣлы станутъ тощать и сдѣлаются подъ конецъ никуда не годными, какъ это мы и видимъ нынѣ въ Самарской и другихъ многоземельныхъ губерніяхъ. Народонаселеніе будетъ расти, расходы общественные увеличиваться, и въ концѣ концовъ — опять безъисходная бѣдность и отсутствіе нормальнаго промышленнаго развитія, такъ такъ послѣднее можетъ идти впередъ только тогда, когда земледѣліе, производя много, отдастъ промышленности только *избытки* своихъ произведеній и, конечно, съ тѣмъ, чтобъ остатки отъ выдѣлки сыраго продукта были возвращены той-же землѣ, изъ которой они добыты. Затѣмъ безъ избытковъ невозможно и мечтать о заведеніи улучшеннаго хозяйства, хотя-бы и на 25 душев. надѣлѣ, потому что хозяйство этого рода требуетъ, чтобъ вообще увеличилось количество людей, косвенно служащихъ цѣлямъ земледѣлія, т.-е. было-бы больше кузнецовъ, столяровъ, плотниковъ, шорниковъ, которые изготовляютъ и починиваютъ различныя орудія производства, и затѣмъ людей, выдѣлывающихъ другіе предметы, нужные въ земледѣльческомъ обиходѣ. Земледѣльцу и его семьѣ при улучшенномъ хозяйствѣ уже некогда изготовлять многое своими руками, какъ это дѣлается нынѣ при истощающемъ землю хозяйствѣ. На обработку пашней и луговъ при хорошемъ хозяйствѣ нужно тратить больше времени и хотя машины даютъ возможность сокращать трудъ, но заведеніе, напримѣръ, вмѣсто сохи, плуга, потребуетъ сейчасъ-же лишнюю лошадь и хорошаго ухода за нею, а на хорошій уходъ идетъ тоже время; вообще, при улучшенномъ хозяйствѣ, вводимомъ на большемъ пространствѣ земли, должно вырости количество вещей, нужныхъ для хозяйства, увеличиться

количество дѣлъ, усложнится должны хозяйственные разсчеты, умножиться заботы, хлопоты; будетъ получаться больше продуктовъ производства—усложнится дѣло сбереженія ихъ. Пословица говоритъ: «большому кораблю большое и плаваніе», но за-то управленіе большимъ кораблемъ требуетъ и большаго дѣла, большихъ знаній, нежели плаваніе около берега на маленькой лодочкѣ.

Вотъ эта-то особенность дѣла заведенія раціональнаго хозяйства, т.-е. *«увеличеніе степени труда»* и упускается изъ виду при проэктированіи у насъ различныхъ мѣръ къ развитію сельскаго хозяйства крестьянъ. Игнорируется также еще другая особенность этого дѣла—*«связь раціональнаго земледѣлія съ обрабатывающею промышленностію»*, безъ которой нѣтъ возможности существовать собственными силами сложному дѣлу хозяйства, требующему много предметовъ, приготовленныхъ внѣ круга дѣйствія земледѣльца; упускается, дальше, изъ виду то обстоятельство, что промышленность обрабатывающая тогда только полезна, когда земледѣліе производитъ такъ много вещей, что *«отдавая ихъ на сторону, оно не ослабляетъ себя»*, не сокращаетъ различныхъ своихъ отраслей, т.-е. не истощаетъ мать-кормилицу—землю, а это опять возможно только при помощи правильно развитой промышленности, т.-е. служащей земледѣлію, помогающей ему во всемъ.

Если промышленность, обрабатывающая земледѣльческие продукты, находится въ такомъ отношеніи къ земледѣльческому производству, что она или не возвращаетъ землѣ остатковъ отъ обрабатываемыхъ ею предметовъ, или-же въ переработку ей земледѣліе отдаетъ не избытки своего производства, то получается результатъ весьма плачевный, какъ для земледѣлія, такъ и для промышленности. Земля истощается, произведеній ея дѣлается годъ отъ году меньше и затѣмъ наступаетъ время, когда промышленныя заведенія должны закрыться за неимѣніемъ предметовъ для обработки. Таковъ результатъ долженъ быть, напр., въ томъ случаѣ, когда винокуренные и маслобойные и проч. заводы сосредоточатся въ городахъ, а не расположатся въ самыхъ селеніяхъ подлѣ по-

лей, произведенія которыхъ поступаютъ на заводы для переработки *).

Упускающіе изъ виду взаимную зависимость раціональнаго сельскаго хозяйства и промышленности ему служащей, проповѣдники участковаго владѣнія любятъ ссылаться на примѣры плохо извѣстныхъ всѣмъ намъ до послѣдняго времени сельско-хозяйственныхъ порядковъ Англіи и Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ; я говорю «плохо извѣстныхъ» разумѣя весь цѣльный промышленный и хозяйственный строй этихъ странъ, съ тѣми его основными чертами, которыя мы почему-то до послѣдняго времени не знали или опускали изъ виду. Прежде публицисты и путешественники наши знакомили насъ главнымъ образомъ съ верхушками этого строя; теперь начинаютъ раскрываться основанія и скрытыя отъ поверхностнаго наблюденія пружины. Ознакомимся-же съ этимъ строемъ, пользуясь въ этомъ случаѣ трудами людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія.

Изъ очерка сельско-хозяйственнаго строя *Англіи*, помѣщеннаго въ декабрьской кн. журнала «Сельское хозяйство и лѣсоводство» 1873 года (А. Ермолова), видно: изъ общей цифры народонаселенія Великобританіи 31.817,108, собственно сельскаго населенія считается въ трехъ соединенныхъ королевствахъ 9.000,000; *отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ* единицъ фермъ и имѣній 1.000,000; средній размѣръ ихъ 26 дес., изъ которыхъ въ эксплуатаціи около 20 дес., остальныя шесть пустуютъ какъ земля неудобная. Изрѣдка встрѣчаются фермы въ 500 — 600 дес., а также и въ—5 дес.

Эксплуатированіе отдѣльныхъ сельскохозяйственныхъ единицъ самими владѣльцами встрѣчается очень рѣдко; эксплуатированіе ихъ арендаторами составляетъ общее правило. Рабочихъ на каждыя 26 дес. приходится 7 чел., изъ нихъ три члены семьи, принимающіе участіе въ работахъ, 4 наемныхъ

---

*) Въ нашей литературѣ есть прекраснѣйшая, доступная всѣмъ не изучавшимъ сельскаго хозяйства и прикладныхъ къ нему наукъ статья, которая знакомитъ съ условіями хозяйства полезнаго для цѣлой страны и не угрожающаго въ будущемъ оскудѣніемъ почвы. Это ст. г. Энгельгардта, помѣщенная въ №№ 2, 3 и 4-мъ «Отеч. Зап.» 1872 года.

работника; такимъ образомъ на 100 дес.—15 работниковъ; на 100 рабочихъ дней приходится 84 мужскихъ дня и 7 женскихъ, 9 дѣтскихъ. Поземельная рента 25 р. для Англіи, 12 для нижней Шотландіи и Валлиса, 11 для Ирландіи и 1 рубль для сѣверной Шотландіи. *Положивъ среднюю стоимость земель* въ цѣлой Великобританіи въ 600 руб. дес. *и среднюю высоту ренты* (въ послѣдне время возвысившейся) въ 20 руб., рента опредѣлится въ 3—3½% продажной стоимости земли.

Англійскіе землевладѣльцы довольствуются малымъ процентомъ отчасти потому, что капиталъ, представляемый землями, вполнѣ обезпеченъ и находится въ самыхъ вѣрныхъ условіяхъ помѣщенія. Низкою-же рентою объясняется и причина, по которой большинство фермеровъ, бойко ведущихъ дѣла, вовсе не любятъ превращать свой капиталъ изъ оборотнаго въ основной, и, въ большинствѣ случаевъ, отнюдь не дорожатъ пріобрѣтеніемъ земли въ собственность.

Въ большинствѣ случаевъ практикуется *четырехпольная* норфолькская система. Въ большей части хозяйствъ два поля, т.-е. половина всего воздѣлываемаго пространства пріурочена къ цѣлямъ и нуждамъ скотоводства, которое сверхъ того, имѣетъ въ своемъ распоряженіи такое количество естественныхъ луговъ и пастбищъ, которое почти равняется общему пространству воздѣлываемой земли, составляя около 49,5, проц. всей утилизируемой площади. Послѣдняя составляетъ 17.279,590 дес., а площадь естественныхъ луговъ и удобныхъ пастбищъ 8.553,397 дес. Такимъ образомъ въ нормальномъ англійскомъ хозяйствѣ въ 26 дес. будетъ: подъ постояннымъ пастбищемъ и естественными лугами 9³/₁₀ дес., подъ искусственными лугами 2¹/₄ дес., подъ корнеплодами 2¹/₅ дес, подъ зернов. хлѣбами озимыми и яровыми (со включ. гороха и хлѣбовъ) 5¹/₄, подъ паромъ немногимъ больше 1¹/₃ дес.—Употребленіе землеудобрительныхъ средствъ въ Англіи громадно. Скупая со всего свѣта дешевые сырые продукты, Англія превращаетъ ихъ у себя въ болѣе цѣнные, а остатки и отбросы отъ производствъ обращаетъ на удобренье; одинъ торговый домъ Паккордъ и К° дѣлаетъ ежегоднаго оборота землеудобрительными веществами на 2.000,000 руб., занимая на собственныхъ своихъ конякъ и заводахъ въ

Англіи и другихъ странахъ до 3,000 челов. рабочихъ. Многія сотни кораблей и пароходовъ ежегодно приносятъ въ Англію удобрительные матеріалы; многіе десятки тысячъ рукъ работаютъ, добывая ихъ изъ нѣдръ земли, придавая имъ болѣе удобную форму или болѣе цѣлесообразно дѣйствующій составъ. Кормовыя средства для скота, которыя можно разсматривать какъ удобреніе, Англія ввозитъ въ огромныхъ количествахъ; однихъ масляныхъ жмыховъ изъ разныхъ странъ, въ томъ числѣ изъ Россіи, ввозится болѣе 10 милліоновъ пудовъ. Но кромѣ громаднаго количества рукъ, занятыхъ въ Англіи промышленностію, которая или прямо приготовляетъ удобреніе, или служитъ ему отчасти, отдавая ему остатки и отбросы отъ своего производства, кромѣ рукъ занятыхъ доставленіемъ этой странѣ съ разныхъ концовъ свѣта удобрительныхъ матеріаловъ и кормовыхъ средствъ, нужно, по нашему мнѣнію, не забыть и руки, и умы, занятые приготовленіемъ машинъ и вообще орудій земледѣльч. производства, безъ которыхъ не обходится въ Англіи ни одна ферма. Такимъ образомъ къ числу тѣхъ 7-ми работниковъ, которые трудятся надъ 26 десятинномъ англійскомъ поземельномъ участкѣ — *непосредственно*, занимаясь его воздѣлываніемъ, нужно прибавить еще пропорціопальное количество рукъ, служащихъ дѣлу воздѣлыванія земли *косвенно*, т.-е. занимающихся для удовлетворенія потребностей и нуждъ земледѣлія ремеслами, промыслами, доставленіемъ нужныхъ для земледѣлія вещей на мѣсто его производства и, наконецъ, не забыть здѣсь и количество умовъ, посвященныхъ научному изученію всего касающагося до развитія земледѣльческаго производства.

Приложеніе къ обработкѣ земли машинъ не сопровождалось въ Англіи ухудшеніемъ матеріальнаго быта рабочаго народонаселенія; именно, заработная плата не только не уменьшилась, но возросла весьма значительно, и причина этому слѣдующая. По учету Лаверня (въ концѣ сороковыхъ годовъ) для производства на одной десятинѣ продуктовъ на сумму 66 рублей должно-бы затрачивать $39^1/_2$ мужскихъ рабочихъ дней; въ настоящее же время, для производства на томъ-же пространствѣ продуктовъ на 75 рублей, потребно всего $21^1/_3$ такихъ-же дней. Такимъ образомъ, въ настоя-

щее время каждый день труда даетъ рабочему право на 0,9 процента валоваго дохода, что соотвѣтствуетъ $^1/_{11}$ его части, между тѣмъ какъ прежде за то же количество труда рабочій становился участникомъ дохода на $^1/_6$ часть, что приблизительно равнялось 0,6%. Почти вдвое меньшее количество почти вдвое лучше оплачиваемаго труда производитъ въ настоящее время цѣнностей на 13 слишкомъ процентовъ болѣе нежели 25 лѣтъ тому назадъ. Свыше 18 рабочихъ дней, представляющихъ вмѣстѣ стоимость въ 12 руб. 60 коп., остаются при этомъ въ разсматриваемой нами области промышленности незанятыми и, составляя въ данномъ случаѣ частное сбереженіе на столько-же увеличивающее производительныя силы страны, могутъ въ другомъ мѣстѣ найти себѣ примѣненіе, въ сферѣ той или другой отрасли труда.

Г. Самолевскій, посѣтившій недавно *Соединенные Штаты Сѣверной Америки*, сообщилъ Петербургскому собранію сельскихъ хозяевъ слѣдующія, передаваемыя здѣсь вкратцѣ, свѣдѣнія о сельско-хозяйственномъ строѣ этого государства: изъ 38.000,000 жителей Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ собственно земледѣліемъ занимаются 6.000,000; въ то число входятъ фермеры, фермерскіе рабочіе, пчеловоды, молочники, скотоводы, цвѣточники, садовники и вообще всѣ сколько нибудь причастные хозяйству. Конечно, цвѣточникъ и молочникъ заняты своею спеціальною работою и не занимаются хлѣбопашествомъ; слѣдовательно все это дѣло падаетъ на долю фермеровъ и рабочихъ.

Земли въ Америкѣ *889* милліоновъ десятинъ. Изъ этого количества 82% составляютъ лѣса, степи и т. д. до сихъ поръ еще никому непринадлежащіе; занято фермерами, только *18%*, изъ коихъ 11% находятся въ распашкѣ.

Американскія хозяйства располагаются всегда подъ городами и хозяева строго придерживаются того положенія, что сельско-хозяйственное производство не возможно или не выгодно безъ рынка и путей сообщенія; это значитъ отказаться отъ многихъ условій жизни, принятыхъ повсемѣстно въ Америкѣ, и не находить сбыта своимъ продуктамъ. Вслѣдствіе этого пахатныя земли и хозяйства располагаются исключительно вдоль путей сообщенія, судоходныхъ рѣкъ

и желѣзныхъ дорогъ и около рынковъ—городовъ и желѣзнодорожныхъ станцій—этихъ зачаточныхъ городовъ.

По мѣрѣ удаленія отъ центра каждаго города можно замѣтить, что разстояніе между домами все увеличивается; что сейчасъ-же подъ городомъ стоятъ небольшіе отдѣльные дома съ малыми участками земли, за ними идутъ фермы съ молочнымъ хозяйствомъ и затѣмъ фермы земледѣльческія, а по мѣрѣ того, какъ поѣздъ желѣзной дороги, на которомъ ѣдетъ наблюдающій, удаляется отъ города, становится замѣтнымъ, что фермы все болѣе рѣдѣютъ; а еще дальше уже нѣтъ жилыхъ зданій или клочка распаханной земли.

Всѣ поселенія въ Америкѣ имѣютъ характеръ города. 500—400 человѣкъ, скучившись около желѣзно-дорожной станціи, имѣютъ обыкновенно церковь, школу, магазины, склады орудій и машинъ, рестораны, аптеку, почтовую станцію, банкирскую контору и вообще все, въ чемъ нуждается цивилизованное населеніе. Фермеры, окружающіе этотъ городъ, сбываютъ въ него свои продукты кормятъ городъ, получаютъ изъ него одежду, сахаръ, кофе и мѣстную газету, а избытокъ посылаютъ по желѣзной дорогѣ или по рѣкѣ въ портъ. Если-же населеніе достигаетъ 2,000 человѣкъ, то это уѣздный городъ, въ которомъ издаются двѣ газеты, находятся банкъ, казначейство и судъ. Услугами этого города пользуются всѣ фермеры, живущіе на пространствѣ около 30 квадратныхъ верстъ.

Колоніи возникающія въ отдаленныхъ и еще ненаселенныхъ мѣстахъ устраиваются обыкновенно по тому-же порядку. Половина выселившихся беретъ на себя чисто-городскія занятія; устраиваетъ школу, заводитъ ремесла, открываетъ лавки, а другая посвящаетъ себя сельскому хозяйству, устраивая свои фермы и распахивая поля около возникшаго такимъ образомъ города. Но слѣдуетъ замѣтить, что всѣ поселенія, которымъ можетъ быть придано названіе отдаленныхъ, т.-е. стоящихъ въ глуши въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ, не отстоятъ далѣе 20 верстъ отъ желѣзныхъ дорогъ, потому что дороги въ Америкѣ идутъ зачастую даже и по пустыннымъ мѣстамъ. Такъ въ Техасѣ онѣ идутъ по безпредѣльнымъ степямъ, обитаемымъ только индійцами; доро-

га въ С.-Франциско первоначально прошла по необитаемымъ пустынямъ и теперь только около ея станцій группируется населеніе.

Впрочемъ, есть фермы чуть-ли не на разстояніи ста верстъ отъ желѣзной дороги; но это фермы скотоводовъ, которымъ не нуженъ рельсовый путь, т.-е. близкій рынокъ, потому что они свой скотъ прогоняютъ черезъ три-четыре штата въ какой нибудь большой городъ, который потребляетъ большое количество мяса; имъ нужна обширная степь, потому что они выращиваютъ по 15—20,000 головъ скота. Эти скотоводы попадаются живущими въ маленькихъ хижинахъ, на разстояніи 10 верстъ одна отъ другой; имъ нѣтъ надобности въ желѣзной дорогѣ, потому что скотъ доставляетъ самъ себя на рынокъ.

Такимъ образомъ сельско-хозяйственная промышленность въ Америкѣ группируется только около путей сообщенія и рынка. Вслѣдствіе этого подъ малыми городами десятина земли стоитъ отъ 25 до 50 руб. Когда земля эта немного истощится, фермеръ не продаетъ ея и не идетъ распахивать дѣвственную почву, но старается поднять производительность. Онъ пашетъ глубоко и каждый годъ вноситъ по 12—16 пудовъ на десятину одного гуано; словомъ, затрачиваетъ капиталъ, чтобы получать доходъ и остаться на той-же землѣ и около рынка. Даровыя-же, дешевыя, новыя земли занимаются только новыми поселенцами. Въ Алабамѣ, Георгіи и южной Каролинѣ *въ мѣстахъ съ богатымъ климатомъ, роскошными пальмами*, есть много хозяевъ, которые въ годъ *вносятъ по 12 пудовъ гуано на десятину*; стало-быть на одно удобреніе затрачиваютъ около 12 руб. на десятину. Фактъ этотъ почти повсемѣстный и вслѣдствіе этого Америка и теперь представляется имѣющею огромныя дѣвственныя пространства, но не смотря на это *затрачивающею огромныя суммы на удобреніе.* Одинъ только городъ Карльстаунъ, въ южной Каролинѣ, производитъ ежегодно около 2.000,000 искусственныхъ туковъ; штатъ Массачуссетъ производитъ 108,000 пудовъ одного гуано, а въ штатѣ Коннектикутъ мелкіе фермеры подъ одинъ только лугъ въ грядкахъ вносятъ 60,000 пудовъ золы, 30,000 пудовъ костяной муки, 7,000 пудовъ суперфосфата, всего

цѣною на 63,000 долларовъ, или 75,000 рублей. Такимъ образомъ *устахъ* американскаго земледѣлія зависитъ *не отъ плодородія почвы* и Америка, получая среднимъ числомъ пять четвертей пшеницы и 10 четвертей кукурузы съ десятины, по крайней мѣрѣ *на половину обязана этимъ урожаемъ удобренію.*

Условія, при которыхъ имѣетъ свое примѣненіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки *рабочій трудъ*, весьма характеристичны. Сельскихъ рабочихъ въ Соединенныхъ Штатахъ считается 2.885,996 и они раздѣляются на два класса: *наемныхъ и испольныхъ*. Наемные получаютъ около 30—25 руб. въ мѣсяцъ, а испольные половину урожая.

Прежде, лѣтъ девять назадъ, почти половина хозяевъ производила всѣ работы рабами-неграми. По освобожденіи негровъ, фермерамъ пришлось взяться за наемный трудъ. Тѣ-же рабы обратились къ фермерамъ за работой. Сначала они потребовали 6 рублей, потомъ 10, 15, 20, 25 рублей въ мѣсяцъ, и въ какія нибудь девять лѣтъ цѣна эта достигла до 35 рублей, такъ что теперь во всей почти Америкѣ рабочіе получаютъ около 35 рублей въ мѣсяцъ. Каждый негръ, даже пятьнадцати-лѣтній мальчикъ получаетъ около 20 рублей въ мѣсяцъ, квартиру и столъ. Понятно, что заплативъ такую огромную цѣну рабочимъ, фермеръ долженъ самъ постоянно слѣдить за тѣмъ, чтобъ трудъ ихъ былъ производителенъ. Но такъ какъ многіе фермеры, имѣя большія поля, не въ силахъ слѣдить за всѣми рабочими и они не увѣрены, что урожай оплатитъ такія издержки, то нашли выгоднѣе устроить дѣло такъ, чтобъ *самъ рабочій былъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ*, т.-е. *они отдали поля рабочимъ за половину урожая.* Въ настоящее время *очень немногіе фермеры ведутъ хозяйства наемнымъ трудамъ*, именно только мелкіе, которые сами работаютъ и постоянно находятся при всѣхъ сельскохозяйственныхъ операціяхъ. Эти фермеры держатъ одного-двухъ рабочихъ и уже сами вездѣ съ ними работаютъ; *большинство-же фермеровъ предпочитаютъ испольное хозяйство.*

Дѣло это обыкновенно устраивается такъ: фермеръ дастъ рабочему 10 десятинъ земли, *снабжаетъ его орудіями, скотомъ, семенами и помѣщеніемъ; расходы на удобреніе не-*

сетъ тоже фермеръ. Кромѣ того, онъ принимаетъ на себя молотьбу урожая, изъ котораго идетъ половина рабочему. На 10 десятинахъ, обработываемыхъ однимъ рабочимъ, получается урожая 50 четвертей. Считая четверть по 12 руб., получится стоимость всего урожая 600 рублей, изъ которыхъ 300 руб. идетъ на пользу труда и 300 рублей фермеру. Если-бы фермеръ велъ хозяйство наемнымъ трудомъ, то заплативъ за трудъ 400 руб., онъ получилъ-бы 200 руб. съ 10 десятинъ, а если онъ ведетъ испольное, то получаетъ 300 руб. Эти 300 руб. составляютъ проценты на всѣ затраты, относящіяся къ 10 десятинамъ. Относительно наемнаго труда фермеры находятся въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ и многіе изъ нихъ находятъ лучшимъ, не издерживая 400 руб. на трудъ, принять испольное хозяйство; въ противномъ случаѣ, при неурожаѣ, фермеръ можетъ за 400 руб., потраченные на наемъ рабочихъ, получить только 200—100 руб. За-то фермеры пользуются всѣми другими условіями, которыя свойственны американскому хозяйству, и, не смотря на такую высокую плату за трудъ, они получаютъ пользу. На весь капиталъ въ землѣ, строеніяхъ и орудіяхъ они имѣютъ, среднимъ числомъ, около 10% въ годъ. Но отдавъ за половину урожая свою землю, фермеръ *самъ живетъ здѣсь-же на своей фермѣ* и почти каждый день осматриваетъ поля и *указываетъ рабочимъ, какъ производить операціи и какъ вообще вести дѣло.* Отдавъ поле за половину, фермеръ не уѣзжаетъ въ Вашингтонъ или Нью-Іоркъ. Такимъ образомъ онъ помогаетъ испольщикамъ и своими знаніями, умственнымъ капиталомъ *).

Дороговизна рабочихъ рукъ въ Америкѣ объясняется дороговизной условій жизни. Рабочему нужно израсходовать одинъ рубль въ мѣсяцъ только на бритье и воротнички къ рубахѣ, а за одинъ обѣдъ, когда ему случается быть въ городѣ, нужно заплатить не менѣе 75 коп. Содержаніе на фермѣ обойдется рабочему въ 15—20 руб. Обыкновенно,

*) О существованіи подобныхъ отношеній къ испольщикамъ въ Россіи — конечно съ иными деталями —мы знаемъ изъ описанія хозяйства въ имѣніи г-жи Камшіони въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Описаніе это напечатано въ журн. «Сельское Хозяйство и Лѣсовод.» іюнь 1875 г.

если рабочіе холостые, то они нанимаются у фермера за извѣстную плату и столъ.

Что касается разныхъ *контрактовъ фермеровъ съ рабочими, рабочихъ книжекъ*, то ихъ тамъ вовсе не существуетъ, и надобности въ нихъ нѣтъ. Рабочіе получаютъ деньги въ концѣ мѣсяца, когда они произведутъ работу; если-же рабочій исполный, то, распахавъ землю, онъ уже не уйдетъ, потому что иначе онъ можетъ потерять весь годичный доходъ. Цѣны на трудъ почти вездѣ одинаковы. Передвиженіе рабочихъ изъ одной мѣстности въ другую хотя совершается очень быстро и легко, но это передвиженіе начинается уже послѣ уборки урожаевъ. Цѣны на рабочихъ въ Америкѣ если повышаются, то повышаются повсемѣстно. Все это тотчасъ дѣлается извѣстнымъ рабочимъ и фермеры, живущіе примѣрно въ Пилипойсѣ, не желая лишиться рабочихъ и прекращать сельско-хозяйственное производство, даютъ такую-же цѣну рабочимъ, какую предлагаютъ фермеры, живущіе въ Алабамѣ.

Одна изъ *причинъ*, по которой трудъ *рабочаго* американскаго *весьма производителенъ*, заключается, по мнѣнію г. Самолевскаго, въ томъ, что въ Америкѣ почти всѣ сельскохозяйственныя операціи производятся машинами.

Капиталъ фермеровъ распредѣляется такъ: 83% составляютъ стоимость земли и фермерскихъ построекъ, 13% въ скотѣ и 4% въ орудіяхъ и машинахъ. На каждыя 10 десятинъ содержится одинъ плугъ и одна борона; каждый фермеръ, даже воздѣлывающій только 25 десятинъ пшеницы, уже держитъ сѣялку, жнею и молотилку. Что касается вообще оборотнаго капитала, то онъ очень великъ; приблизительно, на каждыя 10 десятинъ нужно имѣть его отъ 300 до 400 руб. Относительно денегъ, американскіе фермеры находятся въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ; они легко и выгодно занимаютъ ихъ впередъ, до продажи урожая, въ мѣстныхъ уѣздныхъ банкахъ.

Для удобствъ сбыта существуетъ особая коммисія. Продажа хлѣба совершается и на хлѣбныхъ биржахъ черезъ извѣстныхъ коммисіонеровъ, живущихъ постоянно въ портовыхъ городахъ. Продажа устраивается такимъ образомъ: усматривая изъ газетъ, что въ такомъ-то городѣ (берется тотъ, ко-

торый ближе) есть коммисіонеръ, фермеръ посылаетъ ему письмо съ заявленіемъ, что у него есть столько-то четвертей хлѣба, или другихъ продуктовъ, и что онъ отправляетъ его съ такимъ-то поѣздомъ по желѣзной дорогѣ. Получивъ письмо, коммисіонеръ идетъ на станцію и принимаетъ хлѣбъ. Потомъ онъ на биржѣ заявляетъ, что у него есть такое-то количество хлѣба. Здѣсь компаніи покупаютъ хлѣбъ и даютъ такую цѣну, какая существуетъ въ этотъ день на биржѣ. Коммисіонеръ продаетъ хлѣбъ компаніи и получаетъ отъ секретаря биржи квитанцію съ означеніемъ въ ней, что такой-то продалъ, такимъ-то лицамъ, столько-то четвертей хлѣба, принадлежащаго такому-то лицу, такого-то года, по такой-то цѣнѣ. Эту квитанцію коммисіонеръ пересылаетъ фермеру, который получаетъ по ней деньги въ мѣстномъ банкѣ. Благодаря этому, хозяинъ получаетъ биржевую цѣну за свой хлѣбъ, за вычетомъ стоимости пересылки въ портъ и небольшаго процента въ пользу коммисіонера. Такимъ образомъ здѣсь уже нѣтъ излишнихъ посредниковъ, а главное—хлѣбъ не лежитъ здѣсь милліонами четвертей цѣлый или даже $1\frac{1}{2}$ года въ портовомъ городѣ.

Итакъ, мы видѣли, что на большинствѣ англійскихъ фермъ въ 26 десятинъ работаетъ, при помощи машинъ, при помощи доставляемаго, съ находящейся гдѣ-либо подъ-бокомъ и служащей нуждамъ земледѣлія промышленности, 4 рабочихъ, да плюсъ самъ хозяинъ и его семья, исполняющіе, по словамъ другаго наблюдателя англійской сельской жизни г-жи Темиревой *), такъ называемыя, чистыя работы. Въ Америкѣ-же, хотя на десять десятинъ и полагается 1 человѣкъ, но ему помогаютъ во 1-хъ машины, во 2-хъ самъ хозяинъ, въ 3-хъ ремесла и промышленность города, подлѣ котораго расположена ферма; къ тому-же, онъ ѣстъ во всякомъ случаѣ лучше, нежели с.-петербуржецъ среднихъ средствъ **); кромѣ того, надобно

*) Эти наблюденія г-жи Темиревой можно прочесть въ «Жур. Сельскаго Хоз. и Лѣс.» т. CXXI, отд. II 1876 г.

**) Такое заключеніе можно сдѣлать изъ единогласнаго почти показанія всѣхъ посѣщавшихъ Америку. Что-же касается до г. Самолевскаго, то въ статьяхъ своихъ по хлѣбной торговлѣ онъ дѣлаетъ подробное перечисленіе всѣхъ отпускаемыхъ въ теченіе дня рабочему припасовъ. Статьи эти печатались въ «Землед. Газетѣ» въ концѣ 1875 и началѣ 1876 годовъ.

взять въ разсчетъ, что сданныя на руки одному человѣку 10 американскихъ десятинъ, при всемъ трудолюбіи и исправности американскаго рабочаго, не представляются передъ глазами посторонняго наблюдателя обдѣланными и убранными на столь совершенно, какъ въ Англіи и Германіи, гдѣ на долю работника приходится меньшее количество земли. На этотъ фактъ указываетъ одинъ русскій хозяинъ, Рудневъ, который оправдываетъ въ этомъ американцевъ тѣмъ, что при обработкѣ большихъ участковъ невыгодно гнаться за мелочами. («Труды» В. Э. Общества, февраль 1874).

Теперь посмотримъ: а) возможно-ли у насъ въ мѣстностяхъ съ густымъ населеніемъ создать такой строй хозяйства, какъ въ Англіи, и б) въ мѣстностяхъ малонаселенныхъ, подобіе — американскаго строя? Рѣшеніе послѣдняго вопроса тѣмъ болѣе интересно, что у насъ время-отъ-времени раздаются голоса за созданіе участковаго владѣнія посредствомъ разселенія крестьянства въ малоземельныя губерніи.

Первый шагъ для созданія англійскихъ фермъ долженъ состоять изъ обращенія крестьянскихъ надѣловъ въ собственность ихъ временныхъ владѣльцевъ. Большая часть крестьянъ, сдѣлавшись собственниками небольшихъ участковъ, скоро начнутъ продавать ихъ; это общее у насъ убѣжденіе и по очевидности своей не требуетъ доказательствъ. Но кто будутъ покупатели—это вопросъ, отвѣтъ на который уже не гадательный, а фактическій. Не одному изъ нашихъ читателей памятны корреспонденціи Евг. Маркова, напечатанныя въ «Голосѣ» (№№ 334—1875 и 40 1876 годовъ), въ которыхъ этотъ почтенный и пользующійся общею извѣстностію публицистъ нашъ разсказываетъ лично имъ самимъ наблюдаемое и глубоко изученное. Мы полагаемъ, что вся Россія прочла эти замѣчательныя корреспонденціи и потому ссылаемся здѣсь только на свидѣтельство автора ихъ о томъ, что въ Щигровскомъ уѣздѣ, по полученіи крестьянами возможности отчуждать свои надѣлы, началась продажа и запродажа ихъ. «Разные (пишетъ г. Марковъ) міроѣды, просвѣщаемые писарями и мелкими адвокатами, сами писаря, старшины, кабатчики, кулаки—являются скупщиками земель у ослабѣвшихъ хозяевъ». Но есть-ли какая-либо надежда, чтобъ этотъ гнилой классъ новыхъ собственниковъ за-

нялся какъ слѣдуетъ улучшеннымъ сельскимъ хозяйствомъ? Отвѣтъ на это находимъ то-же не гадательный, а наблюдаемый во-очію. Въ нашихъ малоземельныхъ губерніяхъ уже давно хозяйничаютъ кулаки разныхъ классовъ и національностей, бывшіе кабатчики и прочія, и проч., а недавній самарскій голодъ ознакомилъ, кажется, наше общество на столько съ порядками опустошающаго край хозяйства арендаторовъ-кулаковъ, что намъ нѣтъ причины и распространяться здѣсь объ этомъ. Итакъ, на введеніе улучшеннаго хозяйства посредствомъ передачи значительной части крестьянскихъ земель въ руки кулаковъ надежды нѣтъ. Но нельзя-ли при этомъ утѣшиться надеждой хотя на то, что часть крестьянства, которая сохранитъ въ въ рукахъ своихъ земли, обратится въ хорошихъ хозяевъ, похожихъ на англійскихъ фермеровъ. Увы, надежда эта разрушается вотъ какимъ сообщеніемъ г. Маркова изъ-того-же Щигровскаго уѣзда: подъ вліяніемъ нахлынувшаго класса покупателей крестьянскихъ земель *«патріархальное отношеніе крестьянъ къ вопросамъ своего быта съ каждымъ днемъ исчезаетъ все болѣе и болѣе.* Знакомство съ разнаго рода сутягами, адвокатами все болѣе и болѣе отодвигаетъ назадъ внутреннюю оцѣнку честнаго и безчестнаго, которая начинаетъ замѣняться другаго рода соображеніями. Нынѣ, пока они удерживаются еще своими честными привычками и исконнымъ незнакомствомъ съ сутяжничаньемъ, но не трудно представить, какое напряженіе корысти, пронырства и всякихъ ябедническихъ увертокъ разовьется, когда адвокаты, купцы, мѣщане и проч. получатъ съ истеченіемъ извѣстнаго срока право безъ всякаго стѣсненія (нынѣ продажа крестьянами земли сопряжена съ разными затрудненіями, направленными къ охраненію владѣльца) покупать крестьянскіе участки! Огромность спроса на землю въ хлѣбородныхъ губерніяхъ неизбѣжно усилитъ предложеніе въ огромныхъ же размѣрахъ». Слѣдовательно, устоитъ очень не много собственниковъ-крестьянъ. И вотъ тогда-то, по нашему мнѣнію, вслѣдствіе малочисленности этого здороваго элемента, онъ будетъ зараженъ и испорченъ въ-конецъ новою массою землевладѣльцевъ-аферистовъ, а тотъ многочисленный пролетаріатъ, который образуется при такомъ ходѣ дѣлъ, пред-

ставится намъ сбитымъ съ почвы общинной жизни и развившихся на ней нравственныхъ принциповъ, а потому и способнымъ попадѣлать дѣлъ, отъ которыхъ придется солоно и тѣмъ нашимъ крупнымъ собственникамъ, которые выступаютъ нынѣ войною противъ общины.

Если читатель придастъ какое-либо значеніе тому, что мы говорили выше, ведя рѣчь о складѣ нравственности нашего крестьянина, о процессѣ мышленія и характерѣ его инстинктовъ, то пусть онъ возьметъ въ соображеніе, что міросозерцаніе крестьянства, строй его мышленія, привычки и склонности идутъ гармонично съ строемъ его общинной жизни, или, говоря иначе, все это вырабатывается изъ общинной жизни; затѣмъ пусть представитъ себѣ читатель разрушеніе этой жизни и тотчасъ являющуюся при этомъ необходимость составлять сужденія уже по инымъ пріемамъ и даннымъ, совершенно противоположнымъ прежнимъ, ломать свои убѣжденія, свою душу — и все это творить безъ малѣйшей помощи образованія и знаній, имѣя передъ глазами дѣянія новыхъ собственниковъ-аферистовъ. Еще и теперь во многихъ сельско-хозяйственныхъ изданіяхъ можно встрѣтить сообщенія о томъ, что *самые лучшіе рабочіе—это тѣ крестьяне, которые имѣютъ свою осѣдлость, землю, скотъ*, т.-е. *живутъ при общинныхъ порядкахъ;* они сильнѣе, выносливѣе, честнѣе; пролетаріи-же, существующіе пока не въ значительномъ числѣ, не выдерживаютъ ни въ чемъ съ ними сравненія. Такъ писалъ въ прошломъ году одинъ корреспондентъ «Земледѣльческой Газеты» изъ Воронежской губерніи, такъ говоритъ затѣмъ членъ херсонской земской управы, Андреевскій, командированный въ январѣ 1876 г. для оказанія пособія пострадавшимъ отъ неурожая жителямъ Херсонскаго уѣзда. Изслѣдованіе условій жизни бѣдствующаго населенія этого уѣзда дало поводъ Андреевскому написать въ отчетѣ своемъ по командировкѣ слѣдующія слова: *«не впадаемъ-ли мы въ грубую ошибку, относясь безъ различія къ рабочему свободному, имѣющему землю и скотъ, и работнику, покидающему свое собственное хозяйство».*

Итакъ, мы не находимъ пока ни одного шанса къ тому, чтобъ, по созданіи громаднаго пролетаріата въ крестьянствѣ густо населенныхъ губерній, возможно было создать нѣчто

похожее на строй англійскаго сельскаго хозяйства съ его свѣдущими въ дѣлѣ фермерами, имѣющими, въ свою очередь, дѣло съ просвѣщенными крупными собственниками, у которыхъ они арендуютъ свои участки. Наоборотъ, въ классѣ мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ мы встрѣтимся съ невѣждами въ сельскомъ хозяйствѣ, которые будутъ только кулачничествовать землею, съ людьми безпринципными, безнравственными, вносящими развратъ въ остальное общество; а что касается до находящихся въ экономической зависимости этого класса пролетаріевъ, то бездомность, крайняя бѣдность, безнравственные примѣры ихъ хозяевъ и вдобавокъ ко всему этому разбитіе прежнихъ ихъ понятій и принциповъ, сложившихся на общинныхъ порядкахъ жизни, представляютъ нѣчто ужасающее.

Будетъ ли тогда правительство въ силахъ поддержать хотя какой либо порядокъ на огромныхъ пространствахъ Россіи? Можно-ли будетъ надѣяться, что способны будутъ поддержать порядокъ землевладѣльцы? При прежнихъ помѣщикахъ это было дѣло возможное, потому что они въ большинствѣ, не смотря на извѣстные свои недостатки, имѣли однако и прекрасныя качества; кромѣ того, власть ихъ опиралась на порядки, выработанные долгою историческою жизнію, на убѣжденія крѣпостныхъ о необходимости повиновенія своимъ господамъ. Но мыслимо-ли поддержаніе порядка, когда полицейская власть окажется въ рукахъ большинства новыхъ землевладѣльцевъ-*аферистовъ*, когда рушится община и общинная нравственность народа? Посмотрите, что дѣлаютъ теперь эти аферисты и кулаки въ Новороссіи, въ Самарской и другихъ молодыхъ губерніяхъ. Факты, которые мы приведемъ сейчасъ для характеристики этихъ сельскихъ хозяевъ, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить, между прочимъ, и къ вопросу выше нами поставленному: *«возможно-ли заведеніе въ нашихъ малонаселенныхъ губерніяхъ американскаго сельско-хозяйственнаго строя»*?

Обсужденіе этого вопроса тѣмъ болѣе полезно, что совмѣстно съ этимъ обсужденіемъ вырабатывается и точка отправленія для сужденія о достоинствѣ и значеніи проектовъ, предлагающихъ созданіе *участковаго владѣнія по-*

средствомъ выселенія части крестьянства въ малоземельныя губерніи.

Въ собраніи 1 отд. IV съѣзда русскихъ сельскихъ хозяевъ въ Харьковѣ идетъ рѣчь (Записки Общ. Сел. Хоз. Юж. Рос., ноябрь и декабрь 1875 г.) о привлеченіи въ наши южныя губерніи сельскихъ рабочихъ. Предлагаются разныя мѣры, слышатся жалобы даже на то, что существующая въ великороссійскихъ губерніяхъ община не желаетъ выпускать изъ себя хорошихъ работниковъ, и, такимъ образомъ уменьшаетъ контингентъ людей, могущихъ быть водворенными на югѣ въ качествѣ служителей интересамъ крупнаго землевладѣнія; слѣдовательно, на съѣздѣ говорятъ во всякомъ случаѣ не защитники общиннаго землевладѣнія. Далѣе, судя по рѣчамъ ихъ, можно заключить, что это весьма порядочная часть землевладѣльцевъ южнаго края, образованная и имѣющая честныя убѣжденія. Вотъ ихъ рѣчи, характеризующія *другую часть сельскихъ хозяевъ южныхъ губерній*: по словамъ *А. А. Хитрово*, при недостаткѣ рабочихъ рукъ, землевладѣльцы переманиваютъ рабочихъ другъ у друга; по отзыву *Е. В. Черняева*, рабочіе разъ не двигались съ рынковъ Бердянска, Маріуполя и другихъ центровъ единственно изъ-за-того, что были доведены до озлобленія слѣдующимъ обстоятельствомъ: волостнымъ правленіямъ на мѣстахъ жительства работниковъ сообщены были ложныя свѣдѣнія о высокой заработной платѣ на югѣ, съ цѣлію вызвать усиленный притокъ рабочихъ; землевладѣльцы и вообще тѣ, которые сообщали эти свѣдѣнія, будто бы завѣряли, что заработная плата будетъ не ниже извѣстной опредѣленной цифры. По приходѣ-же рабочихъ на югъ—эти завѣренія оказались ложными. Затѣмъ членъ съѣзда *Лозовъ* добавилъ, что многіе изъ новороссійскихъ владѣльцевъ посылаютъ своихъ агентовъ нанимать рабочихъ на мѣстахъ ихъ жительства; агенты являются въ глухую пору, угощаютъ водкой и направляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы пользуясь нуждою сбить цѣну, чего иногда не желаютъ и сами хозяева. «Мнѣ извѣстны, заключилъ г. Лозовъ, *факты самаго грубаго обмана со стороны одесскихъ евреевъ*, чрезъ по-

средство которыхъ нанимаются иногда рабочіе для южно-русскихъ владѣльцевъ».

Здѣсь-же кстати будетъ привести слѣдующія слова изъ статьи г. *Лозинскаго*—«О многоземельныхъ хозяйствахъ Екатеринославской губерніи», помѣщенной въ журн. «Сел. Хоз. и Лѣс.» 1876 года № 3, слова, указывающія на крайнее небреженіе нанимателей въ отношеніи охраненія здоровья и силъ рабочаго люда: *«съ ранняго утра и до поздняго вечера они работаютъ, не взирая ни на душный воздухъ степи, ни на палящіе лучи солнца; недостатокъ воды часто лишаетъ ихъ возможности освѣжиться»*...

Еще характернѣе, еще яснѣе и подробнѣе рисуетъ отношенія землевладѣльцевъ и *разноплеменныхъ* арендаторовъ-кулаковъ къ рабочему люду и вообще къ дѣлу хозяйства въ южномъ краѣ, появившаяся въ 1876 году въ томъ-же журналѣ «Сел. Хоз. и Лѣсоводство» статья г. *Борисова*—«Десятинщики Херсонской губерніи» (№№ 1, 2 и 3. «Журн. Сел. Хоз. и Лѣс.» 1876 г.). Читатели, вѣроятно, слыхали о «десятинщикахъ», но конечно далеко не всѣмъ извѣстенъ фактъ ихъ происхожденія, не проявившійся нигдѣ въ коренной Россіи и возможный только на той изъ ея окраинъ, разноплеменные элементы населенія которой—славянскій, татарскій, еврейскій и германскій не смѣшались еще окончательно въ одну народность, подчиненную совершенно вліянію коренной русской жизни. Фактъ этотъ таковъ: въ то еще время, когда прошелъ впервые слухъ о предстоявшемъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, многіе изъ помѣщиковъ, для того, чтобы не надѣлять своихъ крѣпостныхъ, начали ихъ выпускать на волю сначала за деньги, а потомъ, когда уничтоженіе крѣпостнаго права сдѣлалось очевиднымъ, то безъ всякаго выкупа и иногда даже принудительно. Такимъ образомъ образовался огромнѣйшій классъ пролетаріевъ, не имѣющихъ ни земли, ни усадьбы; пролетаріевъ этихъ называютъ десятинщиками потому, что они снимаютъ у землевладѣльцевъ земли въ аренду подесятинно за извѣстныя условія, преимущественно за отработку помѣщику. Жилища они строютъ себѣ сами изъ выламываемаго ими камня (по оставленіи земли постройки эти поступаютъ въ собственность помѣщика безъ возна-

гражденія строителей), или нанимаютъ у мѣстныхъ крестьянъ. Къ этого рода десятинщикамъ начали со временемъ присоединяться выходцы изъ Курской губ., бывшіе дворовые, гонимые безземельемъ, и, наконецъ, многіе изъ нѣмцевъ-колонистовъ. Курскіе начали ходить уже и въ Самарскую губернію. «Десятинщики» обыкновенно переходятъ отъ одного землевладѣльца къ другому, выискивая гдѣ-бы выгоднѣе нанять землю; за это ихъ не долюбливаютъ помѣщики и подчасъ, въ неурожайную годину, мстятъ имъ, отказывая въ ссудѣ на продовольствіе. Если посчастливится десятинщику, т.-е. если случатся нѣсколько лѣтъ къ ряду урожаи, онъ прикупаетъ скота, и, выбравъ подходящія условія у какого-либо землевладѣльца, остается жить у него по-долгу и такимъ образомъ превращается почти въ осѣлаго. *Обращеніе десятинщиковъ изъ бродячихъ въ осѣлые* задерживается, по словамъ г. Борисова, стараніемъ землевладѣльцевъ *давать имъ какъ можно менѣе земли въ аренду*, для того, чтобы они больше *продавали имъ своего времени и труда*. При помощи десятинщиковъ ведутъ хозяйство не только помѣщики, но и арендаторы. Такъ, одинъ изъ послѣднихъ снимаетъ у землевладѣльца 10,000 дес. по 2 р. дес., платя такимъ образомъ арендной платы 20,000 руб.; арендаторъ сдаетъ съ своей стороны земли десятинщикамъ по 3 р. 55 к., получая такимъ образомъ чистаго дохода отъ этой аферы 10,000 р. Но кромѣ платы за землю, десятинщики вносятъ еще въ хозяйство значительный оборотный капиталъ, въ видѣ рабочаго скота и инвентаря, имъ принадлежащаго, который, по приблизительному разсчету г. Борисова, долженъ составить для имѣнія (арендуемаго за 10,000 руб.) 54,000 руб., не считая стоимости рабочихъ рукъ, которую можно приравнять тоже 54,000 руб. Вся работа арендатора состоитъ только въ заключеніи контрактовъ съ десятинщиками, въ наѣздахъ по временамъ для досмотра за исполненіемъ контрактовъ и сбора денегъ. Конечно, въ случаѣ неурожаевъ, арендаторъ не можетъ выплатить аренды землевладѣльцу, а десятинщики — арендатору; все движимое имущество ихъ описывается на обезпеченіе недоимки, они превращаются въ нищихъ, закабаленныхъ владѣльцу или арендатору.

Вотъ каковы сельско-хозяйственные порядки въ русской Америкѣ и вотъ на сколько надежна въ ней извѣстная часть людей, заправляющая земскимъ хозяйствомъ! Много-ли можно ждать здѣсь выгоды для тѣхъ крестьянъ густо-населенныхъ мѣстностей Россіи, которые, согласно проектамъ нашихъ публицистовъ, должны быть выселены сюда по уни чтоженіи тамъ общиннаго землевладѣнія? Въ Щигровскомъ уѣздѣ нашлись личности, живо обработавшія и пустившія по міру крестьянъ-собственниковъ; здѣсь найдутся люди почище, такъ какъ здѣсь не гнушаются дѣйствовать по примѣру мелкихъ щигровскихъ піявицъ—даже люди говорящіе, по словамъ г. Борисова, рѣчи и въ земскихъ собраніяхъ. Въ рѣчахъ этихъ, между прочимъ, приводятся за-частую доводы противъ, напримѣръ, пособій во время неурожаевъ не только «десятинщикамъ», но и вообще крестьянамъ, не смотря на то, что какъ тѣ, такъ и другіе (по отзыву автора статьи о десятинщикахъ и по заявленію члена херсонской губ. земской управы Андреевскаго) *безукоризненны — какъ работники.* Любопытна характеристика, сдѣланная г. Борисовымъ личностямъ, витійствующимъ въ земскихъ собраніяхъ на объясненную тему: голоса, раздающіеся противъ пособій, принадлежатъ, по его словамъ «или разбогатѣвшему еврею, бывшему назадъ тому 30—40 лѣтъ простымъ рабочимъ, а теперь попавшему въ землевладѣльцы и гласные; или землевладѣльцу-купцу, пользующемуся на всѣхъ рынкахъ рабочихъ рукъ печальною славою и которому очень рѣдко приходится найти себѣ въ самое нужное для работы время хотя незначительную партію рабочихъ, и если она нанялась къ нему на одинъ годъ, то навѣрное на другой уже обойдетъ этого покупателя труда; или крупнымъ землевладѣльцамъ-дворянамъ, иногда говорящимъ по цѣлому часу о вредѣ ссудъ, проводящимъ какіе-то экономическіе законы, чтобы доказать, что ссуды, какъ гнойныя язвы, заражаютъ мѣстное рабочее населеніе. И ко всѣмъ имъ еще подбавляется цѣлая фаланга кулаковъ изъ крестьянскаго начальства, которые въ своихъ возваніяхъ противъ ссудъ не совѣстятся ссылаться на свое, будто-бы, короткое знакомство съ народомъ, который, будто бы, повѣдалъ имъ свои нужды, о которыхъ они и заботятся,

поднимая походъ противъ ссудъ.» (стр. 319,320. Ж. С. Х. и Л. 1876, № 3.)». А вотъ, между прочимъ, какіе факты раскрыты г. Андреевскимъ, при производствѣ удостовѣреній при раздачѣ земскихъ ссудъ во время голода въ Херсонскомъ уѣздѣ: по поводу вопроса о заработкахъ, одинъ крестьянинъ чистосердечно отвѣчаетъ, что хотя у него и нечѣмъ себя продовольствовать, но у него есть еще волы и кой-какое хозяйство; если онъ продастъ воловъ за безцѣнокъ, то пропадетъ хозяйство и онъ долженъ на-вѣчно сдѣлаться батракомъ; а потому онъ и старается всѣми мѣрами дотянуть до новыхъ посѣвовъ. Вообще, по мнѣнію г. Андреевскаго, не лѣнь держитъ крестьянина южныхъ губерній на мѣстѣ отъ похода на продолжительные заработки, а мотивы, по-истинѣ священные: нежеланіе разстаться съ положеніемъ хозяина, добытымъ неимовѣрными усиліями многихъ трудовыхъ лѣтъ, нежеланіе бросить семью, родное село и обречь себя на вѣчное работничество. Мы-бы могли привести еще нѣсколько фактовъ къ характеристикѣ мѣстныхъ порядковъ въ нашей Америкѣ, но думаемъ, что достаточно и этихъ, и только позволимъ себѣ упомянуть еще объ одномъ, хотя и довольно *курьезнаго* характера, но имѣющемъ однако, при сопоставленіи его съ вышеизложенными данными, нѣкоторое значеніе. Такъ, по словамъ автора статьи «Земледѣльческой Газеты» — «Золотое руно нашего сельскаго хозяйства» — г. Бартеля, одна личность, считающая себя за человѣка, понимающаго дѣло, увѣряла серьезно на сельско-хозяйственной выставкѣ другую, удивлявшуюся рослости или длинношерстности нѣкоторыхъ овецъ, что «овцы эти произошли отъ скрещиванія верблюда съ козою». Выставка эта, правда, была хотя и не въ Херсонской губерніи, но въ недальней ея сосѣдкѣ, тоже степной губерніи — Саратовской.

Итакъ, всѣ порядки сельско-хозяйственные и экономическіе въ русской Америкѣ гораздо хуже, чѣмъ въ коренной Россіи, и поселенные въ этой Америкѣ на правѣ частныхъ собственниковъ крестьяне изъ многоземельныхъ губерній подвергнутся сильнѣйшей атакѣ со стороны южныхъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ; атака эта поведена будетъ съ единственною цѣлію воспользоваться крестьянскими руками для обработки огромныхъ запашекъ. Въ русской Аме-

рикѣ даже самые лучшіе, самые честные люди изъ владѣльцевъ и распорядителей крупныхъ имѣній увлечены и по настоящее время мыслью, что они поступаютъ вполнѣ законно, желая запахать какъ можно болѣе земель, а поэтому и эти личности охвачены страстнымъ, неудержимымъ желаніемъ привлечь сколь возможно болѣе рабочихъ рукъ въ свой край. Въ каждой рѣчи, говоренной на послѣднемъ Харьковскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ, проскальзываетъ эта идея-фиксъ болѣе или менѣе рѣзко. Мысль-же о томъ, что надобно умѣрить свои желанія, отказаться отъ стремленія получать громадные доходы, ограничить запашку, производимую не по силамъ—только лишь начинаетъ зарождаться и, вѣроятно, ей долго еще не суждено будетъ здѣлаться господствующею, потому что еще велика масса землевладѣльцевъ и арендаторовъ совершенно особаго закала, отличительный характеръ котораго—афера съ ея развратнымъ вліяніемъ на весь экономическій бытъ. И неужели можно надѣяться, что новые мелкіе собственники-переселенцы устоятъ подъ напоромъ безчисленныхъ соблазновъ и ухищреній, измышленныхъ ловкими людьми въ теченіе долгой практики. Первый шагъ къ обѣдненію переселенца будетъ состоять уже въ томъ, что его *увлекутъ соблазномъ получать высокую заработную плату*; и вотъ вслѣдствіе этого онъ въ первые-же года жизни на новомъ мѣстѣ проработаетъ на своемъ участкѣ уже гораздо меньшее число дней, нежели въ томъ случаѣ, если-бы не было соблазна, и хозяйство его, конечно, будетъ отъ этого только въ проигрышѣ. Съ теченіемъ времени оставленіе своего хозяйства для заработковъ будетъ повторяться; привычка къ заведенію болѣе лучшихъ сельско-хозяйственныхъ порядковъ, требующихъ посвященія имъ большаго времени и труда, развиваться въ немъ не будетъ, а земля отъ дурнаго хозяйства начнетъ худѣть все болѣе и болѣе; затѣмъ наступитъ уже крайняя нужда идти на заработки; въ концѣ-же концовъ наступитъ то положеніе, въ какомъ нынѣ представляются намъ крестьяне Самарской губерніи. У нѣкоторыхъ изъ нихъ и до сихъ поръ цѣлы 15-ти десятинные надѣлы (цѣлы потому, что они общинники); но въ какомъ эти надѣлы положеніи? Владѣльцы ихъ, въ особенности въ старые годы, прельщались хорошими

заработками, и, работая постоянно у сосѣднихъ помѣщиковъ и арендаторовъ, не трудились надъ своей землей, небрегли о своемъ хозяйствѣ. Послѣдствія конечно печальны. Говоря это, мы ссылаемся въ особенности на печатавшіяся въ 1873 г. работы Самарскаго статистическаго комитета, изданныя потомъ и отдѣльно. Самарская губернія и Сибирь немного постарше Новороссіи и такимъ образомъ успѣли накопить нѣсколько данныхъ, могущихъ дать понятіе о будущности Новороссіи. Сибирскіе золотопромышленники годъ отъ году увеличивали у себя количество рабочихъ слѣдующимъ образомъ: по дорогѣ, по которой возвращались рабочіе въ свои села, заводились кабаки, гдѣ агенты золотоискателей спаивали путниковъ, обирали ихъ и такимъ образомъ закабаливали ихъ и на будущій годъ. Въ одномъ изъ селъ Самарской губерніи, во время его цвѣтущаго положенія, было выстроено до 12 кабаковъ; мужчины щеголяли въ плисовыхъ шароварахъ, женщины—въ платьяхъ европейскаго покроя. Въ Сибири деревни болѣе близкія къ золотымъ пріискамъ обнищали, въ Самарской губерніи положеніе дѣлъ всѣмъ извѣстно: самарскій голодъ его выяснилъ и опубликовалъ.

Итакъ, уничтоженіе мірскаго землевладѣнія во всей Россіи и даже уничтоженіе съ разселеніемъ крестьянъ въ многоземельныя юго-восточныя и южныя губерніи—не только не подниметъ уровня крестьянскаго сельскаго хозяйства въ густо-населенныхъ мѣстностяхъ, не только не обезпечитъ правильнаго развитія сельскаго-хозяйства въ малонаселенныхъ, но въ тѣхъ и другихъ произведетъ самое печальное положеніе дѣлъ. Что касается до коренной Россіи, то должны пострадать благополучіе и нравственность не только крестьянства, но всѣхъ вообще сословій,— что и будетъ преддверіемъ, подготовкою къ какому-либо страшному потрясенію. Въ какой формѣ выразится тогда разрушительная катастрофа,—это трудно сказать. Можетъ быть, повторится нѣчто похожее на времена междуцарствія, на бунты Разина и Пугачева, или, можетъ быть, она предстанетъ въ формѣ разгрома нашего государства какимъ-либо сосѣднимъ народомъ. Стыдно и горько допускать эти предположенія, но что-же дѣлать, если они представляются роковою логическою необходимостію анализа вопроса о послѣдствіяхъ измѣны

русскаго народа его вѣковой общинѣ, которая хранила нашу народность цѣлую тысячу лѣтъ на самомъ трудномъ посту службы цивилизаціи—на рубежѣ между востовомъ съ его варварскими народами и западомъ; да и не только хранила, но и поставила эту народность во главѣ всего славянскаго міра, на-ряду съ другими сильными національностями, которыя наслаждались за нашею охраною болѣе спокойною, нежели выпавшая намъ на долю жизнію. За несоблюденіе законовъ природы люди и государства платились повсемѣстно; поплатимся жестоко, слѣдовательно, и мы за разрушеніе созданной условіями нашей природы общины.

II.

Руководясь избранною нами точкою зрѣнія на условія сельскохозяйственнаго быта Россіи, мы пришли къ ряду выводовъ, въ числѣ которыхъ стоятъ, между прочимъ, слѣдующіе: а) введеніе у крестьянъ улучшеннаго хозяйства не возможно безъ развитія въ то же самое время промышленности, обработывающей сырые продукты, и ремесленныхъ производствъ; вслѣдствіе чего—б) улучшенное хозяйство, требуя для своего существованія увеличенія въ нашемъ отечествѣ числа людей ему служащихъ *косвенно*, въ то же время требуетъ, чтобъ и количество лицъ *непосредственно* ему служащихъ было несравненно болѣе того, при посредствѣ котораго ведется настоящее мало-прибыльное и частію хищническое хозяйство, потому что улучшенное болѣе сложно и беретъ болѣе времени и труда; в) самый переходъ къ улучшенному хозяйству, первые шаги къ нему (лучшій уходъ за скотомъ, приготовленіе и вывозка навоза на поля, болѣе совершенное паханіе и проч.) потребуютъ отъ земледѣльца увеличенія труда на своемъ участкѣ и вслѣдствіе этого, сокращенія времени, проводимаго имъ на посторонней работѣ; г) одно только заведеніе въ хозяйствѣ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ потребуетъ присутствія на мѣстѣ работъ и кузнеца, и столяра, и проч., готовыхъ во всякое время, по первому требованію, придти на помощь портящимся орудіямъ и вообще всѣмъ вещамъ, обращающимся въ хозяйствѣ; д) исполненіе

перваго главнѣйшаго условія улучшеннаго хозяйства—возвращеніе почвѣ питательныхъ веществъ изъ нея взятыхъ потребуетъ, чтобъ промышленныя заведенія, обработывающія сырые продукты, располагались не вдалекѣ отъ земли, изъ которой вышли растенія, п. ч. въ случаѣ сосредоточенія заводовъ пивоваренныхъ, винокуренныхъ и маслобойныхъ и проч. гдѣ либо далеко, въ большихъ городахъ, драгоцѣнные для земледѣлія остатки ихъ производствъ не пойдутъ на его нужды и пропадутъ даромъ, или послужатъ только къ выгодѣ ближайшихъ къ городу мѣстностей.

Въ виду всего этого, можно сказать съ увѣренностію, что вопросъ о развитіи крестьянскаго хозяйства даже въ густонаселенныхъ губерніяхъ мало вяжется съ вопросомъ о выселеніи части крестьянъ въ мало-населенныя мѣстности и скорѣе всего долженъ быть обсуживаемъ въ связи съ другимъ вопросомъ: «о *нормальномъ распредѣленіи между населеніемъ данной мѣстности труда—земледѣльческаго, ремесленнаго и обработывающей промышленности*».

Нѣкоторыя благоустроенныя крупныя имѣнія, ведя раціональное хозяйство, обязаны его успѣшностью главнымъ образомъ тому, что при нихъ состоятъ какія либо заведенія, переработывающія продукты хозяйства, и необходимое число спеціальныхъ работниковъ—ремесленниковъ. Въ этомъ можно убѣдиться, просматривая описанія нашихъ образцовыхъ имѣній, постоянно печатаемыя въ настоящее время въ нашихъ спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ періодическихъ изданіяхъ и нѣкоторыхъ «Губ. Вѣдомостяхъ».

Но такъ какъ все то, что возможно при сотняхъ десятинъ и скопленномъ капиталѣ, не мыслимо при трехъ десятинахъ земли, обработываемыхъ безъ всякаго капитала, то ясно, что крестьянское хозяйство въ густо населенныхъ губерніяхъ обречено на вѣчный застой, а какое либо развитіе его возможно лишь при условіи *соединенія мелкихъ участковъ въ нѣсколько крупныхъ*. Одну изъ формъ этого соединенія, т.-е. «обращеніе части владѣльцевъ мелкихъ участковъ въ пролетаріевъ или выселеніе ихъ въ малонаселенныя губерніи, съ отдачею ихъ участковъ оставшейся на мѣстѣ части населенія и образованіемъ такимъ образомъ класса среднихъ собственниковъ», мы уже разсмотрѣли и пришли къ заключенію,

что она не только не принесетъ пользы дѣлу развитія сельскаго хозяйства, но будетъ даже совершенно гибельна для нашего отечества.

Гдѣ-же искать какого-либо исхода? Оставаться при настоящемъ положеніи дѣлъ—значитъ сознательно истощать и обращать въ пустыню мать-кормилицу—землю; выселить изъ густо-населенныхъ губерній часть населенія и принадлежавшими имъ участками надѣлить малоземельныхъ владѣльцевъ —тоже не двинетъ впередъ дѣла введенія улучшеннаго хозяйства, потому что послѣднее требуетъ, какъ мы сейчасъ говорили, не уменьшенія количества народонаселенія въ данной мѣстности, а нормальнаго распредѣленія занятій существующаго народонаселенія между земледѣліемъ, ремеслами и обработывающею сырые продукты промышленностію.

Выходъ изъ этого *заколдованнаго круга* указываютъ намъ тѣ мѣстности Россіи, гдѣ вслѣдствіе болѣе или менѣе слабаго господства крѣпостнаго права смыслъ народный слагался болѣе правильно, гдѣ жизнь народа шла по болѣе цѣльной системѣ, основанной на условіяхъ природы, и гдѣ поступательное развитіе этой системы менѣе подвергалось искаженію вслѣдствіе какихъ либо посторонніхъ вліяній. Говоря это, мы имѣемъ въ виду прогрессирующіе, цѣльно развивающіеся въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ общинные порядки въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, порядки мало извѣстные намъ, вообще не много свѣдущимъ о томъ, что дѣлается въ нашемъ сельскомъ быту.

Нѣкоторые изъ фактовъ, знакомящихъ съ этими порядками, приведены были уже нами выше, когда рѣчь шла о доказательствахъ тому, что во всей коренной Россіи и въ молодыхъ ея окраинахъ община не близка къ разрушенію, что строй ея и по нынѣ проникаетъ всю современную жизнь крестьянства, управляетъ его поступками; что общинный духъ проявляется не только въ одной формѣ землевладѣнія, но и въ формѣ безчисленныхъ промысловыхъ и ремесленныхъ артелей, внося всюду свое вліяніе на пользу тѣхъ, кому служитъ это производство и на пользу порядка и безопасности въ огромныхъ пространствахъ Россіи. Доказывая, что общинные порядки крѣпки и сильны и понынѣ, мы не

осложняли тогда своего дѣла вопросомъ: почему община, существуя столько сотенъ лѣтъ, не заявила себя устройствомъ улучшеннаго сельскаго хозяйства, а, такъ сказать, застыла, не уйдя впередъ далѣе однихъ передѣловъ полей? Рѣшать этого вопроса, по нашему мнѣнію, нельзя безъ сопоставленія факта, подающаго поводъ къ его возбужденію, т.-е. факта—«застоя общинныхъ порядковъ» съ тѣми крайне замѣчательными фактами, которые прямо говорятъ собою намъ о *дѣйствительномъ существованіи у насъ болѣе развитыхъ общинныхъ порядковъ*. Факты эти мы находимъ пока въ тѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, которыя лежатъ недалеко отъ крайняго сѣвера. Мы постараемся изложить ихъ на сколько возможно подробнѣе въ виду того, что видимъ въ нихъ отвѣтъ на вопросъ: *«какъ, не разрушая мірскаго землевладѣнія и не прибѣгая къ выселенію крестьянства, сдѣлать то, чтобъ на мірскихъ земляхъ могло образоваться прибыльное хозяйство?»*

Въ одной изъ сѣверныхъ нашихъ губерній—Вологодской условія для сельскаго хозяйства не выгодны. Почва въ этой губерніи не отличается плодородіемъ; населенію приходится класть много труда для добычи хлѣба; чтобы сдѣлать землю годною подъ посѣвъ какого либо растенія—надо иногда вырубать лѣсъ, вырывать корни, выжигать будущее поле, унавоживать его; вслѣдствіе мѣстныхъ условій природы и климата пахотныя поля и сѣнокосы какой либо одной деревни расположены столь не выгодно, что владѣльцамъ ихъ невозможно было-бы извлекать изъ нихъ дохода, если бы не существовало спасительныхъ общинныхъ порядковъ. Формы, въ которыхъ проявляются эти порядки въ высшей степени разнообразны, измѣняются съ измѣненіемъ внѣшнихъ условій и потому каждая изъ нихъ всегда представляется въ высшей степени соотвѣтственною потребностямъ сельскаго общества въ данной мѣстности.

Вотъ подробности этихъ порядковъ:

1) Пахатныя земли, ближайшія къ селенію, болѣе обработанныя, передѣляются между членами общины; пользованіе остальными—отдаленными, не доходными предоставляется каждому изъ желающихъ этого.

2) Крестьянинъ, изъявившій желаніе пользоваться уча-

сткомъ послѣдняго рода, владѣетъ имъ на личномъ правѣ нѣсколько лѣтъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не перевелъ на него свой скотъ, т.-е. не пересталъ упавоживать свой общественный участокъ, онъ не перестаетъ пользоваться и общественною землею.

3) Затѣмъ новый участокъ или оставляется въ числѣ земель свободныхъ, для занятія его кѣмъ угодно, или присоединяется къ общинной землѣ, идущей въ передѣлъ; послѣднее случается только тогда, когда почва участка можетъ быть отнесена къ разряду хорошихъ. Цѣль этого присоединенія участковъ къ общинной землѣ заключается въ томъ, чтобы при увеличеніи народонаселенія надѣлять ими прибылыя души и чрезъ это *избѣжать дробленія земель, идущихъ въ раздѣлъ.*

4) Новый участокъ разработывается иногда *сообща нѣсколькими хозяевами*, которые и *дѣлятся потомъ урожаемъ*; въ случаѣ ихъ выселенія на него, они кладутъ начало новой деревнѣ, новой общинѣ, которая и начинаетъ или самостоятельную жизнь, или соединяется съ другою близь лежащею общиною. Иногда часть земель такого «выселка», доставшаяся по раздѣлу одному хозяину, присоединяется впослѣдствіи къ общинной землѣ которой либо изъ прежде возникшихъ деревень, преимущественно къ той, къ землѣ которой она непосредственно примыкаетъ, а участокъ другаго хозяина присоединяется къ иной, граничащей съ нимъ, общинѣ.

5) Иногда одинъ изъ общихъ владѣльцевъ вновь разработанныхъ земель, находя для себя выгоднымъ хозяйничать гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, *продаетъ принадлежащее ему, за трудъ его, право—на извѣстную часть земли* вновь возникшей общины, кому либо изъ членовъ ея.

6) Иногда часть неразработанной земли отдается во временное пользованіе весьма *своеобразной артели, членами которой являются подрастающіе мальчики и дѣвочки разныхъ семей.* Эти *«дѣти»* сговариваются разработать новину подъ ленъ, снять продуктъ, и по продажѣ его раздѣлить между собою выручку. Маленькіе работники (10—12 лѣтн. дѣти) сами вырубаютъ кустарникъ и молодыя деревца и потомъ, когда отцы и взрослые братья ихъ привезутъ имъ дровъ, они сами принимаются перекатывать огонь, т.-е. вы-

жигать новину. Они-же собираютъ и мнутъ поспѣвшее растеніе. На деньги добытыя въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ такою артельною работою дѣвушки изготовляютъ себѣ впослѣдствіи приданое.

7) Порядокъ пользованія лугами весьма различенъ: а) заливные луга дѣлятся между деревнями всей волости; б) въ случаѣ, если часть луга доставшаяся какой либо деревнѣ отстоитъ далеко отъ нея и не удобна вслѣдствіе этого для пользованія, она *отдается* обществомъ деревни въ *арендное содержаніе* другому селенію, находящему для себя выгоднымъ пользованіе этимъ луговымъ участкомъ; в) часть луга доставшаяся по раздѣлу селенію раздѣляется на участки между хозяевами селенія; г) иногда *два или три хозяина*—жители маленькой деревни *огораживаютъ* изъ общественнаго луга доставшійся на ихъ долю *участокъ въ особую «огорожу» и дѣлятъ потомъ его между собою*; д) *нѣкоторыя большія деревни стараются избѣгать раздѣла луговъ по участкамъ между хозяевами и пользуются ими сообща, дѣлясь потомъ собраннымъ сѣномъ*. Дѣлежъ этотъ въ однѣхъ деревняхъ производится *по душамъ*, въ другихъ *по числу работниковъ* въ деревнѣ. *)

*) Это перечисленіе общинныхъ порядковъ сдѣлано нами на основаніи многихъ отрывочныхъ свѣдѣній какъ попадавшихся намъ въ различныхъ описаніяхъ сельск. быта, такъ и слышанныхъ нами отъ лицъ, хозяйствующихъ тамъ, и главнымъ образомъ на основаніи данныхъ, находящихся въ помѣщенномъ въ № 10, 1876 г. «Древней и новой Россіи» этнографическомъ очеркѣ извѣстнаго нашего путешественника Г. Н. Потанина—подъ заглавіемъ: «Никольскій уѣздъ и его жители», и въ статьѣ Ѳ. Остроумова, напечатанной въ 1876 г. въ № 31 газеты «Молва». Приведеніе здѣсь нѣсколькихъ выдержекъ изъ очерка г. Потанина, относящихся къ занимающему насъ предмету, полагаемъ, не будетъ излишнимъ:

«Исторія возникновенія починка и его разростанія въ Никольскомъ уѣздѣ (говоритъ Потанинъ на стр. 150 и 151) есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія возникновенія и развитія общиннаго землевладѣнія.» Вотъ нѣкоторые, замѣченные г. Потаниномъ, моменты жизни починка. Сначала земля принадлежитъ разработавшему ее семейству. При разростаніи семейства, она становится общимъ достояніемъ всѣхъ членовъ семьи, получаетъ характеръ общественной. Пока общинныхъ владѣльцевъ еще мало, она раздѣлена между ними крупными полосами по 4 и 5 саж. Съ умноженіемъ населенія и вмѣстѣ съ идущимъ съ нимъ рука объ руку истощеніемъ нѣкоторыхъ полей, является необходимымъ съуживать полосы, разсортировывать землю. Когда наконецъ дѣло доходитъ до того, что полосы стано-

Итакъ, вотъ сколько разнообразныхъ и характеристичныхъ формъ общиннаго землевладѣнія представляется въ сельско-хозяйственной практикѣ одной изъ сѣверныхъ губерній. Въ числѣ ихъ и простой передѣлъ участковъ, и отдача въ аренду, и обработка сообща съ раздѣломъ или продуктомъ или деньгами, *практикуемая даже дѣтьми.* Фактъ

вятся чрезвычайно узки ($2^1/_2$ шага), то хозяева, получающіе надѣлъ всего на одну душу, *соединяются съ какимъ либо сосѣдомъ, получаютъ надѣлъ вмѣстѣ и обработываютъ его сообща*». (стр. 150 и 151).

«Такимъ образомъ земельная община, зарождаясь въ семьѣ, развивается и доходитъ до артельной формы самаго труда надъ землею. Понятія и обычаи сложившіеся въ семьѣ—продолжаютъ управлять дѣлами людей и въ средѣ общества людей, не связанныхъ между собою родствомъ кровнымъ.

«Ту-же исторію развитія общинныхъ порядковъ съ низшей до самой высшей формы можно видѣть и въ порядкахъ при пользованіи сѣнокосами. Подлежащіе раздѣлу сѣнокосные участки (*дѣлянки*) по раздѣлѣ ихъ между группами лицъ, принадлежащихъ къ обществу, выкашиваются слѣдующимъ порядкомъ: лица, принадлежащія къ извѣстной группѣ, придя на свою «дѣлянку», мечутъ жеребій для размѣщенія себя въ извѣстномъ порядкѣ; затѣмъ каждый отмѣриваетъ для себя полосу шириною въ косовище; выкосивъ отмѣренное, переходятъ дальше, или снова мечутъ жеребій. Продолжая такимъ образомъ дѣлить и выкашивать, приходятъ наконецъ къ тому, что косовище не укладывается больше вдоль дѣлянки нужное число разъ; тогда мѣряютъ косовищемъ поперегъ дѣлянки; если и тутъ образуется остатокъ, который *нельзя уже больше дѣлить, его выкашиваютъ сообща и раздѣляютъ уже скошенное на немъ сѣно.* Слѣдовательно шагъ къ артельному сѣнокошенію сдѣланъ, опытъ произведенъ—на маломъ пространствѣ и для примѣненія его на большемъ, т.-е. на всѣмъ сѣнокосномъ полѣ, не представляется затрудненій. И дѣйствительно, нѣкоторыя селенія перешли къ нему и въ Никольскомъ уѣздѣ» (152—153).

Процессъ дѣлежа скошеннаго сѣна цѣлымъ обществомъ, существующій, по словамъ Потанина, тамъ, гдѣ есть поемные луга, шириною хотя полверсты, описанъ имъ такъ: «для косьбы назначается по одному или по два косца на душу, состоящую въ платежѣ податей. Сѣно складывается въ копны, которыя по качеству сѣна сортируются на два сорта—хорошій и плохой. Затѣмъ участники дѣлятся на двѣ половины; выбираютъ двухъ стариковъ и вручаютъ имъ два рода жеребьевъ—одни вырубленные изъ черемухи, другіе изъ ивы или ольшины; старики обязаны воткнуть ихъ въ копны; подробности этой процедуры я не могъ узнать точнѣе, однако цѣль ея заключается въ томъ, чтобы въ каждую половину попали по-ровну и хорошія и худыя копны. Половина копны дѣлится тѣмъ-же способомъ между своими членами, пока дѣло не дойдетъ до дѣлежа одной копны между двумя лицами; эти послѣдніе рѣшаютъ кому низъ, кому верхъ

существованія у насъ такихъ формъ землевладѣнія представляется въ высшей степени драгоцѣннымъ для насъ, потому что приложеніе этихъ формъ къ сельскохозяйственному быту въ густо-населенныхъ мѣстностяхъ практически разрѣшаетъ вопросъ, возбуждаемый невозможностію вести въ настоящее время хорошее хозяйство на малоземельныхъ

копны, мѣряя горстью по палкѣ, какъ это дѣлаютъ дѣти во время игры въ мячикъ» (стр. 153).

«Обычай выкашивать сѣно обществомъ можно считать вполнѣ мѣстнымъ, возникшимъ здѣсь и выработаннымъ постепенно изъ мѣстныхъ элементарныхъ обычаевъ; по крайней мѣрѣ обычай дѣлить отдѣльные копны на дѣлянкахъ распространенъ по всей системѣ р. Шарженьги и въ другихъ мѣстахъ; и немудрено, если это дѣленіе послѣднихъ копенъ развилось до общиннаго кошенія сѣна на цѣлой дѣлянкѣ, или на цѣломъ лугу» (стр. 153).

«Общинное землевладѣніе преобладаетъ надъ участковымъ. Собственныхъ (личнаго владѣнія) участковъ много, но общее количество ихъ не велико въ сравненіи съ общинными землями, называющимися здѣсь довольно характерно—*родовыми*». (140).

«На югѣ (Россіи) міръ образуется изъ стариковъ. Здѣсь наоборотъ: когда старшій въ семьѣ (большакъ) приходитъ въ престарѣлый возрастъ, онъ сдаетъ управленіе хозяйствомъ сыну и перестаетъ быть «большакомъ». Поэтому здѣсь представительство на сходкахъ имѣютъ лица средняго и молодаго возраста, чѣмъ г. Потанинъ и объясняетъ большую податливость здѣсь на нововведенія (143 и 144). Кромѣ того здѣсь высшее сословіе — жители го́родовъ — чиновники и купцы стоятъ очень близко къ народу, мало отдѣляются отъ него въ жизни. Даже въ пищѣ городскаго, зажиточнаго человѣка авторъ замѣчаетъ весьма много схожаго. Причины этому, по словамъ г. Потанина таковы: купцы и чиновники имѣютъ въ средѣ простонародья родственниковъ; все учившееся здѣсь получало образованіе не въ отдѣльныхъ, сословныхъ школахъ. Поэтому-то здѣсь существуетъ крайне замѣчательный фактъ: въ деревни быстро и легко передается все то, что усвоивается жителями городовъ. Такъ напр. въ ближайшихъ къ Тотьмѣ и Никольску деревняхъ *крестьяне танцуютъ французскую кадриль* и это у нихъ уже *обыкновенный танецъ*, исполняемый лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, во время хороводовъ (145, 146).

«Поселенныя въ Никольскѣ лѣтъ 50 назадъ три деревни до сихъ поръ сохранили обычаи общиннаго землевладѣнія, не смотря на то, что по приписки ихъ въ мѣщане, они не получили земель. Не зная ремеслъ и принужденные существовать прежнимъ своимъ занятіемъ—земледѣліемъ, они арендуютъ городскую землю. Земля эта сдается, какъ извѣстно, съ торговъ и вотъ какой способъ придуманъ ими для того, чтобы исполнить и городскіе порядки и не насиловать свои обычаи землевладѣнія: они выби-

надѣлахъ. Дѣйствительно, что̀ не мыслимо, напримѣръ, на трехъ десятинахъ при трудѣ и капиталѣ небольшой семьи, то возможно при соединеніи 3—4-хъ хозяевъ; такъ воложане и поступаютъ при производствѣ крайне труднаго дѣла обработки лядины: они сообща вырубаютъ лѣсъ, выкорчевываютъ корни, выжигаютъ мѣсто, затѣмъ пашутъ, сѣютъ, бо-

---

раютъ изъ среды своей одного довѣреннаго и посылаютъ торговать землю на свое имя. По взятіи этимъ уполномоченнымъ земли въ аренду на свое имя, вся община уплачиваетъ за нее складчиной, которую и разверстываютъ потомъ на семьи по числу душъ. Затѣмъ земля дѣлится по существующимъ здѣсь общиннымъ порядкамъ. Замѣчательно еще, что поселенныя здѣсь деревни до сихъ поръ не смѣшались между собою и представляютъ изъ себя три отдѣльныя экономическія единицы (147 и 148).

На приводимыя крестьянамъ *доводы въ пользу участковаго владѣнія*, которое въ Никольскомъ уѣздѣ называютъ «*крѣпостнымъ*», крестьяне отвѣчаютъ такого рода сравненіемъ *дворянской перчатки съ крестьянскою рукавицею: «въ дворянской перчаткѣ у каждаго пальца свой чуланчикъ, а въ морозъ они зябнутъ; въ крестьянской рукавицѣ всѣ они вмѣстѣ и другъ друга грѣютъ»* (148).

«Съ сокращеніемъ производства на Ледвенскомъ солеваренномъ заводѣ большая часть работавшаго на немъ народа, казалось-бы, должна была остаться безъ дѣла и пріискивать себѣ другой промыселъ; но случилось здѣсь нѣчто въ высшей степени на нашъ взглядъ необычайное. Пропитанные исконными русскими общинными понятіями рабочіе, т.-е. цѣлое заводское селеніе, уменьшили только для каждаго изъ нихъ число рабочихъ дней; въ силу чего вышло, что каждый началъ работать на заводѣ только два дня въ недѣлю. Такимъ образомъ послѣдовало всеобщее равномѣрное пониженіе благосостоянія во всемъ селеніи. Остальные свободные дни все селеніе—артельно отдалось дѣлу поставки дровъ, которые рубятся не имѣющими лошадей общинниками, а перевозятся владѣющими этою рабочею силой» (стр. 148).

Артелями здѣсь производятся промыслы: постройка барокъ, выжиганье извести, пильныя работы, сплавъ лѣса. Одинъ изъ артельщиковъ, называемый *подрядчикомъ*, вступаетъ въ договоры съ лицами, которымъ нужна работа, ведетъ разсчеты съ ними и руководитъ рабочими (стр. 153).

Обычай дѣлать здѣсь все артелью—распространенъ даже и на варку пива. Тамъ на стр. 130 и 140 г. Потанинъ упоминаетъ о вареніи пива складчиной изъ *нѣсколькихъ хозяевъ*, даже *цѣлой деревней или цѣлымъ приходомъ*. Послѣднее во время храмовыхъ праздниковъ и называется «Братчиной». Мѣстами есть артельные котлы.

ронятъ, снимаютъ урожай и дѣлятся имъ *). Неудобно на большомъ лугѣ выкашивать каждому принадлежащій ему участокъ такъ, чтобы не захватить травы съ чужого участка, и вотъ, чтобъ избѣжать возникающихъ отсюда ссоръ и недоразумѣній, воложане соединяютъ участки во-едино, принимаются косить всѣ вмѣстѣ, какъ на *«помочи»*, и затѣмъ дѣлятся урожаемъ по особо составленной практической системѣ. Понадобилось олончанамъ осушить болото подъ сѣно и пашни—и 800 человѣкъ ихъ ведутъ работу осушенія въ продолженіи цѣлыхъ 5-ти лѣтъ; никто не ссорится, не лѣнится по крайней мѣрѣ настолько, чтобы стра-

---

*) Чтобъ не подумали читатели, что мы говоримъ безъ всякаго основанія о трудности работы *выжиганія новины*, мы приводимъ здѣсь описаніе самаго процесса выжиганія, заимствуя это описаніе изъ печатавшихся въ «Олонецкихъ Губ. Вѣд.» Матеріаловъ для исторіи и этнографіи» (см. статью «*Вытегорскіе—Кундужи*»). «Для производства выжиганія выбирается самый ясный день съ небольшимъ вѣтеркомъ; прежде всего съ подвѣтряной стороны поджигаютъ валежникъ, съ тѣмъ, чтобы онъ обгорѣлъ съ этой стороны сажени на двѣ, а потомъ уже поджигаютъ съ вѣтра; хлынувшій потокъ пламени мгновенно по вѣтру перебѣгаетъ всѣ вырубленныя сучья и, дошедши до противоположнаго огня, утихаетъ. Когда сгорятъ сучки и маленькія вѣточки, пламя идетъ медленнѣе и наконецъ совсѣмъ гаснетъ, а между тѣмъ нужно, чтобы почва прогорѣла какъ можно глубже, потому что тогда только и будетъ хорошій урожай; для этого собираютъ большую кучу огня на одно мѣсто, и потомъ, когда на этомъ мѣстѣ почва довольно прогоритъ, кучу двигаютъ дальше, и такимъ образомъ обходятъ всю ниву. Несносный жаръ, отъ котораго трескается иногда кожа, ѣдкій дымъ и грязь дѣлаютъ эту работу невыносимою и одна нужда заставляетъ человѣка исполнять ее». «Тутъ ужъ непремѣнно нужно, чтобы по близости была гдѣ нибудь вода для питья и кушанья. Чрезъ 3 или 4 дня нива бываетъ готова».

«Иногда полевыми работами занимаются здѣсь женщины. Что-же дѣлаютъ въ это время мужчины? «Они хлопочутъ въ это время надъ добываньемъ денегъ—на дѣлѣ тоже весьма не легкомъ—*тянь судова*. Въ *вывозкѣ навоза*— дѣлѣ тоже тяжеломъ, мужскому населенію должны по необходимости помогать женщины и дѣти, потому что и *льто коротко*, и на заработки нужно спѣшить мужчинамъ. *Время сѣнокоса* «самая тяжелая пора въ цѣломъ году: рѣдко кого можно увидѣть дома; старый и малый всѣ косятъ и цѣлыя недѣли не являются домой. Забравъ съѣстныхъ припасовъ, они уходятъ верстъ за пять и даже за десять и только въ субботу вечеромъ возвращаются въ деревню». Время *жатвы* полегче: «жать приходится не только днемъ, *но и ночью*, потому что по росѣ жать легче и зерно не сыплется, да и нужно *успѣть выжать* вовремя, что бы рожь

дала обширная, трудная, продолжительная работа, что и подтверждается блистательными ея результатами. Наконецъ, по всей Россіи практикуется «помочь», работами которой остаются довольны и всѣ прибѣгающіе къ ней землевладѣльцы. Вообще изъ соображенія всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя мы приводили въ настоящей статьѣ, мы выносимъ заключеніе, что *русскому крестьянству коренной Россіи присущъ общинный строй жизни до такой степени, что его можно назвать прирожденнымъ*, а потому этому крестьянству повсюду можетъ быть доступна каждая изъ формъ общиннаго землевладѣнія, не исключая конечно и самой высшей, принятіе которой, т.-е. соединеніе нѣсколькихъ мелкихъ участковъ въ одинъ крупный дѣлаетъ *фактически воз-*

не перестояла. Сначала жнутъ рожь, потомъ выдергиваютъ ленъ и мочатъ его, а къ этому времени поспѣваетъ и овесъ, жито и пшеница, а тутъ нужно выдергивать и горохъ; дѣла куча, *однимъ своимъ семействомъ тутъ не справиться* и поэтому часто приходится прихватывать человѣка со стороны или *сдѣлать «помочь»*.

«Въ промежутки между всѣми этими отдѣльными земледѣльческими операціями, или-же во время прекращенія за непогодою которой либо одной изъ нихъ, не приходится сидѣть сложа руки Такъ, послѣ вывозки навоза въ поле, мужчины вновь отправляются на тягу, а женщины въ это время занимаются полотьемъ льна и огородовъ, а также ловятъ неводами рыбу. Такой промыселъ *имѣетъ сообща каждая деревня*, и рѣдкое семейство не имѣетъ пая въ неводу, и тогда почти съ каждаго пая приходится отправлять на ночь человѣка на мѣсто ловли...» «Въ промежуткахъ между жатьемъ, въ дожливые дни, когда жать нельзя, идутъ собирать ягоды, разстилаютъ ленъ, однимъ словомъ, сидѣть сложа руки нѣтъ времени. Около дому дѣла тоже пропасть: обшить семью, започинить платье, прибрать и вымыть въ домѣ, наносить воды и дровъ, обмыть и обстричь овецъ,—вся эта работа лежитъ исключительно на женщинахъ. На хозяйкѣ дома все спросится, все взыщется съ нея, а потому и нужно вести все хозяйство такъ, *чтобы сосѣди и посторонніе люди не обозвали неряхою, растрепою* и т. п., чтобы и самой и дѣтямъ былъ почетъ, чтобы не осмѣяли по платью и не показывали перстомъ».

Пишемъ мы обо всемъ этомъ и думаемъ: неужели это все *неизвѣстно у насъ всѣмъ и каждому?* Да, должно быть *неизвѣстно*, потому что ежедневно приходится наталкиваться на такого рода заявленія: «крестьяне неряхи», «мужику нечего дѣлать дома и потому пусть ходитъ на заработки», «мужикъ лѣнтяй, пьяница», «мужикъ не пускаетъ сына въ школу изъ вражды къ просвѣщенію» и проч.

можнымъ веденіе вполнѣ раціональнаго хозяйства на крестьянскихъ надѣлахъ. И конечно дѣло стоитъ не за этимъ, а за неизвѣстностію пока крестьянамъ *порядковъ раціональнаго земледѣлія.* У насъ весьма мало помѣщиковъ, ведущихъ правильное хозяйство, слѣдовательно большинство крестьянъ не имѣетъ возможности ознакомиться съ нимъ на практикѣ; напротивъ, они и на мѣстѣ своего хозяйства, и во время походовъ на заработки сталкиваются большею частію съ порядками хищническаго хозяйства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе худшаго, нежели ихъ собственное; таково напримѣръ хозяйство самарскихъ, екатеринославскихъ, херсонскихъ аферистовъ.

Вообще многое говоритъ за то, что *не порядки нашего мірскаго землевладѣнія виноваты въ дурномъ хозяйствѣ крестьянства, но значительное количество различныхъ условій и между ними — два самыя главныя:* а) отсутствіе должнаго развитія промышленности для обработки сырыхъ продуктовъ, отсутствіе, стоящее конечно въ связи съ недостаточностію населенія даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыя принято называть у насъ густо-населенными *) и б) незначительное распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній въ массѣ землевладѣльцевъ и купцовъ, арендующихъ земли, до того незначительное, что въ числѣ ихъ могутъ встрѣчаться еще люди, полагающіе, что одна длинношерстная, водящаяся у насъ на югѣ, порода овецъ произошла отъ скрещиванія верблюда съ козою. Между тѣмъ,

---

*) Дѣлаемъ здѣсь вновь ссылку на очеркъ путешествія А. В. Совѣтова въ черноземной полосѣ Россіи.—«Труды И. В. Э. О»., декабрь 1876, стр. 367 и 368 и на *сообщеніе* его въ іюльской кн. 1877 г. стр. 293, 214 и 298. Здѣсь же считаемъ нужнымъ упомянуть о послѣднемъ замѣчательномъ трудѣ Проф. *Янсона* — «Опытъ стат. изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ» и присовокупить, что другой изслѣдователь, на котораго дѣлаетъ ссылку и Ю. Э. Янсонъ, г. *Чаславскій* говоритъ относительно отхожихъ промысловъ: «Владѣльцы земель въ трехпольной полосѣ жалуются, что отхожія промыслы отвлекаютъ у нихъ много народа.... у нихъ оказывается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ». Могли-ли бы эта жалоба возникнуть, если бы существовало у насъ такое отношеніе пространства земли къ населенію — вообще, какое мы видимъ въ Англіи, Франціи и проч.

не только одна общинная форма землевладѣнія, но даже сродственныя съ нею формы не исключаютъ возможности вести какое угодно хозяйство и первобытное, и раціональное. Такъ въ *Америкѣ* большинство фермеровъ, ведущихъ раціональное хозяйство, предпочитаютъ вмѣсто производства рабочимъ платы деньгами, отдавать имъ земли *исполу*. Такъ же точно въ одномъ изъ медвѣжьихъ уголковъ нашего отечества *испольная система* начала давать большія выгоды, благодаря единственно тому, что въ управляющіе однимъ имѣніемъ въ этомъ уголкѣ попался человѣкъ, свѣдущій въ дѣлѣ хозяйства и любящій лично трудиться. Эти рѣдкія качества управляющаго имѣніемъ, въ соединеніи съ человѣчнымъ и высоконравственнымъ отношеніемъ къ испольщикамъ—мѣстнымъ бѣднякамъ крестьянамъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что испольныя десятины начали хорошо обработываться, удобряться и дали большій доходъ владѣльцу и работникамъ *). Что касается хозяйства сельскаго об-

---

*) Мы говоримъ здѣсь объ управленіи г. *Ларинымъ* имѣніемъ г-жи Камніоли въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, подробно описанномъ въ іюньской кн. «Жур. Сел. Хоз. и Лѣсов.» 1875 г. Малая степень распространенности этого журнала обязываетъ насъ сообщить здѣсь, что съ крайне замѣчательными пріемами хозяйства и отношеніями къ рабочимъ г. Ларина знакомятъ отчасти выдержки изъ названнаго журнала, помѣщенныя въ распространенной у насъ повсюду газетѣ «Прав. Вѣстникѣ» №№ 263 и 277. 1875 г. Кромѣ того мы встрѣчали ихъ перепечатанными въ нѣкоторыхъ губ. вѣдомостяхъ и въ «Трудахъ» В. Э. Общества—декабрь 1875 г. Здѣсь-же позволимъ упомянуть лишь о томъ, что г. Ларинъ, поправивъ вообще все хозяйство, веденное съ незначительнымъ оборотнымъ капиталомъ, сталъ въ такое положеніе, что уже могъ замѣнить испольную систему другою; но вотъ какія соображенія остановили его: «главнымъ препятствіемъ въ этомъ отношеніи, говоритъ г. Ларинъ, съ одной стороны, опять таки недостаточность средствъ хозяйства, съ другой-же малоземелье крестьянъ. Бѣдность здѣшнихъ крестьянъ, ихъ вполнѣ безвыходное положеніе хотя еще болѣе допускали возможность преобразованія (такъ какъ отобрать испольную землю и заставить обработать ее за деньги—всего легче было сдѣлать съ крестьянномъ), но я считалъ себя обязаннымъ столько же заботиться о сохраненіи интересовъ владѣльца, сколько имѣть въ виду при этомъ и интересы крестьянъ, потому что, помимо всякой гуманности, пользоваться ихъ невыгодами было бы въ такой же мѣрѣ безвыгодно и для самого хозяйства; лишить крестьянина испольной обработки, значило бы здѣсь прямо лишить его насущнаго куска хлѣба, ли-

щества въ формѣ передѣла участковъ, то приведенныя нами выше свѣдѣнія о передѣлахъ привели къ выводу о томъ, что передѣлы есть средство противъ образованія на общинной землѣ такого рода участковъ, которые называются на языкѣ крестьянъ «залужалыми», т.-е. запущенными, мало доходными, которыхъ взять никто не желаетъ не только въ аренду, но и даромъ. Вѣскіе доводы противъ ложнаго мнѣнія о томъ, что система передѣловъ въ нашемъ отечествѣ тормозитъ вообще развитіе крестьянскаго хозяйства, мы находимъ еще въ дисертаціи Посникова на степень магистра политической-экономіи. Говоря по этому предмету, г. Посниковъ указываетъ на примѣръ Англіи, гдѣ большинство фермеровъ суть *кратко-срочные арендаторы* и не смотря на это они находятъ выгоднымъ затрачивать въ землю огромные капиталы. Разсматривая нашихъ крестьянъ-общинниковъ какъ арендаторовъ общинной земли, Посниковъ находитъ, что они стоятъ еще въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели англійскіе фермеры, потому что каждый изъ нихъ,

---

шить скота, а отсюда, слѣдовательно, и всего его благосостоянія... А кому можетъ быть отрадно и полезно такое положеніе крестьянина?»

Другой примѣръ выгодности испольной системы и возможности вести при ея посредствѣ улучшенное хозяйство, находимъ въ сообщеніи орловскаго землевладѣльца *В. А. Новицкаго* въ одномъ изъ засѣданій *Московскаго общества сельскаго хозяйства*. Имѣя большое хозяйство въ Орловской губерніи съ многопольнымъ сѣвооборотомъ и травосѣяніемъ, г. Новицкій, не смотря на введеніе плужной обработки и другихъ улучшеній, чрезвычайно затруднялся въ мѣрахъ къ поднятію хозяйства. Наконецъ онъ вошелъ въ соглашеніе съ крестьянами, которые очень нуждаются въ земляхъ, и *предложилъ имъ работать у него испольно, но съ тѣмъ,— чтобы они безпрекословно исполняли всѣ его требованія, работали по его указаніямъ и возвращали половину сѣмянъ, употребленныхъ въ хозяйствѣ.* Результатъ испольнаго способа, по словамъ г. Новицкаго, *далеко превзошелъ результаты хозяйствованія вольнонаемнымъ трудомъ*, а потому онъ считаетъ *эту систему единственнымъ исходомъ для хозяйства въ настоящее время.* Это мнѣніе г. Новицкаго нашло косвенное подтвержденіе и со стороны *І. Н. Шатилова*, который въ томъ же засѣданіи, по поводу жалобъ на недостатокъ надежныхъ рабочихъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго положенія сельскаго хозяйства, заявилъ, что отъ введенія рабочихъ книжекъ, какъ мѣры, имѣющей цѣлію обезпечить помѣщикамъ хорошихъ рабочихъ, сельское хозяйство ничего не выиграетъ, и что теперь онъ считаетъ ихъ совершенно безполезною вещью, хотя и былъ ихъ защитникомъ въ 1864 году.

улучшая находящійся во временномъ его владѣніи участокъ, *улучшаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою общинную землю.* Примѣръ, приведенный нами въ началѣ этой статьи изъ практики, Ямбургскаго уѣзда, гдѣ каждый участокъ луга переходитъ къ каждому изъ общинниковъ черезъ 10 лѣтъ и гдѣ въ случаѣ, если одному изъ участниковъ дѣлежа луга достанется участокъ затянутый иломъ отъ разлива, другіе утѣшаютъ его словами: «что дѣлать, можетъ быть, будетъ время, когда и на нашу долю выпадетъ такая же колея» —сильно говоритъ за то, что *при передѣлахъ участковъ въ сознаніи крестьянина есть мысль о томъ, что въ будущемъ удобренный имъ участокъ можетъ опять достаться ему же;* на это же наводитъ и помѣщенный выше примѣръ изъ практики Вологодской губерніи, гдѣ разработанный лично кѣмъ либо участокъ присоединяется черезъ три, четыре года къ общинной землѣ, для того, чтобы *при увеличеніи народонаселенія не уменьшать участковъ, идущихъ въ раздѣлъ. А идущіе тамъ въ раздѣлъ участки,* какъ припомнитъ читатель, *всѣ состоятъ изъ земли удобренной.*

Что касается до формы—*«работы сообща и раздѣла урожая или вырученныхъ за него денегъ»*, то противъ пригодности ея для раціональнаго хозяйства не найдется ни одного возраженія, *и можетъ быть поднятъ споръ только противъ возможности осуществленія ея въ дѣйствительности.* А такъ какъ мы давно уже имѣемъ много примѣровъ приложенія этой формы къ отдѣльнымъ земледѣльческимъ производствамъ, то, конечно, весь споръ долженъ быть сведенъ только на вопросъ: *«о возможности приложенія ея ко всѣмъ сельскохозяйственнымъ производствамъ на общественной землѣ?»* Но и здѣсь основаніе для спора могло быть только до опубликованія въ продолженіи прошлаго года всѣми почти органами печати существованія подобнаго хозяйства въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ именно мы узнали въ прошломъ году о вышеизложенныхъ порядкахъ въ *Вологодской* губерніи, о существованіи подобныхъ-же порядковъ въ *Нижегородской* *), о соединеніи крестья-

*) Въ Макарьевскомъ уѣздѣ, какъ сообщилъ г. Девель въ собраніи С.-Петербургскихъ сельскихъ хозяевъ 2 марта 1876 г., земля остается

нами одной деревни *Полтавской* губерніи ихъ надѣловъ въ одинъ крупный и заведеніи на немъ улучшеннаго хозяйства *) и о поступленіи подобнымъ же образомъ въ нѣсколькихъ *финдляндскихъ* селеніяхъ, лежащихъ недалеко отъ границъ Петербургской губерніи. **)

Но и помимо этихъ, бьющихъ въ глаза фактовъ, мнѣніе *о невозможности* хозяйничать цѣлому селенію какъ едино-

---

безъ всякаго раздѣла; все крестьянское общество раздѣляется на тягла; въ каждомъ тяглѣ два работника. По наряду старосты, всѣ выѣзжаютъ на работу одновременно. Такимъ образомъ производится вспашка, посѣвъ, сборъ урожая, который складывается въ общее гумно и затѣмъ производятся потягольный надѣлъ: хлѣба - зерномъ, сѣна — копнами, соломы — саженями.

*) Полтавская губернія внѣ той громадной части Россіи, о которой мы главнымъ образомъ ведемъ рѣчь въ настоящей статьѣ; но обитатели Малороссіи, въ составъ которой входитъ Полтавская губернія, самое родственное племя великоруссамъ, отличенное отъ послѣдняго нѣкоторою, такъ сказать, внѣшнею формою жизни, выработавшеюся подъ вліяніемъ мѣстной природы и исторіи. — Основные-же черты этой жизни одни и тѣ-же. Такъ напр. въ экономическомъ бытѣ малороссовъ такъ-же рѣзко, какъ и въ Россіи бросается въ глаза огромное количество промысловыхъ артелей. Что-же касается до сельскохозяйственныхъ работъ, то въ Малороссіи нѣтъ ни одной сельскохозяйственной операціи и работы, начиная отъ съема земли въ аренду и вспашки и кончая уборкой, которыя бы малороссы не умѣли производить артелями, крайне разнообразными по своей организаціи. Читая напримѣръ превосходное описаніе этихъ артелей—Ф. Щ—на, печатавшееся въ прошломъ году въ «Недѣлѣ» (№ 27, 29, 34—35, 37, 41, 43, 44—45. 1876 и № 8. 1877 г.), невольно поражаешься громадной силой и крѣпостью народныхъ обычаевъ и нравовъ, неуступавшихъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ самому систематическому, самому тяжелому давленію извнѣ. Сколько ни давили Малороссію польскіе паны, католическое духовенство и союзникъ ихъ—пронырливое жидовство, какіе законы ни вводились въ этой странѣ въ продолженіи ея исторической жизни, а народъ все таки сохранилъ цѣло и невредимо свои общинные нравы, обычаи и наклонности. И мы теперь видимъ во всѣхъ углахъ ея тѣ-же своеобразныя явленія экономическаго быта, какъ и въ Великороссіи. Поэтому насъ нисколько не удивило появленіе въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» сообщенія о соединеніи въ одномъ селеніи *Полтавской* губерніи крестьянскихъ мелкихъ участковъ въ одно крупное имѣніе и удачнѣйшіе результаты хозяйства въ такой общинной формѣ, не удивило потому, что Малороссы и въ Полтавѣ, и на Волыни и Кіевѣ постоянно «спрягаются» въ артели и для снятія земли, и для вспашки полей исполу, для косьбы сѣна, для перевозки съ полей хлѣба и сѣна и проч. и проч.

**) Сообщено г. Веберомъ въ «Земледѣльческой газетѣ».

му хозяину на общественной землѣ сильно должно колебаться въ виду поразительной многочисленности у насъ промышленныхъ, ремесленныхъ и рабочихъ артелей; въ виду ясно выразившейся въ послѣднее десятилѣтіе склонности крестьянъ, надѣленныхъ участками въ собственность, обращаться къ общинному землевладѣнію; въ виду нежеланія ихъ мѣнять мірское землевладѣніе на личное. нежеланія, выраженнаго, какъ мы выше видѣли, во 1-хъ тѣмъ, что громадное большинство ихъ осталось доселѣ при мірскомъ землевладѣніи и, во 2-хъ, прямыми словами самихъ крестьянъ въ уѣздахъ Московскомъ и Никольскомъ, изъ которыхъ первые на вопросъ: почему они не беруть земли въ личную собственность—отвѣчали указаніемъ на примѣръ своихъ сосѣдей-ямщиковъ, совершенно обѣднѣвшихъ послѣ раздѣла земли въ собственность *), а вторые—сравненіемъ дворянской перчатки съ крестьянскою рукавицею **).

Итакъ, пора убѣдиться въ томъ, *что община русская не идетъ къ разложенію, что она крѣпка и сильна такъ-же какъ и во всякое былое время, что напротивъ много задатковъ къ тому, что она предстанетъ въ будущемъ въ самой полезной для земледѣлія формѣ*, а потому извѣстія о существованіи этой формы въ г. Вологодской и о переходѣ къ ней въ г.г. Полтавской и Нижегородской, *въ связи съ сильнымъ сподствомъ у насъ общинныхъ началъ и порядковъ—разныхъ формъ, пріобрѣтаютъ особое значеніе*, и позволяютъ сказать, что Нижегородская, Полтавская и Вологодская формы общиннаго хозяйства уже *не единичные* факты, неубѣдительные по ихъ малочисленности и недавнему существованію, не нѣчто новое и исключительное для извѣстныхъ только мѣстечекъ, а это—знакомое, родное явленіе; это только одна изъ формъ съ-издавна существующей на всемъ пространствѣ Россіи общины; и если эти порядки нижегородскіе, полтавскіе долго не выстоятъ, то въ фактѣ ихъ уничтоженія мы не будемъ видѣть приговора о неудобствѣ порядковъ, а будемъ полагать, что лишь одно примѣненіе ихъ стало неудобнымъ по какимъ либо мѣстнымъ условіямъ, или, что ихъ потрясли какія либо внѣшнія, неблагопріятныя вліянія

*) См. «Сборникъ Стат. Свѣд. по Моск. губ.» Т. I, цитиров. въ примѣч. къ стр. 31.

**) Стр. 75.

начало которымъ коренится въ неурядицахъ — промышленныхъ, торговыхъ и проч., и что съ устраненіемъ этихъ послѣднихъ воскреснутъ вновь и столь полезные для правильнаго хозяйства порядки. Только *финляндская* община представляется для насъ явленіемъ страннымъ и новымъ; но можетъ быть только потому, что все то, что начало появляться въ печати въ послѣднее время объ этой части нашего государства, оказывается для насъ сущею новостью. *) Мы знаемъ географію Финляндіи, самыя главныя событія ея политической исторіи, но больше намъ ничего не извѣстно объ этой странѣ. На вопросъ: какой складъ народной жизни существуетъ въ ней — мы не можемъ дать никакого отвѣта, и насъ это не стыдитъ и не удивляетъ вѣроятно потому, что чуть-ли не въ такомъ же положеніи мы стоимъ пока и къ своему коренному, родному русскому народу. Въ силу этого мы не можемъ дать прямого объясненія занимающему насъ факту внезапнаго возникновенія въ Финляндіи общиннаго хозяйства въ самой высшей его формѣ, и намъ остается строить по этому предмету только разнаго рода догадки. Корреспондентъ «Земледѣльческой Газеты», сообщившій впервые извѣстіе объ общинномъ хозяйствѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ Финляндіи, говоритъ, что крестьяне этихъ деревень увлеклись примѣромъ сосѣднихъ помѣщичьихъ имѣній, въ которыхъ ведется раціональное хозяйство. Ели-бы это была одна изъ причинъ возникновенія общиннаго хозяйства, тогда за нею не возставалъ-бы вопросъ: почему крестьяне Франціи, Германіи, Англіи не увлеклись до настоящаго времени примѣрами цвѣтущихъ тамъ между ними крупныхъ хозяйствъ. Но не разрѣшается ли здѣсь загадка тѣмъ обстоятельствомъ, что финскія деревни, заведшія у себя удивительные порядки хозяйства, лежатъ не далеко отъ мѣстностей, населенныхъ русскими, а вслѣдствіе этого нѣтъ-ли въ обитателяхъ ихъ русской крови, а слѣдовательно и инстинктовъ русскихъ. Нельзя-ли разрѣшить загадки и

*) Послѣ бывшей въ 1876 г. въ Финляндіи выставки печаталась на русскомъ языкѣ одна переводная брошюра о Финляндіи и нѣсколько статей, знакомящихъ подробнѣе съ этой страной. Статьи эти еще такъ недавно появлялись на страницахъ всѣхъ нашихъ періодическихъ изданій, что нѣтъ повода доказывать здѣсь наше упоминаніе о томъ, что до 1876 г. мы ничего не знали о Финляндіи, а въ 1876 г. узнали очень мало.

тѣмъ еще, что Финляндцы, живя подъ суровыми условіями природы ихъ отечества, научились съ-издавна сплачиваться тѣсно другъ съ другомъ для борьбы съ нею и такимъ образомъ самостоятельно воспитались въ нихъ общинные инстинкты, о которыхъ мы только ровно ничего не знаемъ, точно также какъ многіе изъ насъ не знаютъ о существованіи *Бурятской общины*, описанной недавно покойнымъ Щаповымъ. *) Но эти наши предположенія и остаются лишь предположеніями, а высказываются только собственно затѣмъ, чтобы показать насколько важно знать, которое изъ нихъ истинно, потому что если было бы доказано, что общинное хозяйство возникло въ Финляндіи самостоятельно, произошло путемъ вліянія условій природы, то это сдѣлалось-бы однимъ изъ фактовъ, подтверждающихъ наше положеніе о зависимости формы русскаго землевладѣнія отъ условій природы и климата; если бы выяснилось, что финскія деревни усвоили эту форму, принявъ въ себя значительную дозу славянской крови и этимъ путемъ вошли въ нихъ общинные инстинкты, то это оказалось-бы тоже не менѣе цѣннымъ фактомъ. Кромѣ того и въ томъ и въ другомъ случаѣ это былъ бы такого рода фактъ, опираясь на который мы могли бы говорить: если общинные инстинкты существуютъ у даннаго земледѣльческаго населенія, то *недостатокъ извѣстной степени цивилизаціи не составляетъ препятствія къ усвоенію самой высшей формы общиннаго хозяйства для того, чтобъ приступить, чрезъ ея посредство, къ введенію на крестьянскихъ земляхъ улучшеннаго земледѣлія.* Порядки эти, значитъ, собственно такъ просты для земледѣльца, ведущаго обычное трехпольное хозяйство, что кромѣ примѣра ему не нужно никакихъ руководженій. Поэтому тогда намъ можно было бы съ увѣренностію заключать, что если бы и русскіе крестьяне имѣли вездѣ передъ глазами порядки раціональнаго хозяйства, то оно было бы у нихъ давно. И это заключеніе совпало бы съ сдѣланнымъ уже нами выводомъ изъ другого рода данныхъ; выводъ этотъ, какъ припомнятъ читатели, заключался въ томъ, что какъ первобытное, такъ и усовершенствованное хозяйство возможно вести не толь-

*) См. «извѣстія Сибирс. Отд. Императорскаго русск. геогр. Общества». Т. V. № 3 и 4. 1875 г.

ко при формѣ общиннаго землевладѣнія, но и при *исполь-ной системѣ*, а вслѣдствіе этого дѣло введенія въ среду нашего крестьянства улучшеннаго хозяйства тормозится не русскою общиною, а другими причинами, подробно объясненными нами выше.

Итакъ, мы теперь достовѣрно знаемъ, что на всемъ почти пространствѣ нашего громаднѣйшаго отечества существуетъ крѣпко и незыблемо «мірское землевладѣніе» съ его: а) *передѣлами* полей, б) съ возникающими въ средѣ его *частными артелями* для производства *отдѣльныхъ сельскохозяйственныхъ операцій*, съ дѣлежомъ урожая, или выручкою отъ урожая, в) съ его *арендаторскими* операціями различныхъ видовъ, *причислить* къ числу которыхъ пора намъ и такъ-называемое *снятіе земли исполу*, г) съ его *отдачею въ аренду своихъ земель* постороннимъ общинамъ, или частнымъ владѣльцамъ, и наконецъ д) съ его *нижегородскими* и *полтавскими порядками*.

Нравственный складъ народа, создавшійся на этой формѣ землевладѣнія, укрѣпляетъ и поддерживаетъ жизненность этого рода землевладѣнія. За это говорятъ всѣ собранныя нашею наукою отчизновѣдѣнія данныя; но дальнѣйшее развитіе этой науки должно привести насъ, по всей вѣроятности, и къ заключенію о томъ, что изъ перечисленныхъ формъ общиннаго землевладѣнія каждая господствуетъ въ той мѣстности Россіи, которой она болѣе пригодна: по а) мѣстной природѣ, б) отношенію пространства земли къ населенію, в) положенію путей сообщенія, г) близости или отдаленности заводовъ, фабрикъ, могущихъ снабжать земледѣльческую промышленность удобреніемъ. Многія данныя изъ числа приведенныхъ въ настоящей статьѣ наводятъ на мысль, что народъ нашъ уменъ и сметливъ во всемъ, что касается дѣла землевладѣнія и тѣсно, неразрывно переплетеннаго съ нимъ дѣла сельскохозяйственнаго; что не на дни, не на мѣсяцы, а на цѣлые годы впередъ умѣетъ онъ здѣсь вести свои разсчеты; что *плохое положеніе его хозяйства обусловливается, главнѣйшимъ образомъ, причинами, неимѣющими ничего общаго съ его современнымъ умственнымъ*

и нравственнымъ развитіемъ и съ господствующею формою общиннаго землевладѣнія, такъ какъ и первобытное, и раціональное хозяйство возможны и при формѣ общиннаго, и при формѣ участковаго землевладѣнія; что развитіе сельскаго хозяйства зависитъ главнымъ образомъ: 1-е отъ степени населенности даннаго края, потому что улучшенное хозяйство требуетъ большаго числа рукъ, нежели первобытное; требуетъ оно и развитія промышленности, обрабатывающей сырые продукты, а слѣдовательно нуждается въ достаточномъ числѣ рукъ, служащихъ ему чрезъ посредство этой промышленности и 2-е отъ порядка распредѣленія промышленныхъ заведеній, потому что, если они располагаются въ большихъ городахъ, вдали отъ селъ, то послѣднія ни при общинномъ владѣніи, ни при участковомъ не въ состояніи вести раціональнаго земледѣлія, котораго отличительныя черты двѣ: а) оно много производитъ полезныхъ растеній, т.-е. много беретъ изъ земли питательныхъ веществъ, и б) возвращаетъ землѣ то, что беретъ изъ нея; а потому для существованія его необходимо: чтобъ только тѣ части воздѣланнаго растенія шли на сторону, которыя не содержатъ въ себѣ минеральныхъ питательныхъ веществъ для растеній, а вслѣдствіе этого, чтобы воздѣланное растеніе—этотъ *сырой продуктъ* переработывался на мѣстѣ, или подлѣ мѣста его выхода изъ земли съ помощію завода и фабрики въ вино, пиво, крахмалъ, масло и проч. и проч., а не уходилъ-бы въ обмѣнъ, на нужные для сельскаго жителя предметы, въ видѣ сѣна, соломы, зерна; равно какъ, чтобы *все*, потребляемое рабочимъ скотомъ, превращаясь въ молоко и мясо животнаго, тоже не выходило бы на сторону въ формѣ этихъ сырыхъ веществъ, а подвергалось бы дальнѣйшей обработкѣ, остатки, отбросы которыхъ, вмѣстѣ съ производимымъ животными навозомъ, обращались-бы въ землю.

Хлопотать всѣми силами о скорѣйшемъ возникновеніи въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ нашего отечества такого распредѣленія промышленности—вотъ въ чемъ состоитъ современная задача русской интеллигенціи, облегчаемая тѣмъ, что общинная форма землевладѣнія и вообще всѣ общинные порядки быта нашего крестьянства представляютъ собою важныхъ пособниковъ этому дѣлу, по-

тому что, во 1-хъ, при нихъ неимовѣрно легко сплачивать массы людей въ одно цѣлое, для одолѣнія дѣлъ немыслимыхъ при силѣ одного человѣка, и, во 2-хъ, разнообразіе формъ общиннаго землевладѣнія даетъ возможность производить изъ нихъ самыя многоразличныя, самыя примѣнимыя къ разнообразнымъ условіямъ комбинаціи для веденія какого либо сложнаго дѣла; въ особенности-же здѣсь должна сослужить хорошую службу послѣдняя высшая форма общины, способная гнуться во всѣ стороны, такъ какъ въ устроенномъ сообразно ей хозяйствѣ могутъ быть легко заводимы, по требованію обстоятельствъ, и собственныя свои промышленныя и ремесленныя заведенія, подъ производство-же самыхъ выгодныхъ для промышленнаго оборота растеній могутъ быть отводимы самые пригодные участки; рукъ при этой формѣ хозяйства всегда будетъ достаточно, потому что ни одна слабая сила въ такой общинѣ пропадать не можетъ; у кого нѣтъ физической мощи для полевыхъ работъ, тотъ всегда можетъ быть занятъ сравнительно легкими работами въ ремесленныхъ и промышленныхъ заведеніяхъ общины. Старинная наша пословица «съ міру по ниткѣ—голому рубаха» найдетъ при высшей формѣ общиннаго землевладѣнія свое плодотворное примѣненіе въ огромномъ числѣ случаевъ, начиная съ поддержанія силъ больнаго или ослабѣвшаго, до выписки машины и устройства завода.

Но *какъ сдѣлать это*, какъ толкнуть милліоны крестьянства на заведеніе порядковъ вологодскихъ, полтавскихъ, нижегородскихъ, финляндскихъ? Мало этого, чѣмъ ориентироваться, приступая къ такому громадному дѣлу; съ какой стороны его начать, какъ вести его, чтобъ достигнуть какихъ либо хорошихъ результатовъ; какъ обойдти несмѣтныя препятствія, стоящія здѣсь на дорогѣ? Все это вопросы, которые холодятъ всякую предпріимчивость, заставляютъ опускаться самыя сильныя руки, склоняютъ сознаніе къ леденящему умъ заключенію: «невозможно», «недостижимо».

Но смѣемъ думать, что отмѣна крѣпостнаго права казалась назадъ тому столѣтіе такою же невозможностію. Болѣе глубокое, по нашему мнѣнію, познаніе родной земли, ума, способностей, наклонностей русскаго крестьянина можетъ пролить лучь свѣта на темные для современной русской ин-

теллигенціи вопросы. Вспомните только, какъ недалеко то время, когда каждый изъ этой интеллигенціи, имѣвшій какія либо отношенія къ простолюдинамъ, былъ вполнѣ убѣжденъ, что только дѣйствіемъ одного страха онъ можетъ заставлять ихъ дѣйствовать въ цѣляхъ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей; припомните кулакъ, палку, розгу, плеть, игравшихъ главную роль въ отношеніяхъ помѣщика къ дворовымъ и крѣпостнымъ крестьянамъ, офицера—къ солдатамъ, становаго, исправника, городничаго—къ подчиненнымъ имъ жителямъ села или городка, и посмотрите, напр., на современное преобразованіе, въ короткій срокъ, безъ грубаго почти слова, мужика въ браваго, служащаго удивленіемъ цѣлому міру—солдата! Что-же это значитъ, какъ не то, что нынѣшній военный педагогъ далъ себѣ трудъ, во 1-хъ, познакомиться съ наукой педагогіи и, во 2-хъ, съ душой ученика. Вотъ и намъ, поднимающимъ вопросы о развитіи сельскаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ, нужно перестать быть невѣждами въ самой наукѣ сельскаго хозяйства и ознакомиться съ землей, со страной, гдѣ она должна быть приложена, съ душой народа, умственныя и ручныя силы котораго призваны дѣйствовать на этой землѣ. Тогда-тотолько мы и познаемъ точки отправленія въ громадной, просящейся на разрѣшеніе современной задачѣ. Вотъ въ виду всего этого намъ нужно теперь же, немедля, со всѣмъ жаромъ наброситься на тщательное и толковое изученіе на всѣхъ концахъ нашего отечества порядковъ настоящаго statu-quo всего быта народа, т.-е. порядковъ общиннаго землевладѣнія, артелей рабочихъ, ремесленныхъ, промышленныхъ и всего умственнаго и нравственнаго строя нашего крестьянства. Изученіе это должно совершаться не зря, не дилетантски, по строго научно, по стройной и широко задуманной системѣ. Иначе мы запрудимъ литературу своего дѣла ошибочно записанными фактами и скороспѣлыми обобщеніями, внесемъ въ дѣло много субъективныхъ своихъ воззрѣній. А это послѣднее тѣмъ болѣе вредно, что мы—русская интеллигенція, почти иностранцы въ своемъ отечествѣ, понимающіе многія въ немъ явленія хуже чѣмъ дѣйствительные иностранцы, потому что послѣдніе не разобщены съ своею народною жизнію и знаютъ ее до тонкости и по-

тому обладаютъ навыкомъ, способностію вѣрно разсматривать и другія народности; мы же, незнакомые ни съ ихнею, ни съ своею народною жизнью, склонны часто впадать въ одну ошибку громадной важности: имѣя о чемъ либо представленіе или понятіе, составленное собственно по иностраннымъ книгамъ, мы забываемъ это и носимъ въ мозгу представленіе, что мы, какъ русскіе, видѣли и наблюдали это сами въ условіяхъ своей народной жизни; поэтому весьма часто намъ представляются существующими въ русской народной жизни такія явленія, которыхъ въ ней нѣтъ, а въ замѣнъ этого существуютъ иныя, намъ неизвѣстныя. Что-же изъ этого выходитъ? А напримѣръ то, что большинство изъ насъ обратило вниманіе на русскую общину послѣ появленія въ печати рѣчи о ней иностранца Гакстгаузена *), а одинъ изъ русскихъ писателей описалъ складъ тѣла русскихъ людей похожимъ на складъ африканскихъ негровъ. Да, именно, у Н. Успенскаго, русскіе люди оказались имѣющими затылокъ завиткомъ, руки—нисходящія ниже колѣнъ, ноги безъ икръ. Ясно, что онъ вѣрилъ всею душою въ сужденіе о насъ иностранцевъ какъ о помѣси славянскаго племени съ низшею расою—монгольскою; но о монголахъ въ послѣднее время на западѣ писалось, а у насъ переводилось очень мало; за-то весьма довольно было въ нашей литературѣ переводовъ о физіологическихъ особенностяхъ негровъ Америки и Африки, и вотъ идея *о помѣси русскихъ съ низшею расою* связалась у г. Успенскаго съ представленіями его о *складѣ тѣла низшей расы—негровъ* и въ силу этого русскій человѣкъ вышелъ похожъ у него не на монгола съ круглою головою, плоскимъ затылкомъ, маленькими руками и ногами, а на противоположный ему типъ—негра. Поэтому мы погодимъ пока являться съ совѣтами нашимъ младшимъ братьямъ, какъ и гдѣ прилагать какую либо форму общиннаго хозяйства и обратимся къ изученію нашихъ

---

*) Хотя славянофилы и знали о ней ранѣе, но *много-ли* нашихъ образованныхъ людей вѣдали, о чемъ говорили и писали славянофилы? Поэтому мы нисколько не грѣшили противъ истины, указывая на Гакстгаузена, какъ на ознакомившаго насъ по крайней мѣрѣ *съ значеніемъ*, если не съ *фактомъ* крестьянской общины.

общинныхъ порядковъ. И пусть за это дѣло примутся первыми тѣ изъ насъ, которымъ знакома русская земля не по извращеннымъ объ ней писаніямъ, не по разсказамъ недоброжелательствующихъ славянству чужеземцевъ, не по соображеніямъ нашихъ соотечественниковъ изъ числа склонныхъ криво и косо понимать нужды народа, а по болѣе строгимъ и прямымъ источникамъ и матеріаламъ, надъ собраніемъ которыхъ работаютъ уже давно многіе изъ нашихъ почтенныхъ ученыхъ и наши достойныя полнаго уваженія по своимъ трудамъ и честному направленію ученыя общества, въ ряду которыхъ первое мѣсто можно дать русскому Географическому и Вольному — Экономическому Обществамъ, трудящимся и нынѣ, чрезъ посредство своихъ неутомимыхъ членовъ, въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества и на его окраинахъ, на пользу дѣла — познанія родной земли. Можетъ быть, Рус. географ. Общество, ознакомившее уже насъ довольно близко съ русскими артелями, съ русскими кустарниками и продолжающее нынѣ вести дѣло изученія ихъ по широкой программѣ, *возьметъ на себя инициативу и въ дѣлѣ составленія системы изученія нашего общиннаго строя жизни и затѣмъ поможетъ осуществиться дѣйствительному его познанію.* На дѣло это уже обратила въ прошломъ году вниманіе состоящая при Географическомъ Обществѣ «Коммисія о народныхъ юридическихъ обычаяхъ». Въ одномъ изъ засѣданій ея, 22 ноября 1876 г., рѣшено было для собиранія матеріаловъ объ общинѣ составить особую спеціальную программу, и членъ Коммисіи *Ѳ. Л. Барыковъ*, имѣвшій случай близко изучить вопросъ о народныхъ обычаяхъ, касающихся устройства земельной общины, взялъ на себя трудъ приготовить *конспектъ программы вопросовъ о земельной общинѣ.* По выполненіи Ѳ. Л. Барыковымъ этого труда и по докладѣ объ этомъ Коммисіи въ засѣданіи 12 апрѣля настоящаго года, было сообщено, между прочимъ, членамъ Коммисіи, что выработкою программы вопросовъ для собранія свѣдѣній объ общинѣ занимался еще корреспондентъ Коммисіи *П. С. Ефименко;* что составленная имъ программа отослана *Е. И. Якушкину,* который намѣренъ приготовить подробную программу для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ и

наконецъ, что членъ Самарскаго Статистическаго Комитета *о. Іоаннъ Архангельскій* предполагаетъ заняться изслѣдованіемъ семейныхъ обычаевъ с. Кракова (Самарскаго уѣзда) въ отношеніи вліянія ихъ, между прочимъ, и на общинное земледѣліе *). Кромѣ того намъ извѣстно, что свѣдѣнія объ общ. землевладѣніи собираются въ Саратовс. Стат. Комитетѣ; затѣмъ изъ сообщенія «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдом.» видно, что секретаремъ Ярославскаго Статистическаго Комитета *Посниковымъ* выработана уже программа собиранія свѣдѣній—по тому же предмету, а Нижегородскій Статистическій Комитетъ изъявилъ съ своей стороны согласіе содѣйствовать этому дѣлу; далѣе, въ программѣ, составленной этимъ же Комитетомъ сообща съ земствомъ Нижегородской губерніи, для собиранія статистическихъ свѣдѣній — вообще, находится нѣсколько параграфовъ, касающихся прямо и косвенно вопросовъ общиннаго землевладѣнія. Желательно было бы, чтобъ общество наше имѣло возможность, чрезъ посредство періодической литературы, знать нѣсколько болѣе того, что теперь извѣстно о положеніи работъ по общинному землевладѣнію, для насъ рѣшительно непонятно держаніе ихъ подъ спудомъ—въ виду той громадной пользы, которую можетъ принести ихъ опубликованіе. Вѣдь, не легко рѣшить такой вопросъ: «что, у насъ должно быть общинное, или участковое землевладѣніе?» вопросъ, предъ которымъ всѣ другіе важные вопросы нашей жизни отодвигаются на задній планъ, кажутся вопросиками, а иные изъ нихъ, при взглядѣ на нихъ съ той точки зрѣнія, которой держимся мы въ настоящей статьѣ, представляются совершенно *дутыми* вопросами, какъ напр. вопросъ о вспомоществованіи арендаторамъ многоземельныхъ губерній привлекать къ себѣ толпы рабочихъ для практикованія несоотвѣтствующихъ ихъ капиталамъ громадныхъ запашекъ, или, выражаясь иначе, вопросъ о *«поддержаніи хищническаго хозяйства въ Южной Россіи»*. Такимъ же дутымъ вопросомъ представляется у насъ и вопросъ *«объ уничтоженіи круговой поруки»*, о возбужденіи

*) Упоминаемые здѣсь журналы Коммиссіи напечатаны въ послѣднее время въ «Извѣстіяхъ» Рус. Геогр. Общ. Т. XIII, выпускъ 2, 1877 г.

котораго и рѣчи никогда не могло бы быть, если бы общины наши не разстроили своего хозяйства вслѣдствіе цѣлой совокупности весьма многихъ причинъ. Возникло мнѣніе о вредѣ этой поруки изъ разной неурядицы, а когда она исчезнетъ, то, конечно, тогда всѣмъ безъ исключенія будетъ видно, что *круговая порука есть нѣчто неразрывное съ контролемъ каждаго частнаго общества надъ своими членами*, контролемъ, составляющимъ насущную принадлежность каждой артели — промышленной, рабочей и земледѣльческой, которыми, какъ видѣли читатели, исполнено, такъ сказать, все пространство въ сферахъ ремесленной, промышленной и земледѣльческой жизни нашего громаднаго отечества. Пишущему эти строки пришлось назадъ тому довольно времени прослѣдить *«исторію русскаго поручительства»*, и эта работа дала, между прочимъ, такой результатъ: чѣмъ дальше идти къ началу русской исторіи, тѣмъ чаще этотъ договоръ является обезпечивающимъ различные договоры и обязательства не только между одними частными лицами, но и между правительствомъ и частными людьми; мало этого, чиновники, поступающіе на службу, даютъ за себя поруки въ томъ, что они будутъ отправлять какъ слѣдуетъ свои служебныя обязанности; отряды войскъ, набираемые на службу, ручаются правительству другъ за друга (*круговая порука*) въ вѣрной службѣ; знатные бояре даютъ князьямъ поручителей въ неотъѣздѣ. Понятіе *круговой поруки* по «Русской Правдѣ» разростается въ *понятіе помощи общества своему члену*. Этотъ древнѣйшій законодательный памятникъ *не знаетъ иного слова* — для выраженія понятія объ обязанности общества платить виру, какъ только слово *«помогать»*. Гдѣ нѣтъ этого понятія, гдѣ преступникъ является лицомъ непринадлежащимъ къ общинѣ, или гдѣ преступленіе таково, что исключается изъ разряда тѣхъ, за которыя отвѣчаетъ общество, тамъ въ «Русской Правдѣ» употребляются обыкновенныя выраженія: *«самъ платитъ»*... *«людіе не платятъ»*; но гдѣ есть узаконеніе объ отвѣтственности общества, тамъ вездѣ оно выражается словами: «помогати головнику»... «а отъ верви *помочнаго*». Цѣлыя селенія, цѣлыя общества представляются по древнему народному обычаю, а слѣдовательно и по древнему законодатель-

ству — *обязанными помогать каждому изъ своихъ членовъ при платежѣ правительству пеней, налагаемыхъ за преступленія и проступки.* Порука замѣняетъ нынѣшній полицейскій надзоръ надъ людьми сомнительнаго поведенія, употребляется какъ средство предупрежденія преступленій, какъ залогъ благоустройства и порядка въ государствѣ, а въ судебныхъ процессахъ гражданскихъ и уголовныхъ не обходится безъ нея ни единаго дѣйствія. И продолжается такое обширное царство поруки какъ-разъ до того времени, съ котораго начинается крупная ломка русской жизни, введеніе иностранныхъ порядковъ, составленіе законовъ не путемъ освященія даннаго народнаго юридическаго обычая указомъ Царя, постановленіемъ Собора, опредѣленіемъ суда и приказа, а уже инымъ, совершенно противоположнымъ путемъ. Судебное поручительство Императоръ Петръ I оставляетъ только для одного рода судопроизводства—для суда по формѣ. Изъ законодательной дѣятельности преемниковъ Петра видно, что поручительство осталось обезпечивающимъ только подряды и поставки казнѣ и нѣкоторые договоры между частными лицами. Древнее наше поручительство, т.-е. дѣйствовавшее въ до-Петровское время, представляется разработаннымъ до изумительности тонко и стройно и выдерживаетъ сравненіе съ поручительствомъ по римскому праву; каждый видъ его является строго пригнаннымъ къ тому разряду случаевъ, къ которому его надлежало примѣнять. Мы находили здѣсь крайне разнообразныя, но и крайне систематичныя опредѣленія, касающіяся, напримѣръ, объема отвѣтственности поручителя; такъ, поручитель принимаетъ на себя: 1-е, исполненіе обязательства въ случаѣ неисправности главнаго обязаннаго лица; 2-е, вознагражденіе убытковъ происходящихъ отъ неисполненія обязательства; 3-е, способствовать исполненію обязательства со стороны главнаго обязаннаго лица; 4-е, платить извѣстную пеню; 5-е, нести наказаніе личное. Иногда же поручитель оставался внѣ всякой юридической отвѣтственности. Опредѣлены были точно условія, при которыхъ какія лица и за кого могли ручаться (способность поручителей); порядокъ хода взысканія съ поручителей; отношенія между поручителемъ и тѣмъ, за кого онъ ручается; отношенія между поручителями, которыхъ

(замѣтимъ эту важную особенность) при всякомъ случаѣ поручительства *всегда было много, а при круговой поруки*, т.-е. порукѣ общества, или отряда войскъ за своихъ членовъ, и при отдачѣ обвиняемаго въ преступленіи на поруки одобрившимъ его обыскнымъ людямъ, не могло быть мало по самому существу этой поруки; заключеніе договора поручительства обставлено было многими особенностями, предупреждавшими возможность различныхъ злоупотребленій; случаи прекращенія дѣйствія поручительства были опредѣлены сообразно съ случаями употребленія этого обезпеченія обязательствъ. Кто же сочинялъ, начиная со временъ дѣйствія «Русской Правды» и кончая Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича, эти законоположенія о поручительствѣ? Ихъ вырабатывала жизнь народная, въ которой они и обращались въ формѣ юридическихъ обычаевъ, а древніе законодатели, не разобщенные еще тогда съ народомъ, брали ихъ готовыми и вписывали въ указы, грамоты, судебники, уложенія. Законодательство со временъ Петра I измѣнилось, но жизнь народная осталась та же самая со своими древними неписанными законами-обычаями *и руководится ими по днесь* въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не приходится ей сталкиваться съ письменнымъ закономъ *). Основываясь на всемъ

---

*) См. «*Юридическій Сборникъ*» *Казань, 1855* г. Затѣмъ въ изслѣдованіи поручительства *П. Д. Бѣляева*, напечатанномъ въ «Рус. Бесѣдѣ» 1860 г. кн. II, подъ заглавіемъ «*О круговой порукѣ на Руси*», мы находимъ попытку изложить исторію этой поруки въ связи съ исторіей русской общины. Мысль, по нашему мнѣнію, весьма цѣнная и прямо указывающая на невозможность удовлетвориться для познанія исторіи русской общины тѣми данными, которыя откопаны пока современною наукою русской исторіи. Если возразить относительно труда г. Бѣляева, что онъ построенъ на предвзятой мысли о томъ, что никакая община или артель немыслимы безъ взаимнаго ручательства члена ихъ другъ за друга, то можно замѣтить на это, что мысль эта только потому кажется чисто теоретическою что ее мы привыкли слышать безъ представленія въ своемъ умѣ тѣхъ фактовъ жизни, изъ которыхъ мысль эта составляетъ прямой выводъ. Практика жизни русской интеллигенціи, особенно большихъ городовъ, дѣйствительно мало даетъ подобнаго рода фактовъ, а если они и встрѣчаются у насъ, то обыкновенно затемненные той грудой данныхъ, въ связи с которыми они являются въ жизни. Возьмите напр. хотя» общества взаимнаго кредита»; они основаны на дѣйствительно существующемъ въ сознаніи каждаго изъ ихъ членовъ, что другіе члены поведутъ дѣло какъ слѣдуетъ,

этомъ, мы почти не вѣримъ, когда читаемъ гдѣ либо, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на казенной землѣ, *крестьяне уничтожили круговую поруку, оставшись при общинномъ владѣніи землею*; не вѣримъ здѣсь тому, чтобы порука, уничтоженная по приговору, оставалась не дѣйствующею на самомъ дѣлѣ, потому что: а) отъ вѣковаго обычая, въѣвшагося въ плоть и кровь, нѣтъ возможности отдѣлаться нашему простолюдину и б) община безъ вмѣшательства каждаго въ дѣла всѣхъ и, наоборотъ, всѣхъ въ дѣла каждаго, т.-е. *безъ взаимнаго контроля* — вещь немыслимая и въ такомъ понятіи о ней нѣтъ логики; круговая же порука есть *ничто*, дающее значеніе этому контролю: безъ нея онъ обращается въ ничто. Въ крестьянскомъ самоуправленіи многое совершается иногда на *явной міровой сходкѣ только для виду*, чтобы удовлетворить внѣшно чьему либо требованію, а потомъ, обыкновенно собирается гдѣ либо на задворьѣ новая сходка, рѣшающая какъ и что дѣлать и каждый изъ членовъ *міра* дѣйствуетъ затѣмъ сообразно рѣшеніямъ этой послѣдней сходки. Подобнаго рода факты не разъ замѣчены были мировыми посредниками при введеніи крестьянской реформы; покойнымъ изслѣдователемъ нашего народнаго быта Яку-

---

что есть множество вѣротностей, что дѣло общества пойдетъ вотъ по такому-то данному пути. Слѣдовательно здѣсь каждый вѣритъ *въ извѣстныя* личныя желанія и стремленія другаго и на основаніи этой вѣры дѣлаетъ въ извѣстной мѣрѣ довѣріе другому. Между тѣмъ какъ мало здѣсь конкретныхъ представленій такого рода, изъ которыхъ-бы ясно вставалъ выводъ—«о ручательствѣ другъ за друга», существующемъ между членами «общества взаимнаго кредита». А въ силу этого и тотъ § устава этого общества, въ которомъ говорится объ отвѣтственности своими вкладами и имуществомъ за общіе убытки, кажется съ перваго взгляда чѣмъ-то страшнымъ, какимъ-то лишнимъ условіемъ, навязаннымъ кѣмъ-то извнѣ, а не непремѣннымъ условіемъ существованія общества, не вытекающимъ изъ самой сути его явленіемъ, не обратною стороною медали! Таже психологическая, такъ сказать, ошибка допускается нами при мышленіи о русской общинѣ, конкретныхъ представленій о которой мы почти не имѣемъ. Но чуть мы начинаемъ знакомиться съ ними, изучая, напримѣръ, самыя мелкія подробности русской исторіи, или входя лично и непосредственно въ прямое соприкосновеніе съ жизнію русскаго селенія, какъ происходитъ нѣчто иное. Масса данныхъ яркихъ, рѣзкихъ появляется въ нашемъ представленіи и прямой непосредственный выводъ изъ нихъ говоритъ на-

шкинымъ даже записанъ такого рода фактъ; въ Сибири до сихъ поръ существуетъ два рода книгъ въ волостныхъ правленіяхъ: однѣ *явныя, офиціальныя*, другія *частныя*, имя имъ— *«темныя»*; въ послѣднія записываются до мелочи всѣ общественные расходы, сборы и поборы; по нимъ составляются раскладки *дѣйствительныя*. Добыть эти книги и заглянуть въ нихъ нѣтъ возможности никому, кромѣ самихъ членовъ общества; изъ лицъ постороннихъ сибирскій крестьянинъ покажетъ ихъ только развѣ закадычному своему другу, куму, человѣку крайне честному и крѣпкому на слово. Вотъ нѣчто подобное происходитъ, вѣроятно, и съ круговою порукою въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне подпишутъ приговоръ объ отмѣнѣ ея и объ оставленіи вмѣстѣ съ тѣмъ въ силѣ общиннаго землевладѣнія; и она, офиціально несуществующая, продолжаетъ, вѣроятно, существовать на дѣлѣ, облекшись, можетъ быть, въ иную форму, подъ которой русской интеллигенціи еще не скоро придется узнать старинную знакомку. Странное совпаденіе мы видимъ здѣсь между крайне тонкою разработкою русскимъ древнимъ законодательствомъ *«поручительства»* и между тоже крайне тонко и цѣлесообразно выработанными народомъ различными системами раздѣла земель, луговъ, урожая и проч., или, говоря другими словами, между выработкою пригодныхъ для многоразличныхъ условій жизни формъ и порядковъ *общиннаго хозяйства и артельныхъ предпріятій*. Страннымъ совпаденіемъ мы его назвали потому, что о *«поручительствѣ»* мы говоримъ, какъ о давно *прошедшемъ*, а объ *общинныхъ и артельныхъ — порядкахъ*, какъ о нынѣ существующемъ. Но не

шему сознанію—*«безъ круговой поруки нѣтъ общины, безъ общины или артели—нѣтъ и круговой поруки»*. Поэтому предвзятая мысль г. Бѣляева не есть предвзятая, а прямой выводъ его изъ тѣхъ данныхъ изъ русской исторіи, которыя кинулись ему прямо въ глаза при занятіяхъ спеціально исторіей рус. крестьянства. Понятіе «о нераздѣльности круговой поруки съ понятіемъ объ общинѣ и артели» раздѣляется и другими сторонниками рус. общины; такъ, это понятіе проводится въ статьѣ «Трудовъ» И. В. Э. Общества (іюнь и іюль 1876 г.) г. *Никольскаго*, взявшаго на себя трудъ критически разобрать напечатанный въ 1875 году въ «Земледѣльческой газетѣ» (№ 4, 1875 г.) проэктъ — А. В. О. *«Объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія въ средней нечерноземной полосѣ Россіи посредствомъ земледѣльческой артели»*.

странно это покажется, если мы возьмемъ во вниманіе, что древнее наше законодательство составлялось путемъ обращенія въ законъ народныхъ юридическихъ обычаевъ; а всѣ эти обычаи, какъ это извѣстно, и по-днесь живутъ и дѣйствуютъ въ нашемъ народѣ; такимъ образомъ, можно смѣло заключить по одному этому наведенію, что *«порука»* въ настоящее время господствуетъ у насъ въ народѣ въ томъ же совершенномъ видѣ, въ какомъ практиковалась она и въ допетровское время. Поддерживая этимъ наведеніемъ другое, ранѣе высказанное, что «сельскохозяйственная община и всякаго рода промышленная артель немыслимы безъ поруки», мы волею-неволею должны принять, что въ до-петровское время Руси община и порука шли рука объ руку, разнообразились въ своихъ формахъ, развивались, и одну изъ нихъ — *общину* мы отчасти видимъ уже и теперь довольно ясно, насколько это позволяютъ добытыя о ней пока данныя изъ настоящаго быта. Что же касается до поруки, то въ настоящемъ мы только предполагаемъ ее примѣняемою и, вѣроятно, скоро увидимъ, если только не ослабѣетъ начавшееся у насъ стремленіе къ познанію родной земли. Въ виду же того, что однимъ изъ поводовъ къ предположеніямъ о крѣпкой жизни у насъ поруки въ настоящемъ послужила намъ ея исторія, мы имѣемъ основаніе полагать, что и *историческое изслѣдованіе общины* должно дать весьма много для познанія ея въ настоящемъ. Такимъ образомъ общинные порядки наши крайне нуждаются не только въ изслѣдованіи ихъ *современнаго положенія*, но и *ихъ исторіи* *), которая и должна сослужить немаловажную службу дѣлу полнаго уразумѣнія ихъ въ настоящемъ. Нечего и говорить, что и относительно круговой поруки надобно въ настоящее время поднять вопросъ *«не объ отмѣнѣ ея»*, а «о *предварительномъ уясне-*

---

*) О сознаваемой у насъ необходимости изученія исторіи «Мірскаго землевладѣнія» свидѣтельствуетъ недавнее появленіе въ свѣтъ работы г Соколовскаго—«Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи» («Знаніе» № 1. 1877 г.) и тотъ интересъ, съ которымъ отнеслась читающая публика, между прочимъ, и къ тѣмъ мѣстамъ послѣдняго труда кн. Васильчикова—«Землевладѣніе и земледѣліе», въ которыхъ изложены у него свѣдѣнія, касающіяся *исторіи* землевладѣнія русскаго народа.

ніи ея значенія при общинѣ и артели и вообще о большемъ знакомствѣ съ нею».

Итакъ, по *самому жизненному вопросу русскаго народа* весьма много и много потребуется труда и силъ, чтобы приготовить ему такое практическое разрѣшеніе, за которое бы намъ не привелось покраснѣть предъ исторіей нашихъ дней.

Кто можетъ поднять и довести до конца это дѣло? Конечно, при настоящемъ положеніи дѣлъ, не единичныя силы, а *цѣлая стройная артель изслѣдователей*, представляющаяся намъ въ лицѣ испытанныхъ уже на поприщѣ познанія русской природы и жизни *Обществъ Русскаго Географическаго* и *Вольнаго Экономическаго*, при искреннемъ и жаркомъ содѣйствіи и пособіи дѣлу всей русской литературы.

С. К....нъ.